

ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Артур Олейников

Ссылка на публикацию

Артур Олейников

ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

Глава первая

Когда перед человеком предстает тяжелая пора в жизни и суровая правда окружающей среды и действительности уже готова расправится с человеком, сознание и разум, включают защитные механизмы и приходят на помощь и могут победить даже самое скверное. Время вдруг как бы остановится и память самыми яркими красками нарисует в воображение, что-то приятное. Так напомнит и скажет, что есть такие мгновения и минуты, которые как бы из самого простого делают человека пусть на короткое время, счастливым. Это

может быть что угодно. К примеру, мороженное и лето. Солнце и жара и мороженное. Кому какое нравится, пожалуйста эскимо, оно ломается на зубах и кусочки шоколада с холодной и сливочной молочной массой вызывает на лице и душе улыбку, а кто-то сжимает пальцах пломбир и с восторгом подумает, о том, что первое придет на ум, что откусить кусочек или попробовать мороженное языком или вот фруктовое, для того, кто кусает и глотает сладкий фруктовый лёд это удовольствие. И именно на первый взгляд пустяк как бы перегрузит ваш разум и от банального эффекта с мороженным, память словно карточную колоду начнет тасовать фрагменты то самого времени, когда вы как бы познали время беззаботности и радости.

И как же это здорово, что можно вот так. Вспоминай себе только хорошее и всё плохое попятится, но мне это уже не помогало. Я исчерпал все хорошие и находясь в одиночной камере в тюрьме Новочеркасска и в своем воображении уже съел не один десяток пломбиров и эскимо.

Камера двойник три на четыре метра. Бронь, железная дверь, за ней параша, отверстие в полу вместо унитаза, метр от параши, на другой стороне стены железный стол, намертво вмонтированный в грязный деревянный пол, выкрашенный в коричневую краску. Двухярусные нары, железные ржавые полосы из метала с матрасов который весь побуревших пятнах и маленькое зарешеченное оконце под самым потолком.

Тусклая лампочка больно режет глаза, ты не хочешь и уже не можешь, но снова и снова смотришь на свет, который взывает сначала раздражение, потом боль, но после нескольких дней ты так привыкнешь к этому абсолютно безнадежному свету, что просто начинаешь смотреть на все прищурившись, полузакрытыми глазами.

Мне хотелось только одного курить, но курить, хотелось не от того, что это привычка и страсть, а именно, чтобы хоть на время прийти в себя, сосредоточится и обдумать свое положение. И я закуриваю предпоследнею сигарету, предварительно спрятав последнею сигарету подальше с глаз. Иначе совсем не будет средства и когда наступит последний миг отчаянья у вас не будет поддержке. До тюрьмы я никогда не курил сигарет и именно курильщикам стал в тюрьме в одиночке.

Первая затяжка не с чем не сравнима, она успокаивает и на смену раздражительности приходят покойная мысль и я отчего-то смотрю на железную дверь и представляю за дверью коридор и лестницу ведущую в другую дверь, но это не просто дверь, это дверь в стене тюрьмы выходит на двор, во дворе стена, но за стеной свобода, но такая свобода, которая уже никогда не будет прежней

если вы переступили тюремный порог.

Заключенных в тюрьму Новочеркасска доставляли автозаками под самую тюремную дверь, и мне показалось, что тюремная стена упирается в небо, даже еще выше, словно тюремная стена загораживает весь солнечный свет.

И тюремный запах, и дух невозможно описать это какая-то смесь спертого несвежего затхлого запаха из грязного белья и немытых тел заключенных. Тюрьма в России все ровно, что нашатырный спирт может встряхнуть и оживить хоть живого хоть мертвого.

Стены холодного безжизненного тюремного коридора были выкрашены половой масленой краской. Пол бетонный. В интерьере не было ни намека на искусство, ремесло тюрьмы абсолютное погружение в состояния трепета и ропота только словно все и дышит на вас и смотрит и желает знать, способны вы ли на бунт.

Меня заводят в грязный отстойник это место предварительного заключения, перед тем как вас поведут в камеру. Комната в десять метров с раковиной со сломанным краном и парашей. Розетка в стене выломана. Деревянный пол с дырами. Сюда порою как селедку в бочку набивают под завязку заключенных прибывших с этапа. Они ломают деревянные полы и варят чифирь. За решеткой в окне без стекол и рам, которые выставляют на лето, чтобы зеки не задохнулись, сидит кот и грызет хлеб. Тюремных кошек любят и подкармливают. Они приходят в отстойник покормиться, когда он полон людей. Заключенные гладят кошек и котов и вспоминают дом.

Кот не обращал на меня внимание и продолжал есть.

Меня больше часа держат в отстойники, и время кажется вечностью. Тюрьма, как ни одно другое место на свете заставляет вас задумываться и уходить мысленно в себя.

— Какая статья?

Я еще не знаю, какую уголовную статью, и часть вменит мне следователь. В природе вещей общества нет четкого понятия и формулирования моего преступления, и, я говорю деяния:

— Церковь взорвал!

На меня смотрят и не могут понять. Слышат и не верят. Есть то, что не желает укладываться в голове.

— Что сделал? — переспрашивают меня.

— Бомбу сделал!

Бомба это самое страшно природа вещей! Хаос, который никогда не знаешь, чем выльется.

Я не знаю, но люди которые служат и живут за стенками сроднился с тюремными стенами которые призваны подавлять волю все таки могут понять даже непостижимой. И в этом величие тюрьмы. И теперь каждый мой сокамерник, каждое слово, которое в мой адрес скажет каждый конвоир, постовой и корпусной исполняющий обязанности в тюрьме должно быть взвешенно. Убийца обыкновенный в камере спокойный, он уже убил, насильник задыхается от страха, потому что знает, что изнасилую или растерзают, потому что он изнасиловал и растерзал и в конце всего не выдержит и прежде таясь, откроется.

Бомба же взрывается, нарушая природу вещей, при взрыве за углом разобьется стекло, вылетит деревянная рама. В эпицентре взрыва человеку оторвёт части тела. Оторванная нога одного просто испугает, а мать заставит задохнуться от горя, третий просто при взрыве оглохнет, на миг или час и как с гуся вода. Как контролировать хаос? Хаус есть закон нового порядка нового устройства мира, без хауса нет жизни. Жизнь не зарождается в покои.

Со мной нет личных вещей, сумки, которую нужно вывернуть и показать все содержимое и меня просто просят раздеться догола.

Я мешкаю, становится неловко. Первый раз в тюрьме при обыске раздеться перед незнакомыми людьми, предстает невыполнимым. Стесняясь, я раздеваюсь и такое чувство, что вы полностью беззащитны и свами могут сделать все только, что захотят.

Обратно я одеваюсь быстро и прячу глаза. Меня ведут по тюрьме. Я смотрю на все с любопытством, словно на экскурсии в каком-то необыкновенном музеи, еще не понимая, что главные экспонаты в тюрьме это живые люди, что здесь ставят опыты над живыми людьми как над подопытными мышами в лаборатории.

— Какая масса? Красная или черная? — спрашивает меня конвоир.

Я не понимаю вопрос, но интуитивно отвечаю:

— Черная!

И меня закрывают в одиночную камеру. Грязно маленькое окно зарешечено под потолком. Это карантин и сколько он продлиться не знает никто, день два десять, будет смотреть на поведения.

В одиночки я молчу, беру разведенную горячую жижу из кипятка и недоваренной крупы сечки. На железном столе кто-то оставил пластиковую бутылку. Если у вас ничего нет, бутылка это большая роскошь, в нее можно набрать воды. Кружку мне не дали. Пластмассовая тарелка и ложка. Алюминиевую ложку надо добиться. Всего надо добиваться в тюрьме. Второй тарелке тоже надо заслужить. Вам дают одну пластмассовую миску. В обед в нее наливают первое, подкрашенная вода с огромными клубнями не до конца очищенного картофеля. Если быстро проглотили и баланду еще не успели разнести вам надо стукнуть в карман, окошка над замком. Если услышат, и вы ударите злобно, вам откроют и дадут второе ни чем не отличающиеся от первого блюда. Но надо еще эту злобу, где то раздобыть.

Я не стучал. Мне открывали первыми и предлагали второе блюдо, я отвечал, что буду. Есть надо это жизненно важная потребность. В тюрьме прием пищи не просто насыщения организма, чтобы есть это еще и мораль и регулирования нравов. Я ем, потому что мне надо выжить. Все, всё понимают, в особенности, что я сущности все ровно, что бомба, стихия взрывотехника гром среди ясного неба и снова могу взорваться уже сам по себе в любой миг, и через двое суток ко мне заводят первого сокамерника.

Перед входом в камеру он стоит смирно и исполняет приказы.

Пограничник Андрей, убийца. Он поднимается каждую свободную минуту на окно и смотрит на церковь. Окна тюрьмы Новочеркасска выходят на церковь, на купол и залеченный крест.

— Посмотри, церковь! — говорит убийца.

Я смотрю и словно ничего невежу. Ни одного чувства на сердце.

Пограничник тщательно убирает после каждого приема пищи до каждой крошки. День, два. Я снова насорил.

Приученный к порядку военный оскорбляется и говорит:

— Не сори!

Злиться.

Я тоже приучен к порядку. Интернат, спорт, занятие охотой, личное оружие военные дисциплины, которые я впитал от знакомства с профессиональными военными, изготовления и конструирование взрывных устройств требуют порядка. Впредь стараюсь не сорить. Но я умею вживаться в образы до абсолютного погружения и сам себе на уме.

Но за стальной дверью этого еще не знают. И совершают как это говорят в тюремной системе, не доработку. Каждый мой сокамерник как бы ошибка начальника тюрьмы Колганова, но эта, нисколько ошибка, сколько логический результат и выбор, для дальнейших событий. моя удача. Самая моя большая удача в тюрьме именно, именно, что Колганов и человек и не лишён человеческих порывов в первую очередь совесть и долг и не позволит меня убить, когда ему рекомендовали. Сто раз предлагали.

Второй сокамерник приходит через три дня.

Блатной, бродяга! За кражу! Щуплый на вид, но только на вид, он может просачиваться сквозь вас и видит все насквозь. Прозвище Яша. Превратности судьбы он родился в Зернограде, рос и жил возле стадиона вблизи от интерната, в котором я учился.

Я говорю, что учился в речевой школе интернате в Зернограде.

Яша напрягается. Яше это не нравиться. Не я не нравлюсь, он понимают, что его ко мне подсадили как подсадную утку, чтобы не он, а я стал крякать, открыл рот, выдал сообщников, если такие есть и подробности совершенно преступления. Назвал имена, средства. Но каждое сказанное мной слово может, выльется боком Яше, и обратиться Яше смертью. Я это понимаю на подсознательном уровне и молчу, Яша это ценит.

Яша не с пустыми руками. Блатной не заезжает на тюрьму пустым. Спортивная сумка. Сигареты, чай кипятильник.

Я, ставлю Яшу в самое существенно, что зовется на тюремном сленге и фене — курсовка. Говорю, что взорвал в храме самодельную бомбу.

Яша делает вид, что это нормально как сходить за хлебом. И окончательно понимает, что его со мной знакомства подстава, но заваривает чифирь и предлагает мне первому.

Я благодарю.

Пьем вместе, пограничнику, Яша, отлил в отдельную посуду. Я еще не понимаю законов и устоев тюрьмы. Яша меня определяет в блатную масть. В армии не служил, рос в интернате, что наполовину деистский дом, отца нет, мать старая сиделец, и я непростой преступник, идейный.

Я не спешу, но впитываю каждый жест Яши.

Стук в бронь, так зовутся в тюрьме стальные двери камеры.

— В баню идем?

— Идем! — отвечает Яша.

Отказываюсь, как будь то прирос к камере.

— Это не дело! — отвечает Яша. — Выход из камеры, будь то прогулка, баня или этап на суд, это все ровно, что почувствовать себя свободным.

Я понимаю и соглашаюсь идти.

Яша веселый развязной походкой идет мимо обшарпанных стен и здесь я по-настоящему понимаю, что не место красит человека, а человек место. Стены и всё словно оживают под неунывающим Яшей. Ему улыбается конвоир.

Яша шутит.

На ходу умудряется говорить, объявляться. В тюрьме просто не говорят, каждое ваше слово это аргумент, кто вы и что вы.

Яша прошел сто метров, а уже все тюрьма знает, кто заехал.

У Яши в кармане пачка дорогих сигарет, но он спрашивает у конвоира сигарету. Конвоир знает то, но дает. Это игра. Яша так и горит.

— Угадай сигаретой.

У конвоира обыкновенные и самые дешевые сигареты.

У Яши дорогие, конвоир это знает и знает, что Яша угостит его. Конвоир возьмет. Так положено и скажет бессмертные слова.

— Живут же люди! Здесь работаешь света белого не ведёшь и куришь дрянь, люди сидят под замком и видят, что себе позволить не могу…

Яша отвечает еще более бессмертным и актуальным на все времена:

— Хочешь поменяться?

Конвоир фыркает и отвечает, словно креститься:

— Не дай Бог!

Баня огромна. Это комната на сто квадратных метров. Но, мы в бане одни. Каждая камера выводиться отдельно для мытья. Жар великолепный. В тумане пара не видно друг друга.

Я очень доволен, что пошел. Когда вы вымыты, грязь и безысходность черной камеры отступает пусть хоть и на время. До тех пор пока вы через день снова не пропитаетесь тюремным запахом и бытом. В тюрьме запах особый его нельзя не с чем сравнить, и быт.

Яша пишет малявы, записки, курсует по камерам и узнает о знакомых. Налаживает дорогу, между камерами тюремную почту.

И все происходит как бы само собой, но есть железная дверь и каждый звук, каждое новое движение и действие за тюремной дверью, это как новое событие, которое может изменить все ваше положение.

В бронь раздался стук и за железными дверьми конвоир объявил:

— Олейников передача! Свидание!

Я вздрагиваю и словно настаёт онемение, я растерян. Посетителем может быть только бабушка, мать я знал насильно удерживали в психиатрической больнице.

Яша хлопает меня по плечу и встряхивает и говорит идти.

Бронь открывается. Я выхожу. Постовой приказывает стать у стены и закрывает дверь с обратной стороны. Я стою и смотрю в стенку, я не могу не о чем думать, только о том, что сейчас увижу родного человека.

Меня ведут по коридорам. Постовой дышит мне в затылок и только говорит, идти, остановиться, к стене, открывает следующую дверь и снова приказывает идти, стоять, к стене, остановится, снова идти и вот оно свидание. Горькое свидание, потому что вы в тюрьме, и не знаете останетесь ли вы живы после всех экзекуций которые над вами проделает судьба или будут в живых ваши родные, которым может не хватить сил вас дождаться.

Бабушка горько смотрела на меня через стекло. Бабушка словно постарела на целую жизнь и смерть застучалась ей в сердце, после того как меня арестовали.

Комок подкатился к горлу.

Я преступник! Но чем виновата, старая женщина? Да, в глазах общества виновна, она меня воспитывала. И теперь она с семи утра стояла в очереди с продуктами, для преступника, нарушая тоже закон, и нормы нравственности, она не отказалась от меня, а пришла проведать и увидеть. В законе прописано свидание разрешено, но чтобы его получить надо получить разрешения сначала у следователя, но если вы решились жизнь меняется, вы теперь тоже под вопросом все росно, что преступник. Тебя поставят в длинную очередь с раннего

утра. Не хочешь не стой! Тебя заставят перебирать званого все продукты, разворачивать конфеты, перелаживать консервы в кулек, разрезать колбасу, ломать сигареты, а обыкновенную зажигалку не разрешат. Заставят составить полный список привезенных продуктов и половину продуктов не примут. Не положено. Не положено котлеты, не положена домашняя выпечка, не положены соки. А что положено, то все равно запретят. Не положено больше двух килограмм колбасы единовременно, вообще не положено больше тридцать килограмм общего веса в течение месяца.

Простояв нескольких часов на ногах в очереди с продуктами, которые вы бережно собирали для близкого человека три раза или более переписав список продуктов по причине того, что то неразборчиво написано, то на бумаге кончилось место, а вы забыли указать печенья. Если вы осмелились на свидание вы будите ждать в тесной комнате со всеми другими отцами наркоманов, матерями убийц и насильников и педофилов. Это неважно, теперь вы все едины, вы в тюрьме и за вами тоже станут следить и наблюдать, на что вы способны, кто вы, что в вас живет на самом деле, на что могут быть способны ваши родные…

Моя бабушка родилась в Сибири в глухом таёжном хуторе на опушки тайги, дед Алексей привез бабушку на Дон, познакомившись с ней, когда проходил службу в Барнауле. Как и мой отец, в последствие точно также повстречав мою мать на танцах, как дед бабушку.

В крови и в генах у Зинаиды Яковлевны было только то, чтобы подчиняться здравому смыслу и бороться. Бабушка мне объяснила, своей волей, что ты можешь оставаться человеком и под замком.

Когда я поник головой, бабушка заплакала в ответ, но тут же она прежде сгорбленная выпрямилась и встала, коренастая высокая она пошла на выход.

— Свидание не окончено! Сядьте на место! Свидание проходит ровно час! Прошло только двадцать минут. Покидают свидание все родственники вместе, — сказал офицер.

— Я здесь самого утра на ногах! Мне семьдесят, я тебе бабки гожусь. Молокоотсос! Туалета нет! В комнате ожидания как селедки в бочках, открывай, я сказала! Увиделась!

— Сядьте на место!

— Я сказала открыть! Я жила всю жизнь по вашим законам! — и женщина заколотила стальную дверь кулаком с такой силой, что гром раздался на всю

тюрьму и все затрещало.

Женщина не останавливалась, колотила и била, это был, словно разбуженный вовремя спячке медведь, у которого не становись на пути, раздерет в клочья.

Все всполошились и сбежались. Попятились и открыли.

Бабушка посмотрела на меня в последний раз в жизни, я сжимал зубы и кулаки. Бабушка была словно довольна, так, когда свершила самое важное для своего ребенка, наконец, то сделала для него больше чем накормить, собрать в первый класс, сыграть свадьбу. Открыла, что ты унаследовал от своих предков по праву рождения, бороться, бороться до самого последнего.

Возвращаюсь обратно в камеру злой. Иду уверенно и сжимаю кулаки. Сопровождающий сотрудник это понимает, и тоже начинает проявлять жёсткость, его слова, стоять, к стене, теперь больше не указывающие, а грозные и мы вместе словно приговоренные и только ждем, чтобы скорей я оказался в камере.

В камере меня встречает один пограничник.

Яшу вывели. Так случается и так может быть задумано, когда вы особо опасный преступник и под следствием всё так сделано, чтобы у вас не возникало спокойствие и не устанавливалось в сознание, привычной картины, которая может вас успокоить. По замыслу тюрьмы вы всегда должны испытывать неудобство и быть взвинченным, чтобы быть готовым к тому, что, если вы вздумаете бунтовать, вас можно было подавить и, чтобы все были к этому готовы.

Передачу приносят спустя несколько минут. Двери не открывают и кульки с продуктами протягиваю в карман для приёма пищи. Дают расписаться, в конце листка, где расписан каждый продукт и названия вещей, если они есть в передачи.

Вы не успеваете прочитать и не знаете, что есть, а чего нет и начинаете смотреть. Но это не тот случай, когда если это долгожданный подарок и вы с восторгом открываете коробку с вожделенным.

Я как-то трагично и в тоже время бережно доставал каждое, что мог собрать для вас родной человек. И каждый кусочек, каждый сверток становиться для вас словно знак и память о доме.

Я растерялся и на помощь пришел сокамерник, у которого был опыт.

— Колбасу надо повесить на решку! — подсказывает пограничник. — Декабрь все-таки. Так дольше не пропадет. Печенье, масла, сгущенка. Я торт умею.

Пограничник останавливает жадный взгляд на сигаретах. Бабушка знает, что я не курю, но все ровно передает сигареты, зная, что в тюрьме сигареты пригодятся даже некурящему. Несколько пачек. Одну пачку я даю пограничнику, другие прячу.

Едим. Сразу, что есть самое вкусное, сыр с колбасой. От насыщения продуктами, которые не видел и не пробывал долгое время, настаёт расслабление и как бы умиротворённость, вдруг может показаться, что нет ничего страшного и вот еще немного ты ко всему привыкнешь, но через полчаса, стук в дверь и слова за дверью.

— С вещами на выход.

— Кто? — расстроенно спрашивает Андрей, он уже сроднился о мысли, о продуктах и сигаретах, что можно будет есть в вдоволь.

— Обои!

Андрей нервничает и говорит, чтобы я молчал в той камере, куда нас приведут, он будет говорит и все устроит, но его надеждам не суждено было сбыться. Нас разводят в разные камеры.

Глава вторая

Время есть процесс и явление, которое живет и будет жить всегда и только одному времени подвластна принимать абсолютно любые формы. Но сам процесс можно и нужно научиться формировать зависимости окружающей среды и потребности. В прошлой жизни я был никем, простым обывателям, но случилось так, что я стал иметь права на мятеж. В церкви, в которой меня крестили в неурочный час, когда это было не положено ударили в колокола и в церкви случился переполох.

Прихожане сначала не поняли и в умиление закрестились. Жилистый старик батюшка Александр застыл и вдруг его лицо исказил испуг. Таинство святой службы расстроилось, и он не понимал причины. Молодой вертлявый дьяк с жидкой бороденкой побежал, расталкивая баб и мужиков к двери, ведущей на колокольню. Двери были заперты с обратной стороны. Люди, испугавшись, высыпали на церковный двор и увидели Ларису на колокольне. Прежде сгорбленная седая женщина, сняв платок снова и снова била в колокола. Для

всех предстала такая картина, что она била в набат.

— Богохульница! Уймись сатанинское племя! — закричал не своим голосом дьяк. — Прохор, разберись с дверью!

Позвал дьяк церковного сторожа.

Пыхтя и спотыкаясь, сторож прибежал с ломом в руках и стал ломать двери на колокольню.

— Полицию бы вызвать! — шепнул дьяк батюшке Александру.

Батюшка в испуге посмотрел на расторопного дьяка.

— Провести ее не мешала бы! — пояснил дьяки и, не дожидаясь ответа, побежал звонить в полицию.

Батюшка промолчал и согласился, что надо принять меры и дьяк молодец.

У Бога и всех святых на виду сломали дверь и устремились на колокольню.

Наотмашь с размаху сторож ударил престарелую женщину по спине, а какой-то мужик, из прихожан больно выворачивая руку поволок Ларису с колокольни.

— Отпустите! Я не нарочно! Не хотела никого обидеть! — плакала женщина.

— Молчи! Преступница! — многозначительно сказал сторож Прохор и снова беспощадно огрел тяжелым кулаком Ларису по спине.

Лариса сидела на голой земле и, закрыв лицо руками горько плакала. Ей не давали подняться. Ее обступили со всех сторон, чтобы не сбежала.

Слезы раскаянья не производили ни на кого жалости так, что какая-то баба пнула Ларису больно нагой.

И только ребенок девочка пяти лет вдруг зарыдала:

— Не бейте бабушку, — выкрикнула дитя, растирая слезы кулачками.

— Помалкивай, молоко на губах еще не обсохло! — крикнула в ответ злая баба и еще раз пнула Ларису.

Полицейский уазик приехал скоро. Высокий сильный кровь с молоком мужчина в форме, ухмыляясь, подошел к толпе. А за ним еще один — толстый и низкий. Он фыркал и вздыхал и размахивал резиновой дубинкой.

Дьяк с подобострастным лицом стал вертеться перед полицейскими и злобно нашёптывать.

— Гадость! Службу нам испортила!

— Разберемся!

— Пятнадцать суток ей! На одну хлеб и воду!

Высокий лейтенант посмотрел на Ларису и сказал:

— Расходитесь православные!

И сержанту:

— Позаботься!

— Наказать бы! При всем честном на роде. Чтобы другим неповадно! — распинался дьяк

— Сделаем, — сказал толстяк в форме и ударил Ларису дубинкой по ноге. И схватил женщину за руку и потащил в уазик.

Лариса стала упираться, а толстяк, не колеблясь, стал отхаживать ее дубинкой.

— Наручники! — выкрикнул лейтенант.

Дьяк довольный потирал руки, а мою маму бедную и избитую под покровом святых стен в наручниках из церкви увозила полиция.

Конопатый шофер полицейский усмехнулся, когда толстяк Витька Дятлов напарник в очередной раз дал Ларисе дубинкой по ребрам и спросил у лейтенанта:

— В отделение?

— Еще не хватала, — ответил лейтенант Воронин. — Мне начальство за такой подарочек выговор влепит. В психиатрическую. В Ковалёвку гони.

— Отпустите! — плакала Лариса. Ей было обидно и горько.

— Поздно, матушка! — рассмеялся Витька Дятлов.

— Да! — поддержал Воронин. — Бог — смирение любит. Нагрешила — отвечай.

Хутор Ковалёвка был за городом и был знаменит большой областной психиатрической больницей, куда со всех городов Ростовской области днем и

ночью везли больных. Доставляли просто пьяных с белою горячкой, помешавшихся и вот таких как Лариса, с которыми полиция не хотела связываться.

Дятлов пихая в бок Ларису выволок ее из машины.

— Полегче! — сказал Воронин. — А то нажалуется местным эскулапом. Накапают начальству.

— Да, я только так, чтобы смирно себя вела.

— Оставить!

Лариса Алексеевна спотыкаясь и со слезами пошла туда куда ее вели, с видом словно на эшафот.

— Принимайте! — сказал Воронов доктору как старимому знакомому. Можно было сделать вывод, что лейтенант в больницу ездит как себе на работу и работает санитарам на полставки. — Из церкви! Помещалась! В колокола звонила! Не наша забота!

И полицейские усмехаясь ушли.

Женщина врач в белоснежно халате посадил Ларису на стул посреди большой комнаты приемной, а сам стал немного вдалеке. Чернявая медсестра за столом стала записывать. А крепкая санитарка с руками по швам смотрела, не мигая, словно не живое изваяние.

— Что с вами случилось? — ласково спросила Скворцова.

— Ничего не случилось! — ответила Лариса Алексеевна.

— Ну как же ничего! Почему тогда вы здесь?

— Не знаю! Я ничего плохого не сделала!

— А полицейские, говорят, что в колокола звонили.

— Звонила!

— Зачем?

— Не знаю. Давно себе представляла.

— Ну, хорошо! Ваша полное имя отчество и фамилия.

— Пастушенко Лариса Алексеевна.

— Год рождения?

— Одна тысяча девятьсот шестьдесят первого.

— Замужем?

— Нет в разводе!

— Дети есть?

— Есть сын!

— Хорошо! — сейчас санитарка вас проводит в палату и вы отдохнёте.

Санитарка ожила и сделала шаг навстречу Ларисе.

Лариса Алексеевна попятилась.

Санитарка взяла Ларису за руку и потащила за собой.

Ларису привели в какую-то комнату и приказали раздеться догола.

Женщина смутилась и замешкалась.

Санитарка разозлилась и стала прямо стягивать с Ларисы одежду.

Раздела и дала старый весь потрёпанный халат и резиновые тапочки от разных пар и размеров.

Палата куда привели Ларису была с низким потолком грязной и переполненной женщинами разного возраста от молодых до дряхлой старухе с немытыми растрёпанными длинными и седыми волосами.

Больные смотрели на новенькую безразлично.

Ларисе указали на железную койку в проходе.

— Сиди и помалкивай! А то получишь у меня! — сердито сказала санитарка.

Лариса не подчинилась. Она впала в исступление.

— Мерзавцы! — выкрикнула Лариса и бросилась на санитарку с кулаками.

Силы были не равны. На помощь санитарки на удивления Ларисе пришли сами же больные, которые должны были заступиться, но нет. Стали ее крутить и намертво привязали к койке. Лариса долго билась и пыталась освободиться, но

выдохлась и затихла, и только тихо вздрагивала.

Через несколько дней под воздействием лекарств моя мать стала инвалидом, так может быть под воздействием тех препаратов, которые вам противопоказаны связи с вашей врожденной физиологией. Психиатр так и остался, как и двести лет назад все равно как средневековый варвар врач, который делает и переводит над пациентом эксперименты и опыты. В психиатрической больнице прежде назначают лекарства и следят за реакцией организма и не берут анализов, никто не знает не врач и тем более несчастный пациент как то или иное лекарство повлияет на ваш рассудок и мозг, психиатрия — это вечный поиск и противостояние тому, что не известно и скорее всего так и останется тайной.

И время моей жизни разделилось, но не до и после, а только после. После того, что сделали с моей матерью. И теперь находясь в тюрьме я не боялся именно по воду своего деяния. Может показаться, что, если человека осудили по той или иной уголовной статье, суд четка регламентирует его положение в тюрьме, но так хочет суд, именно что хочет и так устроен, но людям, которые будут делить с вами хлеб и воду многие годы важно, за что как и почему. Вот именно, что как убил, за что убил, кого убил, а ни то, что убил! Следствие и суд могут публично объявить и заклеймить человека в изнасилование, но человек может быть и жертвой. Как бы не опровержимые доказательства позволят лишить человека свободы, но в тюрьме люди разбираются и выясняют истинные доказательства, потому что твоим сокамерникам это важней чем суду. Тюрьма то место, где ты не сможешь претворится до конца и рано или поздно тебя и твою лож раскроют.

И поэтому зная, за что и почему я совершил преступление меня не страшила неизвестность, которая откроется мне за новой тюремной дверью.

Я честно признаюсь, что ожидал чего угодно, но только ни снова одиночной камеры. Я понял, что одиночка для этого и призрачна в тюрьме, чтобы человек оставшись собой наедине начинал снова и снова представлять и тот мир, который привел его в тюрьму и привыкал к одиночеству, когда к нему, как только он смог найти способ постоянно не прокручивать время прошлого рисуя из него картины бедующего, ошеломить его новым соседом по камере.

Я осмотрел камеру. Она была больше камеры карантина, но тоже не общая камера. На две двухярусные шконки. Так все чисто, над железным столом деревянный антресоль с резными дверцами. Матрас, подушка в наволочке и темное одеяло, старое и потрёпанное, но шерстяное и чистое пусть и без пододеяльника.

Я поставил кулек с передачей на стол и сел на железную лавку. На мгновение я словно, провалился и ничего не видел вокруг и не о чем не думал, но только короткое время. Но вдруг я стал думать именно об одиночестве в целом, не в том одиночестве, что превращается в уединение, что есть радость для души для современного человека, а именно одиночества. Я вдруг понял, что тогда в то время, я был одинок, одинок как человек, который совершивший идейный поступок, а каждая идея увенчавшиеся делом, требует обратной связи с обществом так как она есть социальное действие. Меня не поддержали или не разгадали мое настроение пред моим манифестом и актом. Единственный кто из моего окружения понял, что я на пороге что-то страшное был Бабанский Сергей Дмитриевич. Нет, я гремел громом каждому встречному и поперечному, что мою мать насильственно удерживают без суда и следствия психиатрической больнице и тем более, о том, что решил взрывать церковь. Даже родственникам, которые жили в разных частях страны я не сообщал и близким друзьям я тоже не говорил. Я знал, что в этом нет смысла. Именно в том не была для меня практической пользы, в их них вздохах и проклятьях, они были бессильны. Но у меня был такой круг общения, в котором я хотел узнать и настроение, и отношение к реальной действительности в России и вообще видел единомышленников. Это была правящая элита страны, при чем из всех крупнейших социальных классов. Политики и крупный бизнес, генералы и министры и депутаты, имеющие отношение к самому близкому окружению первого лица страны. Но наступал такой момент, что рано или поздно как бы в тесном круге всегда появляясь новые люди, которых рекомендовали или приводили с собой прежнее. Так попал в этот круг я. Умные люди понимали, что это делается для того, чтобы когда настает момент, что информация и мысли круга этих людей преставали выходить из круга компании и не доходили до выше стоящих преимущественно спец служб.

Деревянный сруб Бабанского стоял на реке Маныч и своим не привычным видом по отношению к местным казачьем мазанкам казался местным необыкновенным миром. И были такие кто мечтал, спалить дотла московский сруб. И дачи иногда горели как однажды, подожгли баню Бабанского. Но когда Сергей узнал, что поджигатель ребенок, он не подал заявления в полицию и спокойно возвел новую баню. Сергей был хорошим человеком именно, что сердечным. Мне на всю жизнь запомнилась как он держал за руку младшую дочку, ребенок для него было самое важное и главное явление в жизни, такое которое не имеет быть права оскорблено. И он может лучше других понимал, что, если ребенок встал на приступный путь в этом виновато общество и взрослые которого этого ребенка унизили или не взяли в расчет, что ребенок может мыслить и страдать от равнодушия и цинизма взрослых. Но местного не могли этого понять за высоким забором Сергея, неместный значит чужой. Даже Диков Вова,

проживший в хуторе тридцать лет был их врагом в первую очередь, потому что именно Диков собрал всю это общество со всей России. Сначала это было не специально. Но когда-то Вова оказался на Маныче в лице помощника егеря это должность в России приводит к тому, что вы обрастаете самыми полезными связями из числа местной элиты. Сначала это были просто местная элита, прокуроры и военные из близлежащих городов, потом их знакомые. Сергеем и его другом Алексеем он познакомился просто на дороге. У ребят пробила колесо, он помог и пригласил в гости и друзьям из Москвы так понравилось место, рыбалка и охота, что они решили строится и постепенно привезли всю честную компанию из Москвы.

И я тоже однажды попал на Маныч по протекции, приехал на охоту и с тех пор стал ездить и сошелся с москвичами.

Деков пышущий здоровьем казак с усами широкоплечий коренастый с могучей силой в руках мастер рукопашного боя. При этом он не показал мне ни одного приема, за то учил меня по настоящему ловить сетью рыбу, готовить казачью уху. По-настоящему, это когда вы не просто закладывает пищу в котел или ставите сеть, это когда вы думает не, а улове и не о насыщении утробы, а о том, чтобы подарить радость, прекрасный миг счастья друзьям с которыми сядете за стол. У Дикова две жены одна бывшая и другая гражданская и четыре дочки.

И когда я тогда приехал с грузом на сердце и замыслом взорвать церковь Диков, этого не знал, но словно что-то разгадал. Он служил в разведки и у него был врождённый дар замечать любую перемену в человеке.

— Мальчик ты прячешься о советской власти? — весело выкрикнул мне Диков пре встречи.

— Так нет же советской власти! Вся вышла!

— Путин — советская власть! — отвечает Диков и смеется.

— Ели бы случилась революция, тогда все бы решилось, тогда бы стало ясно умерла или живет в сердцах людей советская власть, — ответил я и тоже улыбнулся. — А так это все насаждение и спекуляция на чувствах стариков!

— Революция на пустом месте не делается! Почва нужна.

— Как у Ленина социальное равенство и братство!

— Это тоже! Но в первую очередь нужна армия!

— Идея нужна!

— Вот будет идея мальчик, тогда приходи! — Диков смеется.

И дарит мне красивый и дорогой вельветовый костюм.

— Держи мальчик! Носи всем на зависть!

На Маныче меня нарекли вторым именем, Мальчик.

После пятой кружки пива я иду купаться на Маныч. Стая скворцов, словно облако закружиться над головой. Вдоль берега убаюкивающий шумит камыш, и косяк диких уток поздоровается, прокрякав над головой.

После купания я иду к Василию Васильевичу. Дедушка Вася, он держит лошадей и корову. Молоко от степных манычских трав и цветов самое вкусное. Я беру всегда только парное молоко, чтобы прямо из-под коровы, чтобы теплое и валил пар. И сметану, когда она еще только как сливки и на обратном пути за один присест выпиваю до полбанки сливок. А за ночь, настоявшись, сметана приготовляется, и я ее застывшую все ровно как масло мажу на булочку и пью с кофе.

— Мне молока и сметаны!

— Иди, спроси у хозяйки.

Хозяйка невестка дочь, супруга давно уже лежала на местном погосте.

Красивая казачка молодка с румянцем на щеках выходит из хлева с ведром парного молока.

Вечереет. Напившись молока со сметаной, иду на закат, на древней курган. Курган высокий, и степь в заходящем солнце словно отливает бардовым светом.

На обратном пути натыкаюсь ногой на крупную черепаху. Беру черепаху в руки. Она прячется в панцирь.

Диков встречает меня жаренным сомом. Жирный с золотистой корочкой он таит во рту. Пьем, закусываем и ложимся спать уже за полночь.

Утром приезжает полковник Мальцев Виктор Абрамович.

У нас Мальцевым, какие-то доверительные отношения.

Полковник старинный друг Дикова и только перемолвившись с Диковым несколькими словами приглашает меня прокатиться на лодке с мотором.

— Лодка, должна быть с мотором! — рассказывал Мальцев. — Вот у меня надёжный, тебе надо такой же. Хочешь по управлять?

— Да!

Я пересел за мотор и вправду как кой мальчик стал играть с управлением мотора, словно с игрушкой. Безрассудно разгоняюсь и с ветром несу катер по узкой глади реки вдоль камышей. Как ещё иначе, если я управлял мотором первый раз в жизни.

Виктор Абрамович делается серьёзным.

— А ну соберись! — не строго, но волевым голосом сказал Полковник. — Держи ровно! Не виляй! Смотри вперед, рукой правь без резких движений — плавно.

Я тут же освоился и выполнил наставление.

Малец сделав только ему ведомый обо мне вывод улыбнулся. Малец — так между собой звали Полковника ГРУ его близкие товарищи военные.

На берегу нас встретила жалобным и горьким стоном соседская кошка. Мурка намертво запуталась в ракаловке.

Диков негодовал.

— Сейчас я её прибью! — сказал Диков.

— Не надо! — сказал я.

— Малец переглянулся с Диковым и достал нож.

— Да! давайте, спасители! Переведите мне ракаловку.

— Погоди, — ответил Полковник и бережно, чтобы не причинить несчастной кошке вреда стал ловко разрезать ножом сетку из, которой была сплетена ракаловка.

— Держи! — сказал Малец и дал мне в руки перепуганную до смерти кошку.

— Вот дурынды! — сказал Диков, а сам улыбался и отчего — то был очень довольный и когда я на волю отпускал кошку, мельком глаза увидел, как Диков подмигнул Мальцу.

Весь день мы прорыбачил. Я много раз порывался рассказать полковнику о матери, но так и не сделал этого. Я решил, что сам должен во всем разобраться, но прежде надо наведаться к Сергею и москвичам.

— Скучно, — сказал мне Полковник ГРУ.

— Пойдёмте в гости! — предложил я.

— Если только к дамам, то пойдём!

— Разумеется! К тете Нади, она с дочкой, у Юрия Ивановича на дачи гостит.

— Зубка?

— Да. Зубков уехал они теперь одни! Может скучают!

— Но, тогда, тихо. Никому не слово. Ты ведёшь! Я за тобой в след в след.

И мы отправились, словно на разведку, в боевое задание.

В нескольких метрах от дачи Зубкова, меня остановил Полковник.

— Осмотрись, по сторонам. Сориентируйся на местности. Вот забор. Можно через него. Но лучше обойти дом со стороны и забраться без слышно в окно.

— А если окна закрыты?

— Лето, ночь, за день в доме духота как в бане. Одно окно все равно да открыто.

— Неудобно, мы же всё-таки в гости. Напугаем.

— Хорошо! На воротах замок, вскроем.

— Чем?

— Спички есть?

— Есть!

— Давай!

— Как какой фокусник, разведчик, спичкой открыл на вид хитрый навесной замок.

Я кинул в окошко камешек.

Малец с досадой посмотрел на меня, что я нас обнаружил.

— Так романтически, — ответил я.

Малец рассмеялся:

— Романтически, говоришь! Хорошо! Романтически — можно.

Мы зашли во двор и постучали в двери.

— Мальцев, я знаю, что это ты! — ответила тетя Надя. Она всю жизнь проработала на секретном военном заводе и может у неё было развито чувство на людей, для которых она делала оружие. А может, потому, что она знала, что только Мальцев способен что — не будь такое выкинуть.

— Уходите! Мы уже спим!

— Ладно, пойдём! — ответил Полковник.

Мы шли обратно. На небе стали просыпаться звезды.

Мальцев был довольный и словно, сам не свой.

— Но мы с тобой здесь ещё нашухарим! — сказал Полковник.

В компании Мальцева я не заметил ка пролетел еще один день и приехали москвичи.

Депутат государственной думы Максим Андреевич хихикал и шептался с миллионером Сергеем Дмитриевичем. Депутат был в приподнятом настроении. Он исполнил желания. Материализовал «мечту» и теперь Маша сидела тихо одна. Он не гладил ее более по головке, не старался угостить деликатесами, не называл доченькой.

— Посмотри, какое у Машеньки кривинькое личико. Хе-хе, — и Максим Андреевич улыбнулся миллионеру. — А я ведь раньше и не замечал. Хе-хе! — снова подленько хихикнул депутат. — А теперь после всего оно так вообще скривилось.

Я сидел рядом, и мне сделалось противно. Ведь он еще, совсем недавно был таким же, как этот депутат и как-то однажды летом ночью ласкал Машу на берегу местной реки, а когда она пришла на следующий день, сухо поздоровался и больше никогда с ней не заговаривал. Теперь я подумал, что у девушки есть мать и она ужаснулась бы какой жизнью живет её дочь.

Я опустил голову, Сергей угадал мои мысли.

— Мы все рождаемся в разных муках! — сказал Сергей мерея взглядом Машеньку и ее жизнь. — Вот от этого и не понимаем друг друга.

— Рождаемся в муках, рождаемся в муках, — сказал я. — О, как гадко, — думал я. Рождаемся в муках! Правильно, истина родилась в муках. Иисус страдал на кресте, и был замучен, и воскресла истина. И мы теперь рождаемся в муках, но ведь не для того Иисус принес себя в жертву, чтобы человек родившись в муках продолжил мучиться всю оставшуюся жизнь? Зачем же Иисус тогда спасал людей? Чтобы обрести их на новые страдания? О, какая страшная ложь! О, какая гадость! Христос пришел указать путь к спасению!

— Это так. Рождаемся в муках, но, ни чтобы мучиться, а чтобы быть счастливыми, ответил я депутату.

— Интересная мысль, — воскликнул депутат Максим Андреевич. — А скажите, что больше сознания или отражения?

Я не понял.

— Это физика, что больше сознания или отражения, — пристал ко мне депутат государственной думы.

— А что было раньше яйцо или курица? — спросил я.

— Но ведь это просто, — отмахнулся депутат.- Лучше ответьте, что больше и шире сознания или отражения?

— Какой глупый вопрос, — подумал я и сказал. — Заблужденье есть двигатель прогресса, все, что мы имеем, вышло из заблуждений и это не имеет значения. Главное процесс!

— И все же скажите, что больше сознания или отражения — не унимался Максим Андреевич.

— Как вам сказать, конечно, шири отражение. Но, то думаете вы! Вам наверно кто-то вам ляпнул, мол, загадка и вы как пугай, повторяете!

— Извините! — оскорбился депутат.

Я вздохнул.

— Жизнь и страдания конечно сознания расширяют. Но ведь есть еще и истина, а она в том если не было сознания не вышло и отражение.

— Я вас не понимаю. Но у вас есть мысли. Я вам объясню шире отражения. Это физика отраженный свет рассеивается.

— Я вас, то понимаю, — сказал я. — Вы меня послушайте, сознание, пусть даже размером со спичечную головку, вещь совершенная. И не будь его, не было бы никакого отражения.

— Отражения не может не быть. Отражения происходит от любого предмета.

— Вы Дарвинист? — спросил я.

— Причем тут это?

— Как причем? Эволюционировал, развился человек. Дошел своим умом и трудом.

— Да я за Дарвина. Я материалист.

— Как с Машенькой, — подумал я и сказал:

— Остуда следует, вы не верите в Бога?

— Конечно, не верю! Да я не верю! — бросил депутат даже с каким-то вызовом.

— А любовь!

— Что любовь?

— Может человек прожить без любви?

— Конечно, может.

— А с любовью?

— И с любовью может.

Я говорил громко, но не чтобы меня услышали, я вдруг понял, что расскажи всем прямо в глаза об моей матери, они не захотят в этом разбираться, ведь друг это коснется их и может затронуть их род деятельности и разозлился!

— Так нужна любовь или нет? — Для счастья! — сердито спросил я депутата государственной думы.

— Я не понимаю, причем здесь любовь? Все материально. И все раде материального и любовь тоже.

— Дарвин, заблуждался! — сказал Артур. — Его эволюция ничтожно мала пред песчинкой.

Доктор наук Гранитов оторвался от шахматной доски и с интересом посмотрел на меня.

И Сергей Дмитриевич с любопытством прислушался.

— Какой еще песчинкой? Что вы несете?

— Песчинкой той самой, что не эволюционировала. Откуда взялась песчинка? Вот, например, доказано, что глаз не мог эволюционировать. Не мог явиться на половину, а за миллионы лет вырасти. Он сразу явился таким какой есть и сейчас. Кто явил глаз? От какого спрашивается предмета, случилось бы отражение, если не окажись самого предмета? Вселенная без тел это все ровно, что один свет. Вот как писал Булгаков, обдери всю землю, что останется? Но вы же, не верующий вы не понимаете. Или так просто удобней. Ну конечно, чтобы добыть материальное, а самое главное сохранить материальное, полезней не верить, лучше жить без любви. Ведь если веришь, ведь если любишь надо отдавать, а как можно начать отдавать, если страх, если начнешь отдавать и можешь все потерять? Вы раб! Заложник! Но если джин раб лампы, то вы раб той среды которую воспеваете и раде которой не мыслима ваша жизнь, но вы и хуже еще джина, потому что джин мечтает, что третье желание будет его избавления от лампы, вы же не мыслете свою жизнь без рабства которое вас подчинила, когда в начале вы думали вы господин и подчиняете вы, но это не так, но вы этого все равно не поймете! Свами все понятно! А вы Сергей Дмитриевич хотите апельсин?

— Апельсин?! Да вы сумасшедший или издеваетесь?! — воскликнул депутат Максим Андреевич.

— Да вы не ослышались апельсин!

— Что значит апельсин?

— Как вам объяснить, чтобы вы поняли, а главное захотели апельсин. Вы же не верующий, вы же материалист. Ну, вот давайте попробуем на вашем языке. Вам нравиться заниматься сексом?

— Не понял!

— Ну, вот оргазм, наслаждение. Вам нравиться наслаждаться оргазмам? Но ведь же, вы за оргазм. Оргазм очень даже материален его можно измерить, так вы считаете? Но ведь так же? И вот я вам предлагаю всем апельсин- счастье. Представьте, что все земляне все миллиарды разом одновременно испытают оргазм. Апельсин!

— Апельсин?!

— Да апельсин! Сергей Дмитриевич меня понимает. Да Сергей Дмитриевич?

Сергей Дмитриевич ловил каждое слово. Его взволновали мои мысли.

— И вот я вам предлагаю апельсин. Апельсин — совершенный ключ к вселенскому счастью. Если хотите философский камень. Истину! Вступайте в апельсин! Вы в какой партии Единая Россия?

— Да я государственный человек! Я депутат от партии Единая Россия!

— И что же государственный человек- депутат от главенствующей правившей партии считает, что на свете можно прожить без любви?

— Что это значит?

— Это значит, что фиаско! — улыбнулся я криво. — Это значит, Россию ждет с вами крах!

— А где апельсин? Где записываться? — выкрикнул кто-то за столом.

— Сначала надо найти в голове!

— Это как? — спросил другой.

— Идея!

— Идея чего?

— Любви, равенства и братства!

— Утопия! — сказал доктор наук.

— Да, а если через эту утопию не путем, слов, а именно делом, может быть научным, если есть закон.

— Ты знаешь? Открыл? — улыбнулся доктор наук.

— Нет! Только думаю!

— Придумаешь, приходи!

Я встал.

— Спасибо, всем присутствующим! — серьезно сказал я.- Время проведенное с вами, пошло на пользу. Вы укрепили мои намеренья. Пути назад нет! — сказал я

и вышел.

Стояла безоблачная, яркая звездная ночь и звезды на небе были рассыпаны, вот словно что так как говорил Чехов, алмазами. Тогда я первый раз, как то по особому посмотрел на небо, так как никогда не смотрел на ночное небо и звезды. Через звезды покой на земле, завещал и прописывал всем знаменитый врач и писатель, но вдруг я понял, что вот эти звезды над головой и это небо, может и есть ключ к спасению, только не к покою, а к чему-то вообще еще запредельному и неведомому человечеству. Но как разгадать? Я не знал как, но понял, что жизнь откроет путь если ты на него вступишь.

Я не хотел возвращаться к Дикому, не к кому. Была ночь, до города сто километров, думал просто бродить до утра, а там решу, но услышал голос за спиной.

— Артур!

Я оглянулся на меня смотрел Зубков. Дядя Юра как я его звал.

— Пошли ко мне, сказал Зубков.

— У вас Тетя Надя с дочкой.

— Они уехали вечером. Пойдем.

Мы едем. Зубков накрывает стол. Улыбается и вдруг сердито говорит:

— Я хотел огреть тебя по голове первой подвернувшийся бутылкой!

— Может быть было надо?

— Может быть и надо, но вот ты сказал про идею!

— Ленина вспомнили? — улыбнулся я криво.

— Не совсем, ты сначала сделай, что-нибудь подобное как Ленин, потом поговорим! Не дорос еще!

— Понял, идея равенства и братства?

— Да! Пей! Нечего больше не говори!

И Зубков старше меня на двадцать лет и знает, что бывают такие моменты, что надо напиться, вот именно прямо до беспамятства, чтобы потом проснуться и, может быть, мучаясь физически забыть и оказаться от кардинальных и решительных планов. Это, с одной стороны, но Зубков понял, что я не откажусь,

значит надо просто напиться, чтобы перезагрузить разум.

Я быстро накачался и был оправлен спать. Но и тогда не мог заснуть и в полу пьяном бреду услышал голос Сергея Бабанского.

— Юра прости, что без приглашения! — сказал Сергей. -Никогда у тебя не был.

— Я понял прежде далеко, наверное, было. Все не получалось, десять метров друг от друга дома! — по казачье прищурился дядя Юра.

— Но теперь ведь получилось?

И я услышал шаги и как открылась дверь. Зажегся свет.

Сергей сначала стоял и смотрел на меня с какой-то болью на сердце. Но увидев, что я приподнялся на постели, первым сделал шаг навстречу и лицо его озарилось надеждой.

— За апельсинами пришел? — злобно приветствовал я человека, который хотел протянуть мне руку помощи.

Сергей вздрогнул, и страшная скорбь отразилась в его глазах.

В туже секунду он и я поняли разговора не выйдет. И он вышел молча, словно в трауре и я смотрел ему вслед. Это так меня поразило тогда и вырезалось в память, что теперь в одиночной камере, я думал, что ведь он Сергей мог все исправить, но я не захотел, именно, что не захотел, потому что понял, угадал, что Сергей не мог меня поддержать в смысле поступка, он помог бы и непременно помог, деньгами, связями, помощью в лечение матери, всем, но не взрывом церкви.

Да у меня был и может быть еще и остался единомышленник, но только в созидание, но церковь уже была взорвана, и я выбрал свой путь, что же тогда была пенять на себя, иди, это единственно что тебе остается.

Глава третья

От напряжения не зная, чем себя занять, я начинаю рыться в пакете с передачей, я не хочу есть, я, не думая, просто машинально, словно в этом потребность организма нахожу пачку сигарет, открываю, беру спички, которые также предусмотрительно положила бабушка в придачу и закуриваю первый раз

в жизни по-настоящему. Это не так как в детстве, когда дети за школой вдыхают едкий и противный дым и считают, что они приобщаются к взрослым и их взрослой жизни, а когда это осознавая потребность нервной системы оказавшись в экстремальной среде.

К моему удивлению, я не кашляю и каждая новая затяжка, как берег в дали для утопающего, еще затяжка, еще ближе к берегу, еще затяжка и словно берег можно достать рукой. И собираюсь с мыслями и хочется думать о чем-то значительном и как все получилось.

Я решаю взорвать церковь, не дожидаясь выписки матери из больницы, чтобы был наглядный пример, что полиция обошлась с моей матерью как бесчувственный и циничный орган правления, а Минздрав в лице психиатров сделались палачами превратив мою мать в инвалида.

Я не живу дома, и переезжаю, а именно в хутор Александровка Аксайского Района к старинному приятелю и мужчине моей бабушке. Александр Закаблуков её последняя любовь. И одинокий старик принимает меня с радостью.

Живу у Закаблукова. Целый день пропадаю на Дону. Я шукаю рака на мелководье и в камышах. Рука цедит ил и вдруг в палец впивается клешня. Я терплю и другой рукой хватаю и вытаскиваю из воды крупного голубого донского усача. В хуторе Александровке особый Дон исконный и дикий как может быть триста лет назад, рак здесь крупный, но его не много. За то великое множество речных ракушек моллюсков. Их собирают дети и пекут на костре.

Через три часа два десятка раков я варю с укропом и солью.

Закаблуков радостный и светлый словно помолодев, ест донской деликатес и говорит:

— Спасибо! Забыл какие они раки на в кус! Ноги совсем не слушаются.

Закаблуков офицер служил в германии, окончив знаменитое училище связи. Он прослужил считанные годы и его комиссовали именно из поэзии и чудных взглядов.

— Мы не знаем, что он от нас хочет! — сказали однажды солдаты Закаблукава.

Молодой офицер вместо муштры и нарядов читал им Есенина.

И сам дядя Саша был поэт.

После раков вечером мы выпили водки и Закаблуков, словно прочитав мое настроение и помыслы прочитал из своих:

Мы рано выбросили парус,

Не потому что трудно кораблю,

А потому что мало плыть осталось,

Душа не подчиняется рулю!

В хуторе есть маленькая библиотека. Я записываюсь и беру стихотворения Пушкина.

Из всего многообразия поэзии Великого русского поэта мне врезается одно, так что пробирает всего до костей, и я заучиваю эти горькие и страшные строчки наизусть.

Паситесь, мирные народы!

Вас не разбудит чести клич.

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

Наследство их из рода в роды

Ярмо с гремушками да бич.

В ночь пред взрывом я засыпал и думал о бабушке. Она без мужа воспитывала троих детей, меня своего первого внука она считала, за родного ребенка. Работала в торговле в большом кафе, где были столы, и мужики после работы собирались промочить горло опрокинув стакан с портвейном. До глубокой ночи женщина стояла за прилавком и носила из подсобки тяжелые ящики, сотни ящиков за смену, приходила домой и без сил валилась замертво.

А соседи писали в милицию, что такая сякая, без мужа трое детей, а они у нее сыты, квартира в коврах и в хрустале, что должны умереть с голода, пойти по меру, а так нет жируют. Еще страшней, что соседи нашёптывали детям, о нашем богатстве, записывали нашу семью в предатели и словно подговаривали отомстить. А Зинаида Яковлевна не чаяла во мне души и отдавала мне все самое лучшие, в тайне мечтая, чтобы я походил на нее, крепкую дородную женщину. И ее мечта была кем-то исполнена, и я пошел в сибирскую породу. Крупный и сильный, а поначалу был болезненный и чахлый.

— Это он армянскую кровь, отхаркивает, — говорила Зинаида Яковлевна. Потому что бросили! Ну и пусть! Сами виноваты. Вырастит, будет русский богатырь!

А пока я был тонок и в семь лет не дотягивал ростом и силой сверстников. Только какая-то прямо совсем не детская задумчивость иногда посещала меня, и я подолгу мог молчать и порой приходил с прогулок очень грустным, но, ни когда, ни в чем не признавался и не жаловался.

— Что случилось, с моим королем Артуром? — улыбаясь, наивно спрашивала Лариса, отчего-то считая, что все хорошо.

Я с надеждой поднимал на мать глаза и спрашивал.

— Я, правда, король?

— Конечно ты король. Король Артур! Ты вырастишь, и я подарю тебе корону.

— Мама я не хочу корону! Я хочу меч! — серьезно говорил я, словно меч мне нужен был не для забавы, а для чего-то очень важного.

— Сыночек, а зачем тебе меч? — недоуменно спрашивала Лариса.

— Чтобы сражаться! Чтобы… — и я прятал глаза наполнявшиеся горькими слезами.

А потом все ровно шел во двор.

— Я все понял мамочка, я буду во дворе.

— Да, и вынеси мусор.

Я с ведром вышел во двор, на лавочке сидела местная ребятня. Так вышло, что все соседские ребята, были, взрослея Артура, кто на два года кто на целых пять у всех отцы и вообще….

— О! Армян мусор выносить, идет! — встретили ребята черноволосого соседа. — Армян, Армян!

Я быстро пробежал мимо обидчиков, чтобы не слышать горькие слова.

Выбросил в бак мусор и долго не хотел возвращаться, но надо было идти.

— Я король, король Артур, — шептал Я себе, и становилось не так страшно.

— Эй, стой! — окликнули меня сорванцы.

— Да он снова убежит, — засмеялся один мальчик. — Трус! Трус!

— Я не трус! — выкрикнул я. Я кроль!

Детвора засмеялась.

— Какой еще король?

— Король Артур!!!

Один, что был постарше, хитро улыбнулся, что-то задумав.

— И что не боишься? — спросил он.

— Нет, король Артур ничего не боится, — ответил я.

— Но тогда подойди, иди сюда, если ты король! Король Артур!

Я почувствовал, что меня сейчас горько обидят, что неспроста меня подзывают, сердце кричало, что это ловушка, но «король Артур» и я подошел.

— Если ты кроль тогда получи! Вот тебе корона! — закричал подросток, выхватил из детских слабых рук помойное ведро и надел его мне на голову.

И весь двор утонул в детском смехе.

Так было обидно и больно, что я зарыдал так и, продолжая оставаться с ведром на голове.

И еще с большим всесильем и смехом детвора наградила меня отчаяньям и горем.

Я сбросил ведро на землю, и со всех ног побежал обратно домой.

Заплаканный весь в слезах Я вбежал в квартиру. Быстро прошел прихожую и спрятался я в комнате.

— А где ведро? — спросила Лариса. Сынок ты, что потеря ведро?! Ты что не отвечаешь?

Я выбежал из комнаты.

— Я хочу меч! Я хочу меч, меч!!! — закричал я во сне и проснулся, увидев себя во сне ребенком.

Но я не был больше ребенком и с удовольствием посмотрел на самодельную бомбу, которую я делал своим руками. Меч мне подарила судьба и время, и

теперь осталось только этот меч взнести над головой цинизма и равнодушия и обрушить эх. Я решил взрывать именно церковь, не полицейский участок и тем более не больницу, а именно потому что первопричина это была религия и Иисус Христос. За предательства Христа! Именно. Иисус Христос, Бог человечества как не творец человека, как живого вида и организма, а именно, абсолютное противопоставление злу, невежеству, равнодушию и цинизму среди людей. Его жизнь, поступки и жертва, есть воплощение и увековечивание истины, милосердия любви и сострадания, он мог сто раз бежать и сам распять тех, кто пришел пленить его, чтобы придать суду, но он выбрал принести себя на пьедестал и Эверест света и нравственности. Христа распяли, не единожды, а продолжают распинать каждый раз, когда придают его путь и свет, который Иисус через муки на кресте дал человечеству.

Я помню оделся и пошел на Дон. Мне хотелось еще раза искупаться, словно на прощание и так когда я хотел сил, чтобы Дон батюшка благословил меня своего непокорного сына. На душе было покойно. От воды шёл пар. Я вошел по пояс в оду и нырнул. На сердце лёгкость и ни одной дурной мысли, что все так и надо. Дома под кроватью лежала бомба и через считанные часы я взорву бомбу на службе в церкви.

Я ехал в электричке. В пакете лежал термос с взрывчаткой. Рядом со мной сидели пассажиры и не знали ни кто я, ни что у меня собой оружие. Они были словно сонные мухи, насекомые, а не сильные люди с горячими сердцами. Чем были заняты их мысли, к чему были обращены их помыслы? Один этот толстый и лысый думал, что будет, есть на обед и на ужин. Он так и умрет с куском булки во рту, подавится, но не оглянется по сторонам, и не поймет, что рассвет приходит не за тем, чтобы завтракать. А другой, вот этот худой и забитый очкарик, о чем он думает по дороге на работу, разве ни о том, чтобы стало бы хорошо, если начальство подняло бы ему на несколько тысяч зарплату. Он всю жизнь станет пресмыкаться и выпрашивать эту подачку, но никогда не поймет, что он имеет права, сказать и потребовать лучшею жизнь. Он так и умрет с долгами, и кредиторы придут и после его смерти станут требовать с нищих родственников погасить кредит. А вот это девчонка пятнадцати лет. О чем мечтает она, разве стать личностью в жизни. Да конечно! Она только и грезит, чтобы иметь дорогой телефон и выходить по сто раз на день в социальную сеть и размещать глупые посты и фоточки. Пройдет двадцать лет и однажды поняв, что жизнь сложилась из кривляний и глупого позирования, она горько заплачет, но будет уже поздно.

Нужно им этим забитым и темным обывателям мой поступок? Разожжёт ли мой огонь сердца их души, заставит оглянуться по сторонам? Не буду и не стану я

словно Дон Кихот бросившийся сражаться с ветреной мельницей? Но кто — то же должен будет дрогнуть, пусть хоть один очнется и тогда выйдет и станет все не напрасно. Не погребут обломки цинизма порывы души, и воссияет надежда и придет спасения души, пусть хоть одному повезет.

Церковь была на улице названой в честь дважды героя Советского Союза, легендарного летчика истребителя Гулаева. Мой герой земляк крушил врагов в великую отечественную войну и в детстве для меня и многих мальчишек нашей улице был героям для подражания. Ведь в сокровенных мальчишеских мечтах каждый тайно хотел, чтобы вот так как Гулаев отправиться на войну, чтобы сражаться и тоже стать героем. И помню мы часто в детстве пуская из бумаги самолетики, представляли себе, что это парит летчик Гулаев, и чем самолетик пролетал дальше тем радость и гордость была сильней. И я сейчас не шел во все, а словно летел бить врагов посягнувших на самое дорогое в жизни каждого человека.

Не сомневаясь, я вошел на церковный двор. Еще несколько шагов и я буду внутри и обрушу, то, что две тысячи лет затемняет людям умы.

Я поднял голову на колокольню и представил, как мать звонила в колокола, а они жалкие кричали ей проклятья и не понимали, что в первую очередь проклинают сами себя.

Я быстро прошел в храм и достал термос с взрывчаткой и поставил на пол и не смог удержаться, чтобы не подмигнуть Христу, распятому на кресте и словно Иисус мне подмигнул в ответ, словно так. Давай Артур, за нас всех.

Я открутил крышку, зажег фитиль и пошел на выход.

Раздался страшный взрыв. Люди с криком по падали на пол. Но я не почувствовал ни жара ни огня, который должен был испилить образы святых и сжечь церковь дотла. Бомба не сработала как того следовала. Этого я не предвидел, но не смутился и поспешил на выход. Передо мной захлопнули двери. Но я не дрогнул и не остался в ловушке, а с размаху и силой ударил по церковным дверям ногой, дверь открылась, я сбежал по ступеням и бросился в переулок.

За мной бросились в погоню. Я готов был еще оказывать сопротивление, у меня было оружие, на железном дорожном вокзале, ждала машина, но вдруг мне показалось это бессмысленным. Скрываться, прятаться, в чем тогда был смысл моего акта. Я бежал, оглядывался и видел людей, тех самых людей которые приговорили мою мать, я мог убить одного из них, может быть даже многих, но тогда это именно и станет убийством. Я не был убийце в привычном понимание

вещей, мой поступок был в первую очередь вызовом, маршем и протестом против системы, если хотите вот этого самого принудительного лечения, которое заключается в принудительном регулирование государством вашей жизни. И в голове родился новый марш и я решил сдаться, чтобы узнать, увидеть все эти лица, судей и палачей, которые завтра начнут меня клеймить и судить и решать мою участь. Я остановился и просто пошел навстречу полицейским, которые были подняты по тревоги и со всех сторон и улиц прикрыли мне дорогу к отступлению и в тоже время давали шанс на новую жизнь, которую я не знал, как еще мне использовать кроме как борьбы.

Глава четвертая

Я не заметил, как выкурил три сигареты подряд и тут я по-настоящему закашлял. Я так кашлял до рвоты, что не обратил внимания и не понял, что бронь открылась. Только когда откашлялся я увидел на пороге стоял невысокий худой парень двадцати пяти лет. Одет по-спортивному в фирменную синею олимпийку и черные кроссовки, и черное трико. Он был коротко стрижен и напряженно меня изучал. В зубах золотая фикса. Он вдруг все понял и разгадал, что его ко мне именно подсадили, и что потом к нему придут и спросят, что он я ему рассказал самое сокровенное. И тут он улыбнулся так как невозможно предать словами, так словно мы может с ним одной крови так бывает когда встречаются никогда не видевшие прежде друг друга люди и тут молния, бьет обоих в голову и сердце, но никогда насмерть, а когда с первого взгляда дружба на веке.

— Саша! Воробьёв! — и Саша протягивает мне руку.

— Артур! Олейников! — отвечаю я и жму руку.

— Ты я смотрю уже накурился, — Саша улыбается, а золотая фикса блестит, словно глаза черного кота в темноте, когда ночной разбойник и хулиган, говорит встречному, что, что же можешь подойди и познакомиться если не страшно, что, если ты гад я тебе прогрызу горло.

Мы знаем с Сашей что мы не гады и в туже минуту начинаем дружить.

— Пожалуйста! — легко отвечаю я и протягиваю всю начитаю пачку.

— Еще у тебя есть сигареты? — спрашивает Саша.

— Да еще целая пачка.

— Отлично! — отвечает Саша. — Быстро берет пачку, достает сигарету и всю оставшеюся пачку прячет в карман олимпийки и из другого кармана достаёт зажигалку и с наслаждением закуривает.

Он так затягивается словно этот поцелуй самый желанный и самый долгожданный в жизни.

Выпускает дым и счастливый улыбается.

— Десять дней промариновали в карцере! — говорит Саша.

Я не знаю, что такое тюремный карцер и слушаю внимательно.

— Дубак! Спасибо с горячей водой, открываешь на всю кран, валит пар, и можно согреться. Так пока не услышат. На первый раз прокатит, на второй отключают воду.

— А как пить?

— Пьешь вперед на целый день, потом по утреней проверки, включают. Снова пьешь, греешься, воду отключают, но карцер нагрелся и можно не околеть до вечера, а вечером снова включают, и снова на те же грабли, только ментам грабли, а тебе здоровье и может быть жизнь. — Запоминай, я что-то подозреваю, что тебе пригодится!

— Спасибо!

— Говори от души! А то спасибо, не располагает в тюрьме. Спасибо вольное слово, не тюремное! Поймал?

— Поймал! От души! — отвечаю я с улыбкой. Но становлюсь серьезным и спрашиваю:

— За что в тюрьме сажают в карцер?

— За все! — смеётся Воробьев.

— А тебя за что?

— Наказывал гада!

— Это как?

— Просто, сидел с нами в камере один тип и косил под порядочного, а потом после суда, когда он вернулся с этапа, я решил прошманать его вещи. Он мне сразу не понравился и нашел постановление суда. Изнасиловал ребенка. И все,

меня от него оторвали когда я гаду пробил об стену голову. Убить жалко не дали.

— И что с тобой теперь будет?

— Ничего!

— А если убил бы?

— Тоже ничего! — ответил блатной до мозга костей и так улыбнулся, что он мог и может убить если за правду и, если пред ним окажется подонок и гад.

— Я взорвал церковь! — отвечаю я сразу бес дополнительных расспросов.

Саша улыбается сквозь зубы.

— Я понял, что, если я здесь, ты не молится туда ходил!

— Да не молится!

— За что и почему?

— Мою мать во время службы, ударили, признали виновной в нарушении общественного порядка, сдали в полицию, а полиция отправила маму, в психиатрическую больницу, где ее сделали инвалидом.

Какая то скорбь только которую знает Саша разливается у него в глазах.

— Суки! — говорит Воробьев. — Ну ничего прорвемся! — подбадривает и снова протягивает мне руку, теперь уже не догадываясь, а зная, что мы друзья до смерти.

Мы начинаем жить душа в душу, и Саша начинает обустраивать наш быт.

Через считанные дни Новый год и одной и утренних поверок Саша объявляет корпусному.

— Что же это получается, товарищ капитан, в камере политический и нет никаких новостей и информации, что творится в стране. А Новый год? А поздравления и обращения президента! Телевизор хорошо. И справедливо.

— Пишите заявления! — сердито отвечает корпусной понимая, что пусть пред ним и уголовник, но он в своем роде прав.

— Кому? — улыбается Воробьев. — Президенту?

Капитан криво улыбается:

— Пока достаточно на имя начальника тюрьмы! Колганову!

— От души за разъяснение!

— Писать просьбы на имя хозяина тюрьмы, это нормально, и не в заподло если это регулирует и обеспечивает быт заключенному. — объясняет Саша. — Это если это не сученная просьба, а твое право по закону. -Пока не скажешь, пока не потребуешь, пока не добьёшься, такие законы тюрьмы.

Я пишу, Саша подсказывает.

— Так и пиши, я Артур Олейников подследственный и обвиняемый в попытке взорвать церковь, адрес.

— Адрес обязательно?

— Да, если есть адрес, это уже не сказка, а подтверждение, адрес государственный.

Я пишу, что Гулаева 66.

— И по списку, так и так, через четыре дня Новый год, я хочу и имею права услышать обращения Президента моей страны Россия!

Через два дня у нас стоял старый, но цветной маленький переносной телевизор с комнатной антенной, транслировавший один канал, а именно Первый канал.

Я сделался радостным, как-то с появлением телевизора прежде унылая камера ожила и в ней появился своего рода новый товарищ и друг.

Саша мне удивлялся и сказал:

— Не радуйся сильно, не забывай, что мы в тюрьме! В заявлении написано, смотреть обращение президента, посмотрим и первого января по утреней поверки заберут.

Я понял, что так и будет, но помню и на всю жизнь запомнил то поздравление и обращения лидера нации. Нет я не запомнил слов, я словно и не слышал само обращение, я смотрел как бы на все сильного человека в чьих руках судьбы миллионом, а почему моя мать в сумасшедшем доме, я в тюрьме и взорвал церковь которой молятся миллионы, не отдавая себе отчет, что на месте моей матери, могут оказаться их матеря, дочери и сестры? От этого мне сделалось еще грустнее и Новый год самый добрый и сказочный праздник омрачился. И

мне было все равно, что утром первого января телевизор у нас унесли.

Саша не унывал, цинковал и пускал молявы через баландеров. Отписался на котловую хату, центральная камера где сидит смотрящий за корпусом. И нам пиханули чаю, зечку- алюминиевою кружку и кипятилу, электрический кипятильник прибор для нагревания воды.

Я первый раз попробовал тюремный особенный чифирь. Подваренная наикрепчайшая заварка, из чая, трех кораблей чая — спичечных коробков.

От первого гладка меня подмутило, стошнило и чуть не вырвало.

Как-то из дней Саша узнал, что на нашем корпусе сидит беременная заключенная.

Саша весь как то оживился, словно это его касалось и волновало и он написал ей маляву.

И прежде, чем передать мне зачитывал и как бы интересовался как звучит.

— С приветом из триста седьмой! Саня Воробей, ты не подумай пишу тебе не иза прикола и не от скуки раде! Прознал, что ты в положение! Что же теперь делать? Не кисни подруга так значит по жизни тебе написали, а судья расписался! Здоровье Тебе и твоему малышу! Мать она и в тюрьме матерью должна быть и оставаться человеком! Если что пиши какая нужда, не брошу и помогу, Саша!

Отправили ногами, это когда тюремная почта предается не подвздоху через камеры, малявы относят баландеры.

День ждали ответа друг другу не показывая, что Саша и приживает, а я как будь то не догадываюсь, но когда пришел ответ, Саша был рад.

Саша после завтрака читал мне послание.

— Привет! Меня зовут Ира! Спасибо за поддержку. Не знаю, как это сделать, но можно тебя спросить, я сама не особо курящая, но так баловалась на воли. Прислали сигареты, но их мне их все разломали, у меня ничего не выходит, нервничаю и не получается, если можно как ни будь тебе предать, чтобы ты сделал, я поняла ты не первый раз в тюрьме и знаешь и умеешь как это делать.

Саша все устроил и нам ногами принесли кулек поламашке, это когда намерено ломаются сигареты при приеме придачи, чтобы одного разозлить, другого наказать третьему показать, что на все имеют права, а четвертому, да бог его

знает, что еще.

Саша в ответ написал целое письмо на три тетрадных листа и сказал, что когда сделает то предаст и предал по обеду письмо. Оправил послание и самозабвенно стал мастерить и снова оживлять сигареты, подгоняя под фильтр обрубки и так делая небольшие, но пригодные для курения сигареты.

Я помогал, чтобы научится на всякий случай. А по ужину снова пришло письмо от Иры.

Саня обрадовался и прочел, но вдруг погрузнел. Дал прочитать мне.

Ира равнодушно и расчетливо написала, Саша ты, конечно, меня извини, но столько в твоем письме ошибок, что я и не дочитала, ты лучше скорее мне сделай и предай сигареты.

— Не предавай ей сигареты! — серьезно сказал я.

— Да я понял! Просто как-то не по себе! Ну и правильно травить ребенка, поэтому сигареты и поломали.

— Я знаю, ты от чистого сердца! Я не спрашиваю, почему ты написал первым!

Саша скривился:

— Да понятно, для меня по крайне мере понятно. Я из богатой семье военных, когда я в седьмом классе избил до полусмерти подонка, ударившего девчонку кулаком в лицо, мать меня обвинила и сказала, что я приёмный сын! И не достоин их семьи! Отец отмазал меня на первый раз от тюрьмы, но я навсегда остался без семьи в сердце, уходил из дома пытался отыскать родную мать и в конечном и тоге оказался на малолетке. Ну и закрутилось, девять лет отсидки и четыре судимости.

— Для меня ты все равно герой!

— Ну если я герой! То ты и подавно! — улыбнулся Саша. -Что креститься будем?

— Не понял! Как? Что значит?

— После завтра крещение. В тюрьме тоже живут люди!

Глава пятая

Крещение Господне, страшный ритуал, обычай и церковный обряд. И в тюрьме мы крестились на параше! У параше не только могут спать обиженные. На параше, в советское время была дорога… На параше, спускаю к черту на тот свет, малявы, тюремную почту… На параше, можно облиться холодной водой если в жару изнываешь от жажды, но только если вода идет из крана. В Новочеркасске в тюрьме на две тысячи заключенных только третья часть владеют водой, воду в тюрьме надо добиться!

Набрав тазик холодной воды, мы с Воробьевым по очереди облились.

Это был первый и последний раз когда я учинил над бой этот священный ритуал. Осенять себя крестным знаменем в Крещение Господня можно только единожды в жизни, а не как каждый год. Это не праздничный стол в новый год с салатом оливье. Это безоговорочное принятие своей судьбы, своего предназначения! Если вы каждый год входите в воду на Крещение Господня, у вас открывается новая жизнь. Иисус Христос крестился единожды.

Д, я признаюсь, что спал после обряда как младенец, но утром, в бронь раздался стук:

— Олейников, этап!

Саша мне объяснил, что мне назначена судебная психиатрическая экспертиза, которая проводится в Ростове- на — Дону, на Ростовском централе. Он смотрел и как будто чувствовал, что меня могут ждать неприятности и напутствовал, и обнял пред расставанием

— Будешь заворачиваться, кусай в кровь губы, грызи их! — это отрезвляет! — дал мне последний важный наказ Воробьев и крепко жал руку перед разлукой.

Автозак для осужденных и находящихся под следствием заключенных был забит, так, что кто зашел первый и оказался в конце промерзшей лавки покрытой льдом были вжаты в стенку. Впереди на протяжении длины всего прохода до решетки (где сидели конвоиры с огромным свирепым ротвейлером и автоматами в руках) все кому не хватило места, стояли стоя. На Дону стоял мороз — 18 градусов. Печку устроенную в середине машины, для обогрева заключенных не включали. Лютое, ледяное дыхание зимы пробирал до костей. Чтобы хоть как — то согреться, я достал сигарету и спички.

— Не надо, спрячь! — сказал мне сосед по лавке.

— Почему? — спросил я у бывалого попутчика по несчастью.

— А, сейчас, услышишь.

И раздался голос старшего конвоира:

— Говорю один раз! В пути следования курить запрещается! Если, кто нарушит, ответят все!

— Да, пошёл, ты! — выкрикнул какой — то паренек на вид не старше и семнадцати лет.

— Вы, в тулупах, у вас печка палит как раскаленная сковорода, а мы, должны простудиться от мороза, пока будем ехать, чтобы потом половина нас передохла! Хер ты угадал!

И молодой человек демонстративно закурил. В ответ ни заключенные ни конвоиры не ответили ни слова, только ротвейлер гавкнул в ответ, словно, что, правда в твоих словах паренек!

Мы с горем попала окоченевшие добрались до места этапирования. Знаменитый на всю Россию и проклятый всей Россией «Казачий переезд» где заключенных пересаживали в вагоны, которые как правило прицепляли к мирным гражданским поездам. Конвоир свое слово держал. И на всех кто выходил из автозака обрушивался, словно град удары дубинок. Заводиле досталось больше всех, его били по коленям и почкам. Так было всегда. И, всегда остальные пусть и битые поднимали с земли бунтаря и помогали добраться до места пребывания заключенных ожидания поезда. За смелость? Нет, скорее, за слова, за правду. От того куда нас завели и в какое положение поставили, мне сделалось стыдно за Дон. Стыдно за Столицу Донского Казачества, просто за казаков. Обезьяний, вольер для скота! Решетка, тот же мороз. Только еще бесчеловечно: не лавок, на которые можно присесть ничего. Не смотря, на то, что среди нас были и пожилые люди. И снова как в бочке в селедки. Может только это и давало хоть малое, но спасительное тепло.

— Россия! — не выдержал кто — то и сказал громко вслух. Конвоир скривился и пошел на уступки:

— Разрешается закурить!

— А, по нужде?

— В штаны! Согреешься!

Прошел, час, потом другой. Я, не как мог взять в толк и понять, почему нас не привезли на переезд к приходу поезда. Зачем издеваться? Для, чего делать из людей волчью стаю, стаю, которая однажды может сорваться и начать грызть на пути всё живое. Неужели так было задумано и когда — то и устроено каким — то

злым гением? Но, наконец долгожданный поезд пришел. Решетку открыли.

— К месту посадки на поезд следовать на корточках, головы не поднимать.

И под лай собак, которыми нас травили, чтобы мы выполняли приказ, мы гусиным шагом с сумками на плечах последовали к вагонам, которые в народе прозвали Столыпинские.

И, только раздавался голос конвоира:

— Головы не поднимать! Головы не поднимать! Смотреть в землю

Это была моя первая подобное путешествие на поезде. Когда вы едите на море с семьей, и счастье греет сердце, когда вы весело смотрите на пролетающие мимо полустанки и не как не можете дождаться прибытия. Все это утонуло в мрачном и полутемном вагоне без окон. Надежда на будущие меркла и захлебывалась в стуки колес, которые несли нас не в прекрасные часы жизни, а в бурю и ненастье.

Из сравнительно тёплых вагонов нас пересадили в ледяной автазак и повезли по улицам Ростова.

Центральная тюрьма Ростова-на — Дону, в самом сердце миллионного города. Как и ад, в сердце людей так и Ростовский централ. Но это полбеды и лично для меня картина, представшая мне на вокзале, так называется место куда прибывают новые заключенные и ждут по отстойникам развода оп камерам проявила скорбь на сердце.

Время все помнит и не забывает и когда вы уже как будто навсегда все забыли, прошлое напомнит о себе. Я смотрел по сторонам и был по давлен, ведь когда мне исполнилось только двенадцать лет я уже видел эти стены из дикого камня, которым были обделаны стены внутри тюремного вокзала. Прежде в девяностые прошлого двадцатого века в место вокзала, была помещение для родственников заключенных, они здесь стояли в очереди и предавали придачи родным. С бабушкой мы привезли передачу для моей матери. Мы простояли четыре часа в очереди и передачу у нас не приняли, иза того, что мать нарушила режим, стояла на дороге, была дорожникам и предавала по всей тюрьме малявы и запреты, запрещенные вещи, не входившие для разрешения заключенным.

Бабушка плакала над придачей, и я, будучи, по сути, ребенком знавший уже с раннего детства не о справедливости мрачный смотрел на бабушку и не проронив не слезинки, думал и тогда уже рассуждал о судьбе матери.

Как свет надежды — луч из облаков была встреча молодого человека Александра с моей матерью.

Шептали злые языки: «Ты что одумайся, сойди! Откажись! Чудная она, и с ребенком на руках! Черт знает что! Ты молодой, найдешь себе! Не такая жена, должна быть, да и вовсе не может она быть такая женой! И ребенок у нее от не русского! Нагуляла! И тебе нагуляет! Будешь ходить потом моргать!» Но не слушал молодой человек слов тех, с первого мига, он полюбил, Ларису за какую-то прямо детскую легкость и безоблачность. Родители были против! Но истинно, что у судьбы свои тайные задачи.

Их семейная жизнь не складывалась. Привыкший к заботе ласке материнскому уходу молодой человек, встретил, вот что именно ребенка, прозрачность, за которым самим нужно было смотреть, держать глаз до глаз. Придет с работы, нет ее. Черт знает, где она! Вернется. Спрашиваешь, где была, не помнит или сочиняет. Отношения расстраивались, Лариса забеременела. Появилась надежда! Но начались скандалы крупнее и Саша не выдержав стал искать встреч с другими на стороне, нет он не хотел развода, так получилось само собой. Лариса приходила в исступление и после очередного загула мужа отправлялась к свекрови с ребенком на руках.

— Хотели внука! Воспитайте! — говорила Лариса и оставляла на пороге бабки двух годовалого Сашеньку. Малыш плакал, просил матери, бабушка, Надежда подолгу не могла успокоить внука и сердце ее надорвалась и горечь перехватывала дыхание. А потом уже черт знает как, Ларису посадили в тюрьму. Преступление то была забавой, все равно как игрой. И воровала Лариса у своих же иза обиды. Поссорится с подругой, уйдет та на службу она залезет к ней домой и обворует ее. Так тогда и вышло. Она унесла набор кастрюль полкило сахара, а у другой подруги соленья. Сложила на тачку и укатила. При том, что они с мужем жили обеспеченно и не в чем не нуждались. Свой дом, мебель, японский магнитофон и полные шкафы от нарядов и полный холодильник дефицита. Саша в девяностых служил инкассатором и у него был доступ к дефицитным товарам. И помогали родители с обоих сторон.

Были и еще кражи, но все так же, не значительные, походившие больше на хулиганство. Но Ларису с двумя несовершеннолетними детьми на руках все ровно посадили. По большому счету посадили иза того, что считали мать Ларисы богатой, так как ее мать работала в общипите, и ждали от матери взятки, но на момент следствия над Ларисой произошла денежная реформа и у бабушки сгорели пятнадцать тысяч рублей, и дать было нечего и мать посадили.

Из тюрьмы она писала письма.

«Как, где мои голубочки сизокрылые? Один черненький другой беленький, освободят меня, и заберу, и станем жить вместе».

Лариса пришла с тюрьмы. Какие приходят из этой тюрьмы? Смотришь на все, как во тьме щуришься, идешь как по туннелю на ощупь.

— Здравствуй Лариса! — здоровались знакомые на улице.

— Здравствуйте!

— Как дела твои?

— Хорошо, привыкаю! Кажется, что небо на тебя сейчас свалится так оно не привычно после тюремной камеры, все большое огромное.

— А как ты ходила, проведывала, Сашеньку своего?

— Завтра иду, мама купит гостинцев и иду!

Так вышло, что пока Лариса сидела в тюрьме дом ее обокрали, вынесли все вплоть до вилок с ложками. Возмездие то или черт знает что, но было.

Зинаида Яковлевна одевала на дочь свою большего размера кофту, подворачивала рукава. Юбка по щиколотку в руках пакет с гостинцами, все ровно как бродяжка с узелком, так она пришла и постучалась в дом, где жил ее бывший муж с новою женой.

— Мама, мам к нам тетя какая-то пришла! — встретил Сашенька Ларису.

— Я твоя мама, вот гостинцы тебе принесла!

Мальчик с любопытством посмотрел, испугался и убежал.

И раздавалось из комнаты:

— Мама, мама!

Они все испугались, что Лариса потребует Сашеньку, написали заявления в милицию, участковому, что, мол, так и так, разбивает семью, уголовница!

Больше Лариса, некогда не приходила. И стала и выпивать и в тоже время после тюрьмы сделалась набожной и стала ходить в местный храм по соседству с домом.

Все это вспомнив я смотрел по сторонам вспоминал и представлял, что в какой-то из сотен камер сидела когда-то моя мать. И я понимал, что как она могла не

стать изуродованной жизнью и обществом, когда ее изнасиловал мерзавец сосед, когда ей было всего четырнадцать лет.

Мой дед Алексей Прокопович любил дочь, человеком практичным и трезво смотрел на вещи. Никогда не принимал не обдуманных поступков, которые могли бы ему помешать построить карьеру. Алексей Прокопович состоял в партии и занимал пост. Он не дал ходу дела. Мать насильника пришла и попросила:

— Пощадите! Дело молодое! Зачем судьбу парню ломать! — сказала женщина. — У вас положение!

— Да, я отец! И в первую очередь должен думать о бедующем. Своем и своей дочери!

Чтобы окончательно решить положение мать насильника протянула тысячу рублей.

Дед взял, нет ни от жадности, а как считал в знак комбинации.

А спустя много лет, бывший насильник моей матери, раз соблазнив свое черное сердце, снова надругался, но на этот раз более абсолютно чудовищней, убил и растерзал совсем еще кроху, годовалую девочку сожительницы.

И гоня прочь от себя эти страшные воспоминания, я дал себе обещание быть жестким и не раскисать.

Сначала на Ростовском централе всё шло хорошо. Я скрыл от оперативника знаменитого на всю Ростовскую область, Баге, своё преступление, рассказав, что за драку. Документы на этап приходят запечатанными. Нет, когда следуют, делают особую пометку, шифр, из которого всё ясно как вести себя с заключённым, в какую камеру поместить и прочее. Но видно Колганов, начальник тюрьмы Новочеркасска захотел утаить. Чёрт его знает зачем.

Бага определяет меня в приличную камеру к коммерсантам, которые проходят на тюремном сленге, как экономические.

Холодильник, забитый продуктами на любой вкус, телевизор, электрочайник, цветное чистое постельное белье одним словом первый класс.

Я не понимаю, и не знаю, что подобные камеры на прослушке и Бага, посадил меня, в нее, чтобы узнать, что я сделал, он мне так и не поверил, что я просто подрался.

В одном из разговоров я признаюсь, что взорвал церковь.

Смотрящий камеры перепугано посмотрел на меня, оглядывается по сторонам и говорит, словно нас подслушивают.

— Промолчал бы! Мы поняли бы. Теперь поздно!

Через полчаса меня грубо выводят из камеры и толкают в отстойник. Еще через час приходит Бага, он уже всё про меня знал. Он был с включенной камерой на телефоне и сигаретами Винстон в руках. Он меня снимал на видео и улыбался.

— Пойдешь в «Теплый Карцер» — объявил знаменитый оперативник.

— Что это? — безразлично спросил я. Думал, что нет больше ничего на свете что может меня напугать.

— Скоро узнаешь!!

— Есть хочу, — нагло сказал я.

— Есть? — обрадовался Бага, он словно в чем то еще сомневался, словно пока я не попросил, есть, что то такое оставалось, чтобы его остановить.- Сейчас! Подожди!!!

Через десять минут меня покормили и не просто баландой, а из офицерской столовой, помню были котлеты, картошка и томатный сок.

Бага свернув своей знаменитой белоснежной улыбкой, угостил меня блатной сигаретой, все ровно, что осужденного на смерть. И меня темными коридорами повели в подвал, я шел спокойно. Меня подвели не к камере, двери были деревянными и, с пластмассовым окошком. Я смутился.

— Давай-зловещи скомандовал Бага, — Раздевай его!

И не успел я опомниться, как с меня стали стягивать сначала одежду, потом нижние белье и я остался голый. Меня волоком втащили внутрь теплого карцера стены которого были обиты матрасами, с тем отличием, что полстены были голыми, кто-то ломая и разрывая пальцы в кровь срывал на мертво прибитые матрасы к стене. В полу были вбиты в бетон два штыря. Меня положили на ледяной пол животом, одели наручники на обои запястья и распяли голого на холодном каменном полу.

Я бился, пускал пену. С моих запястий стекала кровь.

Через сутки раздаются шаги и голос за дверью:

— За что?

— За мать! Церковь взорвал! — ответил я и стал рассказывать и ко мне стали ходить блатные со всех корпусов и слушать.

Тюрьма звереет мать это святое! Меня начинают кормить, с ложки. Окровавленными губами я ем. По чуть-чуть. На вторые сутки в теплом карцере на Ростовском централе я простываю, продрогнув до костей, заключенные бьют в набат и ко мне приходи врач. Хороший врач, настоящий врач, его после посадили, иза меня подвели под статью, потому что он приходит и дает мне горсть таблеток, антибиотики.

Через пять дней меня в полуобморочном состоянии снимают, словно с креста и полуживого ведут на экспертизу.

Я голый и меня надо одеть. За дверью куча какой-то старой и грязной одежды. Я был прежде в дорогих брюках и новом свитере, который мне в передаче привезла бабушка. Мою одежду подмотали — украл кто — то из козлов. Эти вещи, что правонялись и были грязными, остались от других, кто угодил в теплый карцер до меня. Меня заставляют одеться в лохмотья. Я не держусь на ногах, и меня ведут, придерживая два конвоира. Мои запястья в крови, от того что в наручниках я укрутился как смертельный акробат переворачиваясь со спины на спину на бетонном полу.

Экспертиза в камере с клеткой на манер как в суде на судебном заседании. Меня заводят, закрывают клетку и уходят.

Экспертизу проводят два врача, один молодой быстро пишет, другой старый тихо спрашивает, выдерживая между вопросами долгие паузы.

— Что же это голубчик! — спрашивает пожилой.- Вены хотели вскрыть? Нелегко в тюрьме? Ничего не расстраивайтесь, мы вам поможем! — ободряет судебный психиатр.

И не зная, что со мной, что вернулся только с того света, заключают, что я невменяемый.

Уже спустя месяцы на Новочеркасском централе, в отстойники после суда я встретился с этапом из Ростова и меня узнали.

Мужики зашептались.

— Герой, — сказал один другому.

А я подумал, что да какой я к черту герой? Вы те, кто ходил ко мне в теплый карцер и терпеливо кормили меня с ложки, а я окровавленными искусанными в кровь губами, глотал и выжил, вот кто настоящие герои.

Глава шестая

По возращению обратно в Новочеркасскую тюрьму я утишаю и спасаю себя одной только мыслью, что меня встретит в камере Саша Воробьев и обязательно найдет для меня нужное слово, чтобы меня поддержать. Это было наивно с моей стороны, я с нова в одиночке.

И только весной мое уголовное дело сдвинулось с места и меня везут в районный суд города Аксая.

Судебные слушанья были закрытые без камер и прессы. Мне вменили 213 статью уголовного кодекса хулиганство. Кто помог мне избежать пожизненного заключения я догадался, это был Сергей Бабанский, больше на это был никто не способен. Показаний, которые были предоставлены мной на камеру и письменно в виде сотрудникам ФСБ в суде были не предоставлены и не рассматривались. В завершительном слове при вынесение приговора судья огласил, принять меры медицинского характера по-другому говоря, принудительное лечение. Но я тогда об этом не думал.

Мать была убитая горем в черном траурном платке.

Я сразу понял и догадался.

Не дожидаясь моего вопроса, мать кинулась ко мне и проговорила:

— Бабушка умерла!

И я уже не слушал ни прокурора, ни судью.

Последние слова матери были, я через две недели к тебе приеду на свидание. Я приеду, обязательно!

Дождавшись пока меня уведут, чтобы не смотреть на несчастную мать, я расплакался в камере для подследственных ожидающих судебное заседание.

Полицейский открыл камеру и поставил передо мной две увесистых сумки с продуктами и сигаретами. На суде была практика и возможность передать родственникам передачу. Я ронял на продукты горькие слезы, благодарил мать и знал, что в тюрьме я почти все раздам, чтобы помянуть бабушку.

Чтобы собрать и купить мне продукты, мать сдала свой дом и сейчас жила в бабушкиной квартире.

Она смиренно все переносила, не перестала ходить в церковь, в которой ее пускали только иза страха.

Лариса Алексеевна вышла из зала суда, пошла на остановку, села в автобус и поехала, посмотреть, как живут квартиранты.

Дом сняли двое молодых парней, сказали, что учатся в Ростове.

Лариса ехала в автобусе и вспоминала смерть матери и прошедшие дни и недели.

После попытке взорвать храм, в больнице испугались и к ней стали мягче психиатры, в столовой стали накладывать добавке и через три недели не ставя в известность о моем притуплении выписали, посадив на маршрутку до Аксая.

И она не о чем, еще не зная отправилась к матери.

Двери были открыты, из комнаты Зинаиды Яковлевны раздавался тихий и жалобный стон.

Лариса вбежала в квартиру и в спальню, где лежала мать.

— Пить! Пить, — тихо сквозь стон просила Зина.

На полу валялись окурки и несколько пустых бутылок из-по водке.

Лариса стала поить мать и та, приходя в себя, то снова забывалась и говорила:

— Добились своего! Сжили со свету! Проклятые! Ну и ладно! Так выходит и надо.

Когда по городу прошел слух, что я пытался взорвать городской храм, и бабушка приехала, со свидания из тюрьмы к ней стали приходить соседи.

Одни упрекали:

— Вырастила! Говорили, сдай в детский дом! Безбожник! Руку на святое поднял! И за кого и за этой уголовницы! Вся семья ваша кровь из нас пила!

Бабушка всю жизнь проработавшая за стойкой и имевшая слабость к алкоголю не выдержала и запела.

Сначала пила сама, потом стала посылать соседку за водкой и скоро к ней стала приходить бывшая председатель кооператива Гвоздикова.

Сама стала приносить водку, от которой Зине день ото дня становилось плохо. Когда Зина слегла и не поднималась с постели, Гвоздикова стала открывать шифоньеры, и шкафы и тянуть что было ценное. Одежду, хрусталь, посуду и дошла до того, что сняла со стен два ковра.

Зинаида Яковлевна скончалась в больнице. На поминки никто не пришел не один человек из дома, в котором она прожила сорок лет.

Лариса это все вспомнила и разрыдалась в автобусе.

Ее стал успокаивать какой- то старик ветеран войны с орденом красная звезда на груди.

— Умер, небось кто, сердечная? — спросил ветеран.

— Мама!

— Соболезную! Ну, ты это не раскисай! Не раскисай, я войну прошел, столько смерти видел! И мал стар! А сейчас мир! А когда мир и помирать не страшно!

Одна из пассажиров какая-то бабка узнала Ларису и знала про меня.

— Врет все она! — стала кричать бабка на весь автобус.- Это она за своим разбойником убивается! Сыночек церковь хотел взорвать!

Ветеран не поверил собственным ушам:

— Что плетешь? Ополоумела?

— Сам из ума выжил, старый черт! А я что знаю, то говорю!

— Не уж-то и правда? — спросил ветеран у Ларисы быстро вытершей слезы и преставшей плакать.

Лариса отвела глаза, но сказала:

— Правда!

— Вот слышал, сама призналась! А ты Фама не верующий!

— А ну старая язва язык прикуси! — так грозно сказал штурмовавший Берлин, что бабка замолчала. — Почему?

— Меня там обидели и полиции сдали.

— Вот паршивые! Раз так, то правильно сделал! Значит, мы кровь проливали, коммунизм строили, а они расплодились со своими попами! Ленина на них нет! В былые годы, за это орден давали, а сейчас значит под суд! Ну и жизнь пошла, хуже чем во время войны!

Ветеран вышел с Ларисой на одной остановке, хоть ему было еще полчаса ехать, и проводил ее до самого дома.

— И чтобы больше не слезинки! Силы береги! — сказал ветеран и, узнав, где Лариса живет, сказал, что обязательно еще наведается, чтобы узнать о судьбе и злоключениях сына.

Лариса приободрилась, но только на несколько минут в доме словно прошёлся Мамай. Было все перевёрнуто и грязно в кресле на кухни лежала словно в обмороке не подавая признаков жизни какая-то девица. Молодые люди жильцы варили какую-то дрянь на плите. Так разило ацетоном, что у Ларисы заслезились глаза.

Один из молодых людей Лешка на лист бумаге бритвой бережно счищал со спичек серу. Два одноразовых шприца лежали рядом наготове.

— Вы что творите? — с ужасом спросила Лариса.

— Не мешай мать! — ответил Юрка, колдую над кастрюлей, откуда шло зловоние.

— Я вам за тем, дом сдала, чтобы вы наркоманили?

— Не учи нас жить! — усмехнулся Лешка.

Лариса прошла в комнату и не нашла телевизора.

— А где телевизор?

— На черта, он тебе мать? Ты уже слепая! — ответил Юрка.

— Убирайтесь, сейчас же прекратите! Я в полицию пойду!

— Иди куда, хочешь, только кайф не ломай! — сказал Юрка и вытолкал на улицу хозяйку дома.

Через дорогу напротив была прокуратура, и Ларса со всех побежала туда за помощью.

Прокурор капитан, что-то писал и был не в духе.

— У меня наркоманы завелись! Помогите! — сказала Лариса.

— Вы кто? — сердито сказал капитан. — Обращения принимаются в письменной форме! И что значит завелись?

— То и значит у вас под носом!

— Под каким еще носом? Что вы себе позволяете, гражданка?

— Я соседка ваша, у меня наркоманы, наркотики, готовят! Я им, дом сдала, а они отраву варят!

— Дом сдали? Деньги взяли? — закричал прокурор. — Вы притон развели, а теперь хотите сухой из воды выйти!

И прокурор вызвал полицию.

В прокуратуру приехал лейтенант Воронов с напарником толстяком.

— Старые знакомые! — сказал Воронов.

— Вы ее знаете? — спросил прокурор.

— Дебоширка, полоумная! Мы ее в психиатрическую больницу, что не день везем! — ответил лейтенант.

— А тогда понятно! — махнул рукой следователь. — Разберитесь! Работать мешает! Сегодня притон сочинила!

— Бессовестные! Негодяи! — вырывалась Лариса ее тащили в уазик.

— Поговори нам еще! — отвечал толстяк и стал бить женщину дубинкой.

— У меня сын в тюрьме!

— Знаем! Слышали! Выискалась семейка на нашу голову, мать сумасшедшая, а сынок уголовник!

И Ларису те же самые полицейские снова отвезли в сумасшедший дом в Ковалёвку.

Глава седьмая

Не через две неделе и не через месяц матери нет. Когда меня этапируют в больницу, тоже неизвестно после вынесения приговора, осужденный может

провести в тюрьме целые месяцы в подвешенном состояние. И я понимаю, что мама скорее всего снова в больнице. Я ухожу в себя, замыкаюсь, молчу не разговариваю с баландерами, не выполняю приказов по поверке. И со мной начинает работать тюремная машина, которая может сделать из человека захочет мертвеца, захочет сумасшедшего, что хочет может сделать с вами русская тюрьма, но парадокс тюрьмы в том, что всегда будет и найдется такой человек, который протянет вам руку помощи, если вы человек. Так получилось, что меня снова и снова выручали просто только научившие свою службу, молодые офицеры, которые не огрубели не стали за годы службы циничными и равнодушными. Честь, долг, совесть жили и в молодых сердцах, и, на мое счастье, это стала для меня опорой в последние недели, проведенные в тюрьме.

Сначала меня стали исполнять, подсаживая ко мне в камеру то одного то другого проходимца. Воробьёв научил меня если какой-то кипишь и тебя хотят запустить, и ты видишь, что перед тобой стукач или сволочь бей первым, бей, не жалея, выноси его из камеры.

И я бил, сначала просто стукачей, потом насильников, разбивая им головы об стальную бронь. Тут же объявлялись сотрудники и выводили полуживых подосланных ими же мерзавцев.

Ребята которые мне в конечном итоге помогли и не дали сойти с ума узнали про меня случайно, когда я последний раз возвращался из зала суда и кто-то из них удивился повышенному ко мне вниманию.

И как-то не заметно для других устроив переходы со мной из одного отстойника в другой, поинтересовались, кто я такой.

— Церковь взорвал! -ответил я.

Ребята приглянулись и не поверили.

— Что ты несешь! Как это можно церковь взорвать? Будешь другим отрабатывать диагноз! — сказал один из молодых офицеров.

Я достал из сумки постановления и суда и подал человеку.

— Дарю! На память.

Молодой человек взял, и быстро как учили изучил документы. Ошеломленно смотрел и не верил написанному, но документы на то и свидетельство, что выступают и служат неопровержимым доказательством.

— А почему? Причины?

— За маму, в церкви сдали в полицию, полиция мать без суда и следствия отправила в сумасшедший дом, там мать превратили в инвалида.

— Это… — смутился сначала, молодой офицер, но вдруг приободрился, словно перед ним стала новая задача. — Тогда до встречи и протянул мне руку, я пожал, и мы улыбнулись друг другу в ответ.

И за мной стали присматривать, подсаживание ко мне прекратились. Раз в сутки по утреней баланде мне предавал баландер пачку сигарет и говорил от ребят.

Первый раз я спросил, что от каких таких ребят.

— А от тех, что читают! — ответил мне паренек и улыбнулся.

И все было бы и дальше благополучно, но от матери не было никаких вестей и представляя себе самое страшное, я стал выходить из себя, задирать корпусных на поверке, а однажды окончательно разозлившись и не найдя больше никакого выхода своего отчаянья, оторвал секцию батареи и стал кидать в железную бронь, с криками:

— Радуйтесь гады! Дождались!

И так снова и снова, пока ко мне не ворвалась группа быстрого реагирования.

Меня безжалостно избили, и чтобы окончательно сломить приковали наручниками к нарам и ушли. Наручники были необычные полицейские, а специализированные и такие прежде мне на запястье не одевали. Прошел день, за тем два и три, и четыре, но дверь не открывалась, без воды и в отчаянье я стал терять последнее силы, и когда уже окончательно стал прощаться с жизнью, открылась дверь и на пороге стоял тот самый молодой офицер, которому я дал читать свой приговор.

— Сказали, ключи потеряли! — ответил мой спаситель. — Только нашли запасные! — и снял с меня наручники. — Смотри тебя с минуты на минуту приведут в другую камеру.

— Почему?

— Потому что ключи нашли запасные! Мы пока не знаем в какую камеру, но ты держись! Напейся, обязательно напейся, так чтобы до отвала.

— Как тебя звать? — спрашиваю я.

— А это важно?

Я задумываюсь и отвечаю:

— Если пред до мной человек, настоящий человек может быть и не важно.

— То тоже!

— И все таки!

— Мать назвала Алексеем!

— От души Алексей!

— Душевно в душу! — улыбнулся Алексей и быстро ушел, так словно его и не было, только потом я понял, что Алексей торопился ко мне изо всех сил именно, чтобы у меня был шанс написаться, потому что не он не я тогда не знали, что меня ждет и будет ли в новой камере вода.

Я пил сначала во все присосавшись крану, потом глотками, и снова, и снова, пока уже не мог пить. Сил мне это придало небольшие после четырех дней в наручниках, но давало надежду и когда дверь снова открылась, меня схватила несколько пар рук и поволокли к новому испытанию, к такому ужасу, которому я был не готов.

Ведь если вы родились в сказочной семье благородных королей, в краю бесстрашных рыцарей романтиков, вам действительно улыбнулось счастье. Я родился на Дону, где был схвачен Чикатило. Андрея Чикатило- страшный человек. Нет не человек, а скорее существо. Только существо, в котором заключена страшная суть вещей и природы может обрести человечество на ужас и породить последователей. Сколько пришло после Чикатило и сколько может прийти и каждый говорит:

— Я превзошёл Чикатило!

— Нет, я! — выкрикнет из зала суда, растерзавший ребенка.

— Нет, закройте рты и слушайте, это я. Я! Я наследник Чикатило! Я! Я резал, кромсал! Вы ничто и никто! Вы убивали раде славы, и только! А я, задушил младенца раде наслаждения. Раде того, чтобы сравняться с Богом! Да, теперь, я Бог!

Камера. Наверху квадратное оконце. Неба не видно. До оконца не достать. А в этой камере, в которой провел последние дни перед расстрелом Андрей Чикатило и не нужен не свет не небо, не солнце. Только тусклый электрический свет больно режет глаза, и становиться больно голове.

Я в камере Чикатило для того, чтобы сошел с ума.

— Закройте к Чикатило, — сказали в тюрьме Новочеркасска.

— Занимайся гимнастикой! — сказал мене корпусной и закрыл стальную дверь.

Я не понял. Я вообще не понимал, что эта за камера.

Я сел на нижний ярус двух яростных тюремных нар. Лег. Повернулся к стенке.

Пригляделся. Какая то надпись. Карандашом четко написано почерком человека образованного. В России в тюрьмах и поныне некоторые камеры расписаны все ровно, что Храм Христа спасителя. Только за место Святых Образов, святые для людей слова, что жизнь — ворам, смерть — мусорам.

Но вглядевшись в надпись, я понимаю, что ничего и никогда подобного не видел прежде на стенах тюремных камер.

«Я передаю привет всем, кто меня знает!» Андрей Чикатило.

И я вспоминаю… Меня, охватывает ужас! Весь мир это слышал из уст детоубийцы. Это видео и поныне есть везде и всюду в интернете…

Я вскакиваю с тюремных нар, словно обожгли кипятком. Я задыхаюсь именно, что от ужаса. Камера. Полумрак. И словно детоубийца оживает и начинает с вами говорить:

— Резал, кромсал! Не понимал уже. Врачам в Москве Институте Сербского говорил, но они ничего не ответили, только записывали, записывали! Мемуары про меня написали! Не знаю, я думаю, что я просто так снимал напряжение что ли. Разрядку. Да, глаза бил, ножом, ослеплял. Да, всех! И мальчиков и девочек, женщин тоже. Не знаю…. Нет, нет ни от того, что я завидовал их зрение, у самого — то у меня зрение неважное. Но я очки не всегда одевал. А почему убивал, Бухановскому — психиатру, сказал, когда он ко мне в камеру с бутербродами приходил. Расспрашивал и говорил, что надо признаться в убийствах. Не плохой человек мне понравился, образованный, но я ему сразу тогда сказал, съев бутерброд с колбасой. Это ошибка признаться.

— Почему? — спросил Бухановский.

— На знамя меня поднимут. Я изучал Марксизм и Ленинизм.

— Нет! Нет, никто не решится себя сравнивать с вами! Это непостижимо.

— Я знаю, что никто не станет как я! Но будут кривляться и убивать и хвастаться на всю Россию на весь мир!

— А почему никто не станет?

— Вот эта колбаса! Так гадость!

— Почему это хорошая колбаса, дорогая!

— Да не в этом дело, я маленьким во время войны человечину ел. Мать подмешивала.

— Так и в блокадном Ленинграде, тоже случаи каннибализма зарегистрированы.

— Да, нет, дети маленькие не ели. Все больше взрослые. А кто ел, умер!

— Почему, умер?

— А ребёнок от человечны как пьяный и в горячке и умирает в муках. Я помню первый раз страшно мучился. Мне кажется, что я один только и выжил, по этому таким и стал.

Обессилив от страшных картин, которые приходят каждому человеку пре понимание образа Чикатило, когда перед глазами встают растерзанные дети, захлебнувшиеся от ужаса, и страданий, которые бились в агонии, мне приносят баланду.

— Баланда! — раздается стук и голос за стальными дверями.

Я словно протрезвляюсь. В одиночке, только проклятая баланда возвращает вас к жизни. Вы собираетесь, перестаете сходить с ума. В общей сложности, в одиночках в тюрьме Новочеркасска, я пробыл пять месяцев, в четырех камерах, все как на подбор, только черт знает какие.

Посуды у меня нет. Меня приводят в камеры, по всей тюрьме постоянно вынуждая забывать, что — то из личных вещей. Происходит это настолько молниеносно и когда вы совсем к этому не готовы. Тюрьма Новочеркасска, самая великая в представлении ужаса и ада в России…. А если в России то во всем мире, только куда может упасть луч солнца. В Тюрьму Новочеркасска, никогда не падал солнечный свет, только леденящая мгла. Баландер не заглядывает, в открытое железное оконце и протягивает мне пластмассовую зеленного цвета миску пластмассовую одноразовую ложку. И полбулки тюремного хлеба. Хлеб в тюрьмах России только своей фирменной оригинальной выпечке. Сегодня, мягкий, завтра, у вас хлеб превратиться во влажную лепешку. После, завтра

вообще как камень. Только пресловутая и легендарная сечка, одна на все времена, с водой и на вкус как вода…

Я беру баланду. И удивляюсь, картошка с мясом. Пюре и приличные кусочки мяса.

Оконце громко и с лязгом клацает. Это бьёт словно током, я вздрагиваю, мои глаза упираются в сталь двери. Словно ногтями какой зверь, выцарапал.

«Приятного аппетита!» Андрей Чикатило.

Я ужасаюсь, но ем. Соблазнительно — мясо с картошкой.

Я словно пьяный. Забываюсь. Приятно на душе. От чего-то думаю о Чикатило. В камере Чикатило, только и думаешь об Андрее.

— Как тебе на вкус, Артур? — словно снова оживает и спрашивает Чикатило.

— Хорошо, — отвечаю, я, словно в бреду. -Спасибо!

— Это не мне спасибо, тюремной администрации, большое спасибо.

И Чикатило забрасывает голову и смеется, так как знает весь мир, словно над всем миром, над всей землей.

— Человечина! — говорит сквозь смех Чикатило. — Балдей!

Я холодею и покрываюсь холодным потом.

— Нет, не дети, упаси Бог! Тюрьма Новочеркасска это колыбель чекистов! Всадили пулю в голову очередному кривляке, который называл себя Чикатило.

Я не понимаю

— Что ты на меня так уставился Артур? Да, и поныне расстреливают, и будут расстреливать, только негласно. Знаешь сколько в Новочеркасске эти кривляк, десятки! Только конечно мелкая сошка. Одного ребеночка, двух, растерзают и попадаются. На них дела не заводят, просто расстреливают в течение двадцати четырех часов как по военному времени…

— Как?

— Просто! А знать и никто и не должен! Никто! С ума мир сошел бы! А ты сейчас сойдешь, озвереешь!

— Почему?

— По качену! Ты же начитанный. Догадайся! Почему люди в войну звереют?

— Почему, потом тому, что ненависть к врагу за растерзанных родных и родных людей родины.

— Это да! Но, а медицинский фактор, ты не учитываешь, ты же всю жизнь, Артур, желал быть врачом! Физиология связана, непосредственно с биологией. Мы то, что мы едим!

Меня начинает рвать прямо на грязный пол, отчего он становится в стократ еще более мерзким.

— Пробеливался? — спрашивает, Чикатило.

Смеется.

— А опять ты себе на придумывал, ни немцы, ни русские, не ели мертвых солдат во вторую мировую войну. Да и мертвечина, дрянь! Свежатина, должна быть, чтобы еще теплая была…. Идёт, бой, кровь, ошметки мяса! Весь в крови и человеческом мясе, с ног до головы! Сталинград это мясорубка из котлет немецко-советской дружбы!

— Для чего? — спрашиваю я ужасаясь. — Для чего мне это принесли?

— Все еще проще, чтобы ты озверел! И бросился в следующий раз на сотрудника с тюрьмы или побег учинил, и тебя убили. Ты думаешь, меня просто так целые годы в Новочеркасске в тюрьме держали. Но я не бросался, бесился, только. А, у тебя предки с Сибири, да с Дона, да еще только еще черт только знает откуда? Отобедал человеческого мяса? Захочешь убить! Да, ладно не дрейфь! Пошутил я про человечину. Просто решили побаловать тебя как меня перед расстрелом котлетами накормили. Ну, удачи, тебе! Еще поговорим, спи!

Я засыпаю. В камере Чикатило сплю хорошо. Просыпаюсь, как ни в чем не бывало.

Тихий тук в железное оконце.

— Завтрак! — ровным голосом говорит, баландер.

С чего вы взяли, что люди, которые приносят вам, есть не люди? Люди, в каждом живет человек! Баландер протянет тебе замершему, сигарету, баландер спросит как дела. И улыбнется сквозь слезы. Его призирают, только дураки, люди понимают, что за каждой решеткой в тюрьме есть человек.

Мне дают на завтрак, отварные яйца, масло, сладкий баландерский чай, который в ледяном огне ада, парное молоко. Баландер спрятал, яйца от надзирателя, который стоит у него за спиной, и если увидит, человек, будет, нет, не избит, еще страшней ему продлят срок на месяц, может два, а может и год. В тюрьме, кто пошел и остался работать на тюрьме в прямом смысле резиновый срок. За примерное поведение могут освободить, когда это будет следовать…

Ем.

Андрей смотрит на меня.

— Ты убивал, женщин, детей, потому что не мог себя обуздать? — спрашиваю я тихо.

Андрей задумчив, и молчит несколько минут.

— Нет! Я обуздал и тягу, и страшную черную страсть!

— Тогда, почему?

— Просто! Став извергам, истязателям, я снова и снова видел новый и новый труп, закопанный, где, я проходил в лесополосах. Кого — то изнасиловали и убили. Кого-то ограбили и убили и спрятали. Бандита, маленькую девочку. Их было не счесть. Тысячи, миллионы… Среди них попадались совсем крохотные — младенцы. И мне было уже все равно, но и здесь я раскрыл более страшное и покаянное, смерти миллионов и миллионов не стали для меня оправданием, так было бы наверное легче. Но нет, да именно, я пришёл и сделался таким, что смерть человека, как результат моего садизма для меня больше ничего не значили, я именно что рвал на части, чтобы испытать покой, мой покой стал выше для меня чем все жизни на свете и моя собственная.

Я ужаснулся от понимания чудовищного и не вообразимого и впал в исступление и упал в обморок, когда я пришел в себя над до мной стоял Алексей.

Меня вытащил с того света русский офицер, которому дороже чинов и званий был человек. И через два дня мои тюремные муки и страсти были позади, меня везли в больницу, но я еще не знал, что тюрьма по сравнению с больницей предстанет пусть и страшной, но всего лишь экскурсом суровой тюремной жизни и пусть словно в плену, но этот плен был историей в год. Нет в больнице не было пыток и избиений, но тогда и сражаться, и бороться было трудней во ста крат трудней, и в больничных стенах можно провести годы или вообще целую жизнь, но я знал и верил, что придумаю способ и застану свою мать живой.

Глава восьмая

— Собираемся, на ужин! — раздаётся из столовой.

Голос и призыв раздатчицы подхватывает медсестры и все приводится в движение.

Прием пищи на специализированном режиме в больнице для уголовников особый, чем на общем режиме. Больные не садятся за накрытые столы, а приходят принимать пищу по палатам. Берут тарелку, как правило, железную миску и раздатчица каждому по очереди наполняют посуду. Кормили скудно, но раздатчица злиться и выговаривает:

— Дома так не кормят! Дармоеды!

Раздатчица симпатичная, брюнетка, живая, говорливая, её портит только длинный нос, и её преступники между собой называют Буратино, но любят.

Ирина хоть и выговаривает, и зло раздает пищу, но всегда не откажет в лишнем ломтике черного хлеба.

— Можно еще кусочек хлеба, — спрашиваю я.

Ирина, дает, и отводит глаза.

Ирина, кричит на нас, потому что каждый второй не сумасшедший, но никогда не откажет в хлебе, потому что перед ней именно, что преступник. Пусть и уголовник, но человек, который помнит вкус свободы, когда вволю хлеб и всё вволю. Больной человек порою не помнит, забывается в бреду, преступник всегда помнит, что такое свобода.

Русская женщина, благослови тебя Бог.

После ужина кто богат на сигареты идет курить в туалет.

Потолок в туалете из пластиковых полос. Прежде белоснежных, и радостных, как и сам дом, двести лет назад, когда в нем казачий атаман собирал приемы и казаки с шашками на поясе в парадной форме сверкали георгиевскими крестами, стал от табачного дыма черным. Гадким и отталкивающем стал потолок.

Сама больница, по закону подлости или в насмешку устроена в бывшей усадьбе знаменитого казачьего атамана Платова. Платов герой войны с Наполеоном. В ста метрах от больницы стоит церковь, в которой знаменитого казака, крестили.

Донское казачество не раз порывалось вернуть дом атамана, но Минздрав в лице психиатров был непреклонен. До абсурда, вплоть до того, что поломали, крыльцо, все проемы дверей. И перестроили все внутри, чтобы только не досталась казакам и министерству культуре Ростовской области.

Все отталкивает в больничных покоях. Привычных дверей в палатах нет, вместо них решетки. Решетки на ночь или в положенное время для острастки или во время уборке закрываются на замок. Вы, унижаясь, просите в туалет.

— Терпи! — отвечает санитар.

— Сколько можно?

— Еще не высохли полы!

Сухие полы в психиатрической больнице дороже здоровья мочевого пузыря. Что до мытья полов, такая картина на всех без исключения режимах содержания.

Вообще в России какое то сакральное отношение к мытью полов. В психиатрической больнице особое. Уборщики сами больные. Самое парадоксальное, что только в психиатрии и более нигде, ни в одном учреждении, уборщица, в Минздраве санитарка, не моет палов и вообще ничего не делает, а рассуждает о болезнях и ставит диагнозы. Какая- то язва с неоконченным средним образованием будет считать себя чуть ли не доктором наук.

— Совсем из ума выжил? Я кому говорю, Саня! Саня ты меня слышишь?

Саня это старик, подстриженный под ёжик. Бывший летчик гражданской авиации, растлитель малолетних, приводил к себе в квартиру девочек, раздевал, и фотографировал. Он замер со шваброй в руках.

— Что ты стоишь как истукан? Давай драй! Вот дурак!

Истукан оживает и начинает энергично тереть тряпкой.

— Вытирай, лучше!

Из кабинета выходит заведующие Ткаченко Елена Владимировна это умная по своей сути добрая женщина, но тучная, и тяжёлым выражениям на лице и от этого пристающей суровой.

Санитарка вскакивает со стула.

— Здравствуйте Елена Владимировна!

— Здравствуйте!

— Уборка у нас!

— Хорошо!

Елена Владимировна лучше других понимает всю абсурдность картины, но промолчит, есть обычае и ритуалы которых нельзя касаться. Она хотела, когда-то, когда была еще молодой, когда только начала работать завести порядок и приличия. Но её пресекли, сказали, попросили воздержаться. И все так и осталось. Немыслимо, гадко и притворно до тошноты.

Я захожу после ужина в туалет, вижу Бабку и понимаю отчего у него недовольный вид. Завожу разговор:

— Комиссия пропустила?

— Нет! — грустно отвечает Бабка мужичек сорока лет на вид которому за семьдесят.

— Какая комиссия подсчету?

— Пятая!

Пятая комиссия это значит, что Бабка в больнице два с половиной года. Комиссия проходит каждые полгода, по истечению, которого вас могут признать не опасным для общества и выписать на общий режим, на котором вы еще можете пробыть год или два и отбыть к себе по месту регистрации и жительству.

Преступления Бабки абсурдно, как и карательная медицина.

— Рулетку украл, в строительном вагончике! — рассказывает каждому новому слушателю Бабка. — Ну их к черту этих докторов!

— А что ты делал в строительном вагончике? На стройке?

— Есть искал! Думал строители, что оставили. Я бродяжничал, побирался. А сюда загремел, а того что в интернате держали, а я сбежал! — отвечает Бабка.

— Рулетка! — восклицает в сердцах Юрий Алексеевич Стаценко высокий седой, но еще не старый мужчина. — Я здесь вообще иза сволочи соседа, — и Юрий Алексеевич говорит дрожащим голосом:

— В гости пригласил, а потом написал заявление в полицию, что пришел с собакой, травил на него собаку, и в заключение, что моя собака съела у него жаренные пупки, и — переходит на крик:

— Да я отсидел десять лет за убийство! Но это был несчастный случай на охоте. Меня признали вменяемым, и посадили на десять лет. Я отсидел от звонка до звонка и вернулся.

И вдруг чуть не плача:

— Все на меня смотрели как на врага народа, родные и то чураются. После заявления приехал участковый с нарядом, и отвезли меня на общий режим в больницу. Я давай жаловаться, писать в суд! Меня сюда закатали! Сволочи!

Но после услышанных слов, несправедливой участи и грусти вас тут же может охватить ужас, потому что спустя минуту, в туалет заходит, молодой паренек на вид божий одуванчик, по прозвищу Гвоздь.

— Вот, этот маму убил! — восклицает Бабка.

— Не убивал! — раздражительно отвечает Гвоздь.

— Убил, убил!

— Нет, не я! — начинает злиться выходить из себя молодой человек. Еще пару вопросов, и молодой человек начнет вздрагивать, его светлое лицо исказит, изуродует страшная гримаса.

— А зачем в голову гвоздь забил? — спрашивает Бабка.

Гвоздь начинает трястись и может выбежать из туалета и долго бежать по коридору пока его не схватят санитар.

Бабка вздохнет:

— Убил маму, и гвоздь себе в голову забил молотком и как с гуся вода.

И вы ошарашенный выйдете из туалета и начнете вглядываться в лица тех, кто с вами будет жить бок о бок долгие годы. Но вы не сможете, и не надейтесь, что вы скоро зачерствеете, и преступления перестанут вас больше трогать. Ведь однажды когда думаешь, что уже с лихвой перевидал с десяток насильников и убийц в больнице и ничего не заставит вздрогнуть, вдруг у вас раздаться под ухом.

— Что ел, человечину? Ел, ел?

Это задирают на вид сморчка человечишку.

— Нет!

— А будешь?

И у человечишки загорятся глаза невиданным огнем, и он проронит, не сможет, чтобы не спросить:

— А есть?

Наступает отбой. Отбой в психиатрической больнице самое ужасное. Мысль одна, что все это никогда не кончится и вас покинет сознание. Вы начинаете, есть себя изнутри. Мучится содеянным. Сто и более раз прокручивать в голове одно, это то как, что если вы не совершили бы своего преступление, и жизнь была иной. Это снова и снова рисует перед вами картину, счастья. Счастья, которого уже никогда не будет. Несмываемое клеймо сумасшедшей. Это приклеится к вам на всю жизнь и станет и нависнет над вами как топор палача. И страшная мысль, что может и правда вы сумасшедший и не отдавали отчета в содеянном поступке снова и снова приходит на ум. И дело именно в том, что именно в психиатрической больнице у вас больше чем, где либо шансов сойти с ума.

Спасение для многих одно это лекарство. Препараты, которые вы поначалу прячете, чтобы не забыться и оставаться в памяти, а потом именно, чтобы не знать более, не чувствовать, проглотить пилюлю и впасть в бред подобно в приступе. Или попросту перестать понимать. И вот вы уже с нетерпением любовника ждете приема лекарств, сами проситесь на прием к лечащему врачу и просите лекарства. Психиатр абсолютный циник и всему находит объяснение, но здесь и он дрогнет и пропишет вам препарат, чтобы вы забылись. Психиатр тоже может быть человеком, он лучше других понимает, что в вас надломилось самое главное это противостояние и борьбы более вы не желаете и не можете производить, и приходит на помощь, но это опасный путь никто не знает, как в конечном итоге сыграют с вами лекарства и сможете ли вы потом жить, даже не плане самого существования, а сможете ли вы после всех этих сотен, а может и тысяч таблеток, которые вы примите за годы подвергаясь принудительному лечению, эффективно взаимодействовать в социальной среде.

Мы все не равны перед друг другом и равенства, и братства между людьми невозможно и просто мечта. Мы рождаемся и с первого мига нашей жизни нас подвергают градации, вес, длина. У младенца нет еще имени, но мед карте уже есть физическая и метрическая величина. Младенец с криком ложиться на весы и врач констатирует, а дальше начинаются опыты жизни. Если Вам повезло вы

радуетесь солнцу, возне и первой дружбе с каким ничуть как ивы карапузом. И вот оно безоблачное и счастливое детство. Но знайте если с первых минут жизни Вас уже определяют мерами, то и все будущие будет также определяться и измеряется и вашими поступками и в первую очередь суждениями об ваших деяниях. И это в первую очередь первостепенное будет всегда зависть от марали и нравственности, той социальной среды в которой вы взаимодействуете.

Только по истечению полгода месяцев меня навещает мать.

Передачи от родственников строго регламентировались, как и в тюрьме. Домашние нельзя, допустимо только определенное количество одного наименования. Иногда делали исключения и разрешали курицу гриль. Передачи из более шестидесяти заключенных пациентов получали не больше двадцати. Передачи тщательно проверялись охраной и приносились в отделение, и потом вы шли на свидание, которое длилось двадцать минут в присутствии медсестры и охранника.

Просторный на вид вестибюль с претензией на уют. Диван, мягкие кресла. Но с вас не сводят глаз. За каждым вашим словом следят, и вы чувствует себя, словно под зорким ненавистным злым оком. Это заставляет вас вжимать плечи, иногда шептать. Длительных свиданий как на зоне не положено. Вы успеваете обмолвиться с матерью о самом существенном и здоровье и прощаетесь. Глаза вашей матери всегда мокрые от слез. У медсестры всегда одна дежурная фраза:

— Не плачьте, скоро выпишут!

Мать, похудевшая и на ней нет лица, под газами круги от бессонных и горьких ночей.

Возвращаюсь со свидания сам не свой.

Все те, которые годами не ели вдоволь и не имели своих, ни конфет, ни печенья смотрят на пакеты с продуктами и не могут оторвать глаз. Когда вы возвращаетесь со свидания, перед вами выстраивается очередь с протянутой рукой, словно на паперти в церкви.

— Дай пожалуйста, печенья!

— Дай, конфету!

— Дай, пряник!

Люди берут и съедают, и проглатывают прямо на твоих глазах и тут же просят еще и еще.

— Дай, еще, пожалуйста!

— Еще, дай!

— Одну конфетку только одну.

Я никогда не мог отказать и раздавал бы все до последней крошке если бы не Дима, или хлебники или блатные.

— Пошли, пошли! — кричал Дима. — Ему мать, привезла! Он вам и так пол передачи отдал.

Диму младенцам нашли на помойке. Родная мать подкинула дитя в контейнер как кой-то отход. Мальчик кричал, махал ручонками и не желал умирать.

Диму достали из контейнера. Дима рос в доме малютке и прежде не знал, что он подкидыш. Его усыновила одна семья. Правильно сказать один мужчина. Хороший человек. Он воспитывал Димку как родного. Очень любил. Когда Диме не исполнилось и десяти лет, отец утонул. Приемная мать после похорон стала злой и придиралась к мальчику и однажды сказала:

— Ты не родной нам сын. Ты плохой!

Мальчик сбежал из дома и стал красть. Его нашли, определи в детский дом. Мать отказалась. Она не знала, что перед гибелью отец, словно чувствуя, что умрет, отписал почти все имущество мальчику. Узнав это приемная мать стала ластиться к мальчику приходить в детский дом приносить подарки и звать собой домой. Но Диму уже было не вернуть. Цинизм и равнодушие навечно убили в нем ребенка и превратили волчанка. В больнице Дима оказался окончательно надоев, правоохранительным органам с его многочисленными выкрутасами, когда изначально отбывал срок в исправительной колонии для малолетних преступников. К Диме приемная мать приезжала не реже одного раза в год, и то только потому, что за Димой осталось земля большой пай отца, в несколько десятков гектар, остальное имущества Дима уже вернул матери и сводной не родной сестре.

Получив передачу, вы не набрасывались на продукты, вы жадно выкуривали одну другую сигарету. Ни то, чтобы сигарет не было в отделение. Сигареты были. Но, сигареты служили все равно, что местной валютой. И они растекались и улетучивались как вода между пальцами.

Покурив вы с хлебниками, если у вас такие были, просились в столовую, чтобы съесть часть передачи. Как правило, персонал больнице разрешал, но за редким исключением отправлял вас есть передачу во время обеда. Прием передач, осуществлялся в больнице с утра до обеда.

Я хлебничал на протяжении срока, с разными людьми в результате того что кто то освобождался. Но всегда с самыми необыкновенными. Одно время с неунывающим парнем кровь с молоком разбойником Щеблыкиным Андреем.

Андрей сто раз к ряду зарекался больше не совершать преступлений. Андрей по прозвищу Малыш был единственным ребенком у престарелых родителей. Людей с достатком, но кипучая натура, неугомонного Андрея требовала погулять. Именно что погулять. Из Андрея двести лет назад вышел бы разудалый казак разбойник, а возможно и лихой атаман. Андрей был бесстрашен и когда освобождался, совершал десятки, а порою сотни разбойных ограблений. От неуемности и количества преступлений Андрея Щеблыкина и упекли в психиатрию. Но Андрей был доволен, когда за свои преступления он уже наверно получил десять лет по несколько раз, он отделался годом или двумя в больнице.

Надо сказать в психиатрической больнице, как и в любом коллективе с компанейскими людьми приятно скоротать вечер. Одним из таких был Вагиф азербайджанец, бывший милиционер на пенсии офицер. Службу он проходил на родине, после оказался в России по обстоятельствам и коллизиям судьбы. Он долгие время терпел нападки соседа о том, что он не русский и что работал в милиции.

— Зверек! Да еще мусор! — выкрикивал сосед. — Погоны нацепил, небось, чтобы отрываться на людях?

И в один прекрасный день, Вагиф взял топор, пришел к соседу и без единого слова зарубил соседа. Сам вызвал полицию и сдался.

— Смотрю кругом, Артур, и ужасаюсь! — говорил Вагиф. — Почему нет смертной казни. Должна быть для убийц детей и маньяков. И я должен был сидеть. Я рассчитывал на это. В союзе я сидел бы как человек. Теперь каждый гад здесь на меня коситься и не считает за человека. Вот что они хотели добиться, это унизить меня. Меня и всю советскую милицию и советский закон.

Последними моими хлебниками были очень примечательные и разные личности по отношению друг к другу. Один Романов Толик квартирный жулик — крадун и бывший офицер, герой чеченской войны, снайпер, Бердник Иван Иванович в больнице оказавшийся, потому что убил. Убил превысив рамки самообороны.

Бердник с усами живой подвижный мужчина в годах. Волевой и сильный.

Толик имел одну свойственность впадать в рассуждения и науки грезил окончить вуз и поменять жизнь, когда с горем пополам закончил школу. Но глупым не был, а напротив и сочувственный и делился всегда с последним куском хлеба. Если что случалось, всегда принимал участие в обсуждениях решение проблем. Любил спорт. Боксировал. Не расставался на свободе с пудовыми гирями. В юности участвовал в соревнованиях.

Мы сидели в столовой втроем. Ели передачу.

— Больше всего мерзко, — сказал Бердник. — Это то, что психиатры всех подводят под одну гребенку! Шизофрения, мать их возьми! Один маньяк, извращенец, другой разбойник, третий черт знает что. Колька Бубырь не умеет, ни читать, ни писать. Из школы для умственно отсталых и вот тебе на, фальшивомонетчик! С поддельной купюрой, которую ему убогому всучил сволочь полицейский. Да не полицейский, а именно что сволочь, на одной чаше весов. Меня спрашивает психиатр:

— Вы убивали?

Он в своем уме? Я отвечаю, что я офицер, профессиональный военный, я участвовал не в одном военном конфликте, имею государственные награды. Я не убивал, я исполнял долг! Убийца, это что на улице в подворотни грабит.

После еды Толик мне просит ему помочь.

Он до того сердобольный, и хороший человек, что ухаживает за стариками. Но большей частью за тяжёлыми. Делает массаж прикованному к постели одному старику. Он должен умереть на принудительном лечении. Его парализовала, но его не выписывают. Говорить не может.

Толик очень терпеливый. И верит в сенсорные способности.

Проводит у меня по руке и спрашивает:

— Ты чувствуешь, тепло? Я могу лечить людей!

Может показаться, что Толик помешался. Но это ни так. Через месяц Юра, не лежачий встает на ноги. У Толика природный дар массажиста. Порой он сам не понимает, что делает, но всегда выходит. Толик хочет учиться. У Толика есть мобильный телефон. Он ночами пропадает в интернете. Читает про массаж, нетрадиционную медицину. Порой все, что касается лечения.

В передаче я нахожу книги. Мать знает, что книги меня отрезвляют, да и не читаю я вовсе как есть обще принято, книга для меня все равно как универсальный тренажёр для мозга, регулирования рассудка и ясность сознания. Я иду в палату к Михаилу и приношу ему Толстого Анну Каренину.

— Хорошая, книга! — сказал Михаил. — Я с удовольствием перечитаю.

Михаил чернявый, невысокого роста, самый главное, что я отмечаю, наблюдая за ним, что он всегда остается сдержанным и прежде сделать действие рассуждает.

— Михаил от чего тебя записали в сумасшедшие? — спрашиваю я.

— Я сам себя записал!

— Это как?

— Хорошо окончил школу. У меня было пять по русскому языку. Поступил в институт, но ушёл с третьего курса и пустился грабить!

— Почему?

— Русская жизнь! Став специалистом филологам, мне светила бы копеечная зарплата. А так подкараулил за углом какую — ни будь фифу с золотой цепочкой на шеи и дорогим мобильным телефоном. Врезал ей как следует и годовая зарплата в кармане. Как ты думаешь, могло общество признать в моих действиях логику? Нет! Это значит, признать, что общество разделено на классы, где главенствующий класс богачи, а низший рабы — нищие.

— Дай почитать, — говорит сосед по койки Михаила, Максим, по прозвищу Изезя.

— Ты же не умеешь! — удивляться Михаил.

— Читать не умею, но хочу посмотреть, — отвечает Максим.

Максим весь из себя как какой-нибудь деревенский дурачок. Худой и нескладный. С лишенной разума, но очень живой физиономией, на которой то и дело застывают разные гримасы. Глаза смеются, выражение на лице глупое.

Максим насильник! Но кого и как он изнасиловал?

— Максим! — говорит Михаил. — Бабу хочешь?

Максим, кривляется, улыбается и словно облизывается, отвечает:

— Хочу!

— Хорошо, было?

— Хорошо!

— А как?

— Я её заломил и…

— А она?

— Не знаю! Она меня любила!

— Любила, это как?

— Приглашала! Когда я пенсию, получал! Я ей окна вставил, холодильник купил!

— А она?

— Не соглашалась!

— Сколько ей было лет?

— Сорок восемь!

— А тебе сколько?

— Семнадцать!

— Мир Артур! Нищие духом! — говорит Михаил и дает Максиму книжку.

Максим с увлечением принимает книгу и начинает листать, но не находит картинок и начинает грустить.

— А про, что?

— Про любовь!

— Любовь?

— Да, прямо как про тебя, только наоборот, женщина все отдавала всю себя, а её не принимали, и она покончила с собой.

— Как?

— Бросилась под поезд!

Вдруг жуткие слова и учесть главного героя, ужасает дурачка, в нем словно просыпается сознание. Он долго молчит, на лице его застыла маска из душевной

боли, но собирается духом и говорит:

— Страшно!

«Страшно.» Эти слова, даже не слово, а мысль, которая вдруг как молния озарили больного неразвитого, изуродованного жизнью молоденького паренька, по сути, так и оставшегося ребенком подростком, не давали мне покоя, и я не мог заснуть ночью. Может Быть Толстой написал свой знаменитый роман, не для миллионов, которые прочли и забыли, а именно для этого несчастного мальчика, который некогда и не прочтет роман, но смысл, ясность, что героиню романа, любившую предал весь мир, может как и его, Толстой вдруг безоговорочно поставил приговор всей системе психиатрии с её палатами, решётками и халатами, в котором эверестом есть смысл, что психиатрия беспомощна и бесполезна, потому что пытается вылечить в отдельном взятом человеке, то что есть и живет и заражено все без исключения общество целиком. Как можно лечить и вылечить преступника признанного помешавшимся, если первопричина, его человека, изуродовала само это общество, его цинизм, равнодушие и просто безжалостность. Общество лечить никто не желает, только потому леченее надо начинать с самого себя, а это значит каждый должен признаться, что в том, что нас окружает и как мы живем повинен каждый из нас.

Я засыпаю только под утро, но только на короткий час и меня поднимают с рассветом. В больнице на принудительном лечение есть одна удивительная черта, которая не совпадает не с одним другим режимном объекте, где есть четко регламентированный подъем, возможно это то немногое, что действительно можно отнести к здравоохранению и гуманности. Если вы спите, вас не будут специально будить если нет на то видимой причины, вы можете не вставать на завтрак, вы можете вообще пролежать весь день и подниматься только на прием лекарств. Вроде как гуманно по отношению к больным людям. Но это и есть капкан, вы можете вдруг превратится в тень, даже еще страшней вы можете стать таким объектов и физической величиной, которая даже не отбрасывает тень. Это самое страшное, потому что когда вдруг вам станет на себя все равно тогда и есть самое страшное на вас станет плевать и врачам. Врачи обращают внимание и интересуются только теми, кто взаимодействует с окружающими.

Я взаимодействую по-особому. Находя неординарные способы. Так было всегда и во все время моей жизни. Скорее всего это происходит, что обыкновенные способы не действуют на людей и мне, чтобы выживать надо изощрятся. Я понимаю, единственное, что может повлиять на мое освобождение это огласка. Признаемся честно мое место не в больнице, а в тюрьме и лагере, но так

распорядилась судьба и я придумываю план действий.

Мне нужен телефон с выходом в интернет. Телефон обыкновенный есть это чёрно-белая звонилка, по которому больные связываются с родственниками. Телефон находится у смотрящего Андрея Щеблыкина. Телефон выдается по очереди друг другу если нужно. Но меня такая связь не устраивает.

Не для всех и у некоторых которых можно просчитать по пальцам есть смартфоны. Их всего три на все отделения, шестьдесят больных. Об этих телефонах не может быть речи и нужен новый, и чтобы он был в моем распоряжении в любое время. Это стоит денег. Да ничего особенного, за деньги можно решить и неважно, что это строгий режим и принудительное лечение. Но конечно не всем, если вы действительно помешались, об этом не может иди и речи. Но я на протяжении трех лет всегда отвечал за свои действия и поступки. С каждой передачи уделял на общие и поддерживал хорошие отношения с смотрящем и поддерживаю арестантский уклад, который как бы этого, кто не хотел, живет на Мишкино, потому что все больные поступают в больницу только из тюрьмой камеры и этим приносят собой особый тюремный уклад и мировоззрения.

Мне называют цену, я знаю, что денег спрашивают на много больше, чем стоит, телефон, но в том то и дело, что телефон не может взяться из воздуха. Часть денег уйдет на телефон, другая на общие и львиная доля пойдет, чтобы подкупить охранника. Да охранник, который совмещает собой еще и санитара, хочет зарабатывать. Ему все равно, что передним преступник и больной, он знает, что даже если станет известно, что он достал телефон это сойдет ему с рук. На его место не много желающих работать, а заведующая не захочет, чтобы подобное дошло до начальства. Заведующая сама как бы даже разрешает телефоны больным только с той разницей, что это тоже регулированный процесс. И время от времени телефоны изымаются, но потом снова появляются у больных. Это вроде что-то стимула и дрессуры, так чтобы больного, обладающего связью можно было контролировать и он вел себя прилично. Поэтому смартфоны только у ярых и злостных уголовников, чтобы иметь на них воздействия и контроль.

Я нахожу деньги частями. Какую-то часть приводит мене мать и большую часть суммы отправляет на нужный счет мой друг детства Петр Калашников. Это человек один из немногих, который не побоялся вот так просто привести деньги для уголовника друга, чтобы он совершил противоправное действие. Нет он в своем уме, но в нем всегда жило и разливалось чувство благоговения к справедливости. Я преступник, но встал за мать, которую закалываю в больнице и которая может вообще не дождаться сына и в первую очередь потому что я

преступник и не сумасшедший, а значит если я не опустил руки и не сдался, Петя поможет.

И у меня в руках заветная свобода, нет она не эфемерна. Я построил систему, которая взаимодействует с той действительностью, которая меня окружает. Психиатрия как ни какая другая система и часть здравоохранения, которая зависит от общественного мнения. Потому что психиатрия и в частности психиатр именно что размаривает человека по отношению к окружающей среде. И я начинаю планомерно и последовательно сообщать о себе, о своем преступление и о месте в котором нахожусь в социальных сетях на разных публичных форумах. Делая уклон в первую очередь на условия содержания больных, и тех нарушениях, которые осуществляются на принудительном лечение по отношению к больным.

Но первым человеком, которому я пишу после четырех с половиной лет проведенных под стражей, Сереже Бабанскому. Я нахожу его страницу со социальных сете. Пишу просто, как будто не чего и не случилось, так как будто мы виделись только вчера. Без претензий, жалоб и рассказов о с воем горьком опыте. Просто приветствую и спрашиваю, как обстоит дело на Маныче, предаю привет Алексею и всем ребятам.

Сергей отвечает практически туту же и так же, спокойно. Через сообщение мы чувствуем радость друг друга, именно от того, что усилия были ненапрасными, что Сережа в первую очередь рад, что я жив здоров, со связью и в первую очередь, на пороге освобождения, когда мог на всю жизнь лишиться свободы, а значит, мой акт и поступок, не принес бы никакого смысла и только приговорил мою мать смерти. Мы друга понимаем, и знаем многие подробности.

Сережа шутит, и когда я фотографируюсь, с на фоне больничных стен, и присылаю ему свою фотографию, как бы удивляется, как бы открытию, что я в больнице, но это не как бы притворство, а вот именно, что я чувствую и понимаю, что он рад, что его усилия не прошли даром и мы обязательно с друг с другом увидимся.

И я обнадеженный, начинаю писать о себе в социальных сетях. Моя деятельность прожила и осуществлялась ровно восемь дней, но и этого оказалось достаточным.

Заведующая отделения Ткаченко зашла в палату на четвертый день, выдержала паузу и громко сказала:

— У нас родился новый Сахаров, новый Солженицын!

— Кто был никем тот станет всем! — ответил я, не сколько не возвышая себя, а так разозлившись.

Ткаченко снова выдержала паузу.

— Кто сказал Артур?

— Ленин!

— Артур, а ты помнишь, как Ленин закончил? — проговорила заведующая, давая мне пищу для размышления, больше не сказала ни слова и вышла.

Ленин великий человек, создавший прецедент в мировой истории, создав неведанную прежде систему взглядов, процессов и самое важное принципы и форму нового сосуществования людей, строй и образ и первостепенно новое мировоззрения на осуществления быта путем социального равенства. За это Ленин расплатился болезнью, беспомощностью и погиб, принеся себя и свою жизнь и свою борьбу, учения и труды миллионам, тем у которых не когда не было бы шанса на развитие если бы не он.

За это не страшно умереть и раде этого стоит жить, но я еще тогда только стоял на пороге подобного и только вынашивал замысел, нового слова и учения, которое стала формироваться и зародилось именно на принудительном лечение. Это была научная теория, нет не по построению совершенного общества, это утопия. Я стал рассматривать существования жизни целиком и способы ее сохранения. Я знал, что способ есть и, если он существует значит есть способ его открыть. На это надо только было время, но, чтобы тогда осуществить самую значимую работу всей жизни, мне нужно было время, время свободы и я ее получил.

И в самым скорейшем времени мне назначили внеочередную комиссию, которая рассмотрит мое освобождения. Но это формальность уже принято решения меня выписать, назовем все своими именами, избавится. И то утро, которое, когда я не спал всю ночь и был поднят с рассветом, мне объявило об этом.

На комиссию вас отправляют в душ, вы бреетесь и вам выдают новую пижаму. В пижаме вы по-домашнему, словно с постели идете на разговор с главврачом и заведующей.

Ёлкина, главврач красивая еще не старая женщина в элегантной юбке и строгом черном пиджаке, но одежда не может скрыть, что она взволнована и ей не безразлично как это было все прежнее годы, что она провидела у меня комиссии.

Ткаченко Елена Владимировна полная в платье без излишеств. Заведующая молчит, спрашивает Ёлкина опрос начинается с банальных и простых вещей, которые нам друг другу известны.

— Сколько вы уже у нас?

— Три с половиной года!

— К вам приезжают родственники?

— Мать!

— Вы читаете?

— Читаю!

— Что?

— Достоевского!

— Хороший писатель!

Заведующая Ткаченко Елена Владимировна качает головой:

— Не вижу ничего хорошего в Достоевском!

Ёлкина смущается.

— Убийство на убийстве! — говорит Елена Владимировна.

— Что же вы хотите и прикажите другого? — отвечаю я.

— Да, одни необыкновенные! — говорит Ткаченко.

— Жалко, что на всех старух процентщиц не хватает!

— Чтобы ограбить и убить? -изумляется Ёлкина.

— Нет, чтобы оказавшись на дне пропасти понять суть вещей и поступков.

— Вы верите в Бога? — спрашивает Ёлкина.

— Если бы не верил, церковь не взрывал бы!

Ёлкина удивляется.

— Ничего удивительного, — говорит Ткаченко. — Это и есть Достоевщина!

— Да! И Ленин верил! Но вера мыслящего человека не может быть слепой, истинная вера — это взаимодействие твое и Бога!

— Да, и мир вы не принимаете? — вздыхает Ткаченко.

— Да, купленный слезами мир не принимал, потому и сделал бомбу!

— Раскаялись! — с надеждой спрашивает Ёлкина.

— Это больше чем просто раскаяться! Я посмотрел на мир по-иному. Познакомился кучей людей. Увидел Россию изнутри. Бог не причем! И церковь! Вообще нет, не виновных — все виноваты!

— Что же из этого выходит? «Как собираетесь жить?» — спрашивает Ёлкина.

— Хочу быть, счастливым!

— А что такое, по-вашему, счастье?

— Счастье есть воплощение себя через социальную среду путем приношения пользы обществу.

— Вы готовы измениться? — спрашивает Елкина.

— Я уже изменился и никогда не буду другим, но измениться самому это только начало пути, изменить по средствам своей жизни других! А с ними другими и весь мир!

Мы молчим, но это не раздирающая душу пауза, и не мертвая тишина, это словно ожившая картина времени, до и после, до принудительного лечения и после, после всего, после чего человек верит, надеется и самое главное знает для чего все было, за чем и что все что было есть процесс, который дал и будет давать человеку почву для роста и будущих свершений.

Глава девятая

Но не думайте, что все так просто и выходите за ворота, наблюдения над вами продолжиться, с со специализированного принудительного режима, вас приводят на общий тип. Но это уже большой и верный шаг к освобождению, первое вас выписали из того места, где могут и проходят годы, на режим, который может продлится только полгода и снова суд.

И меня приводят в тот самый Хутор Ковалевка Аксайского района, куда была палицей сдана моя мать. Судьба сполна, отыгравшись на моей матери, словно

дает мне карт бланш, думай, взаимодействуй, создавай.

Больница в Ковалёвке огромна. Пусть и состоит из бараков. Эта одна из самых крупных больниц в России. Более тысячи больных. От того еще страшней каждый третий больной уже не выходит из стен больнице долгие годы. Некоторые больные даже имеют прописку в Ковалёвке. Если вы раз или два попали в Ковалёвку вы можете сюда кататься всю жизнь. Знаменитое провизорное отделение, приемное мужское отделение, разношерстно. От алкоголиков до наркоманов, приехавших за деньги снять ломку. Завидущий Стоякин, маленький худой врач не церемониться ни с кем, умный и злой. Меня сразу не возлюбил, потому что он может лучше других понимает, что, если я после всего что совершил и прошел выжил, от меня можно ждать что угодна. Но я недолго был у него. В правизорке свой шарм это какой-то маргинальный союз. Здесь бывали знаменитые музыканты, поэты и художники.

Мне сделали дежурную флюорографию, которую делают всем прибывшим в первый раз. Флюорография в Ковалёвке это что — то на гране фантастики. Покосившийся флигель, который построен полвека назад, весь обшарпанный с деревянной дверью нараспашку, а внутри современный аппарат за десятки миллионов рублей и врач старый доктор которому за восемьдесят.

Из провизорного отделения я попал в самое новаторское и продвинутое и благополучное и шумное. Петр Борисович Крысенка из моего родного города Аксая. Заведующий молодой, умный и талантливый и старается шагать в ногу со временем. Особенная черта Петра Борисовича, это принудчики и в его отделение это всегда шумная многочисленная молодая компания. Меня встретила два десятка Ростовчан. Довольные и веселые все как один в дорогой и фирменной одежде. Один из принудчеков высокий парень, Леха, по прозвищу Бордюр присел ко мне.

— Ты с Мишкина?

— Да!

— Толика Романова знаешь?

— Да! Мы с ним хлебничили!

Леша улыбнулся:

— Это мой двоюродный брат! Пошли! С ребятами познакомлю.

— Знакомьтесь парни! Артур! Хлебник моего брата!

Все принудчики по сути своей не простые ребята и не из рабочих семей.

Принудчики питаются отдельно от всех держаться особняком. Это не из высокомерия, а потому что в отделение сто человек и это тяжелобольные. Многие уже здесь по десять и более лет. Другие, пробыв месяц, побудут дома несколько дней и снова оказываются в больнице. Всех перечислить невозможно. А и не к чему. Общий режим это кавардак, бардак и абсолютное преступление против человечности. Крысенка, только видно чтобы не сойти с ума, держит принудчиков. Да еще, пожалуй, Дарья Рубан. Красивая, молодая и умная. Подолгу со мной говорила и прописала мне дорогостоящие новаторские препараты на восстановления нервной системы, которая была истощенна за четыре с половиной года. И с заботой и наставлением мне говорила:

— Артур ты спортсмен, штангист, возьми себя в руки! Я не хочу больше тебя никогда видите в больнице! Тебе здесь не место!

Я первый раз иду в туалет и мне говорит молодой и высокий молодой человек по прозвищу Лис:

— Смотри не законтачься!

Это значит ничего ни у кого не бери и не кури после больных.

Туалет на общем режиме — это клоака, это филиал ада на земле. Не видно лиц иза табачного дыма. Вы не можете курить вы задыхаетесь от вони и глохнете от гула скорбных и мученских слов, которые только сводится к одному значению, чтобы вы оставили покурить.

Ваш бычок никогда не долетит до пола. Вас никогда не оставят в покое, и вас проклянут если вы не оставите покурить. За ваш окурок начнётся драка до крови. Вы выскочите из туалета, и вам предстанет коридор райям, но мысль, что если вам приспичит в туалет по нужде и вам придется снова окунуться в смрад это вас угнетает и давит на все сознания.

Выхожу из туалета, словно после пожара из горящего дома. Меня зовут в палату.

Молодой чернявый интеллигентный человек по прозвищу Лестар бережно на много частей, всем по дольке, ломает шоколадку.

— Мама из Швейцарии, прислала! — говорит Лестар и угощает меня.

— Малой кончай филонить! — говорит спортсмен борец Денис, обращаясь к самому младшему из нас Александру.

Он худой и слабый на вид и Денис его гоняет и заставляет отжиматься.

Сашка отжимается.

По ночам Саша дает мне сигареты и ждет, когда приедет его мама, которая любит его больше жизни, как всех нас любят матери.

Я думаю о том, что моя мать в это же самое время, может быть, прозябает в соседнем больничном корпусе. Мучаюсь от этого и не сплю ночами.

По субботам приезжает Красный крест, благотворительная крестьянская организация, раздает какао и зефир с конфетами и рассказывают из жизни святых и крестьянских праздников.

В конце рассказов всем желающим раздают бумажные иконки. Я беру Богородицу и держу икону как закладку для книги. Богородица часта у меня на глазах, и я продолжаю думать о матери и сам того не замечая начинаю читать Отче наш.

Самый большой трепет у Петра Борисовича вызывает книга, с которой я никогда не расстаюсь и которая лежит у меня на тумбочке. Преступление и наказание Достоевского.

— Хорошая книга! Правильная! — говорит Петр Борисович каждый раз, когда заходит ко мне в палату.

Но я давно не вижу в книги Достоевского не преступления, потому что сам совершил преступление, и не наказания, потому что был наказан сполна. Для меня первостепенно навсегда стали слова, что посредствам смешений и родов между народов в конечном и тоге появятся такие, кто станет завершителями человечества.

Мысль построена грандиозна! Я без преувеличения и не умоляя других трудов Достоевского, говорю, как есть, что главная книга всей жизни Достоевского, это Преступление и Наказание, все последующие работы и весь труд, и выход, и поиск, который родился благодаря этой работе и книги. Но что, если, можно, прервать окончательное и бесповоротное разращение и смерть человечества и по средствам научного способа, о благоденствовать человечества и всю землю, открыв способ сохранения всех форм жизни Планеты Земля, и Планеты Земля, в частности, по средствам вымеренной системы взаимодействия и практического механизма. А почему не льзя, конечно, должно быть. Разве мы все не только для этого живем, трудимся и взаимодействуем с друг с другом.

И время, что есть топливо для жизни, снова и снова ставит у меня на пути для развития, полноценных людей, которые принесли значительное для общества и могут меня научить тому, чему я не успел прежде выучить и поддержать в трудную минуту.

Это абсолютно разные по-своему содержанию люди, и уникальны по-своему.

Игорь Шабунин жилистый, не высокий и энергичный человек с не заурядными способностями. В прошлом хирург, вернувший с того света, сотни и сотни, молодых ребят отвоевав их у смерти аду первой Чеченской войны. С первого взгляда мы угадываем друг друга, я всегда во всю свою жизнь желал быть только врачом, унес без спросу в семнадцать из детской регистратуры лет свою детскую медкарту, за именем великого педиатра Польшиной, которая снова и снова возвращала меня с того света, а в месте со мной и тысячи, и тысячи детей. Во имя нее и детской жизни я поклялся себе стать педиатром и спасть детские жизни. Изучал свою мед карту, как отче наш, но в связи обстоятельствами, в Мединститут не поступил, только уже будучи зрелым молодым человеком двадцати шести лет пришел в Мединститут первый раз в жизни и дружил, с одним не заурядным молодым человеком, который тогда оканчивал аспирантуру Ростовского Мединститута. Хороший человек, Савельев Алексей, по стечению обстоятельств, однофамилиц, моей Бабушке в девичестве которая носила фамилию Савельева. Мы познакомились в казино, в Ростове на улице Чехова, где обои проиграв последние деньги стали друзьями.

Кода Алексей узнал, о моем стремление, он тут же без колебаний повел меня в Мединститут. Это невозможно описать, есть такие сокровенные и душевные вещи которые немыслимы не посвящённому человеку, я был очарован. Мы поднялись на один из последних этажей. Алексей привел меня на кафедру аспирантов и научных сотрудников. И словно какое-то небывалое невиданное мне чувство, которое я никогда не испытывал прежде меня охватила да самых последних нейронов мозга и атомов. Взяло и поглотило всего целиком, я не смотрел и не изучал, я словно вдыхал невиданный прежде кислород. И так случилось, и было, что даже сначала не осознавал, что меня изучают и поражены.

— Он видит смыслом своей жизни излечивать ребенка! — сказал Алексей.

Все присутствующие врачи были женщины.

Мне стали прилагать, чай, конфеты, одаривая необыкновенными улыбками. Я первый раз выжни почувствовал себя счастливым.

— Поступай, Артур! — говорили мне на перебой со всех сторон. — Мы поможем, просто прейди.

Я так обрадовался, но это продлилась до тех пор, пока я не осознал, что поздно. Я сделался скорбным и все вместе со мной.

Я так и сказал:

— Я взрослый!

Именно так, не потому что мне будет некомфортно с восемнадцатилетними юношами, а потому что я уже стал осознавать, что выздоровление и излечение зависит во многом если не в главном, от окружающей социальной среды и системы взаимодействия человека с друг другом именно что с практической стороны. Вы можете спасти тысячи и десятки тысяч, но миллионы и миллионы так и останутся не излечимы именно, что не умеют и в первую очередь не хотят быть здоровыми так как это есть титанический труд, мировоззрение, которое невозможны у всех индивидуумов связи с тем, что мы уже в зачатие не равны друг пред другом и совершенную систему оздоровления не возможно построить во все века, пусть даже миллионы лет жизни человечества. Именно не ровны останемся и будем таковыми. Я тогда ушел в скорби, но с надеждой однажды, чтобы снова преступить порог Ростовского Мединститута, вот именно снова прийти в гости, зная и уверенным, что испытают невиданное раз открывшиеся и первостепенное. Но так или иначе я сделался врачом. Тяжелая атлетика единственное правильное и близкое медицине спортивная дисциплина. Так как в первую очередь строит внутри занятий систему мировоззрения контроля над телом, посредством системы работы как над двигательным аппаратом тела, так и регулирования и самое главное меры ощущение собственных исследований, от применения медицинских препаратов — лекарств. Из тяжелой атлетики я тоже ушел, именно только потому, что осознал, что значимого и значительного результата для общества я не достигну и только себя покалечу. За тем пришла психиатрия, в которую я был погружен многие годы, и которую я исследовал первостепенно, как изучая больных, и воздействия препаратов на них так и нас самом себе.

И теперь если мне в жизни встречается настоящий врач мы без слов, начинаем взаимодействовать.

У Игоря нет своих сигарет, и я даю бес просьбы, с первого взгляда.

Игорь курит, мы знакомимся и я открываю, что Игорь военный хирург и спрашиваю:

— Как вы здесь оказались?

— Поступил добровольно!

— Как это?

— Исследовать себя!

И стой же минуты, мы становимся лучшими друзьями.

Игорь не просто хороший военный хирург, он воин. Ходил в разведку по минным полям, владел ножевым боем.

Я предлагаю заниматься.

Игорь воодушевляется, и мы начинаем занятия. Вместо ножей у нас скрученные журналы. Я знаю азы армейского рукопашного боя. Моя первая секция спорта была боксом, потом классическая борьба и только потом тяжелая атлетика. И мы начинаем совмещать прикладной ножевой бой с приемами из разных единоборств.

Петр Борисович тоже за нами следит и изучает, и не вмешивается, но, конечно, поражен. Наше с Игорем каждое утро начинается с от работки отдельных элементов, которые комбинируются и за тем часами отрабатывается нами.

Так проходит месяц и Петр Борисович, понимая, что дело заходит слишком далеко как можно скорей выписывает Игоря как говорится от греха подальше, конечно я его понимаю, и нес сколько не сержусь, сами представьте, один военный боевой хирург, другой подрывник, взаимодействуют и разучивают смертельные приемы и потом скажут, что этому они обучались в психиатрической больнице, в отделение где Петр Борисович был заведующем.

Игорь как само разумеющиеся без просьбы с моей стороны, при выписке дает мне свой номер мобильного телефона и говорит позвони, как только будешь на свободе.

Я в приподнятом настроение, пока не знакомлюсь, с другим незаурядным человеком, Павлом Васильевым. Я осознаю, что Павел в больнице не просто содержится несправедливо, но и преступно по отношению к нему со стороны матери, врача, что врача вдвойне преступно. Павел Васильев майор Военно-воздушных Сил в отставке и не просто отличный летчик, а бывший многолетний преподаватель Высшего Военного Катченского училища. Ас, с педагогическим талантом.

Он все время наблюдал за нами с Игорем, не разу не встревал, когда Игоря выписали, подошел ко мне и стал угощать печеньем с конфетами. И когда узнал, что я взорвал церковь раде оскорбленных сыновьих чувств, сделался восхищении. При выписке, он не спрашивал и не давал свой номер телефона, просто просил указать точный адрес, улыбнулся и сказал:

— До встречи!

Через считанные недели, меня выкисают, постановлением Аксайского Районного Суда. Но свобода не становится для меня пьянящим вином. Дома я снова оказываюсь в аду из цинизма и равнодушия.

Мать как затравленный зверек лежит на старом диване в пустом разграбленном и сожжённом доме, в темноте накрывшись одеялом и тихо спрашивает, не поднимаясь с грязной постели, после пяти лет, как я не был дома:

— Сынок, может, ты хочешь, кушать? Я схожу в магазин! Возьму в долг!

Ларису останавливают на улице и ругают, мальчишки кидают в спину камни. В церкви смотрят злобно она стоит на паперти и побирается. И прихожане, и дьяк с батюшкой словно довольны. Они видят в этом что то особенное, словно вот она такая дрянь и сынок ее, а мы же все же, прекрасные, потому что даем копейку. Благодари Бога Лариса, раде нас ты выживаешь и живешь.

— Я не хочу, есть, — отвечаю я и прячу от матери слезы, которые сами собой начинают литься у меня из глаз. Комок горечи и боли застревает у меня в горле, я задыхаюсь от душевной боли, понимая, что мать умирает с голоду.

Глава десятая

Но я и не думаю снова мстить. Мстить просто не кому, потому что разбираться надо с действительностью, а не с отдельными проявлениями в обществе и лично с кем то, а вообще целиком и в целом с устройством социальных взглядов и норм.

Мне нужно взаимодействовать с окружающей социальной средой и в первую очередь вернуть себе права, на полноценное сосуществование в обществе. Скажем простоя поражён в своих правах и большинство окружающих только думают и ждут от меня чего угодно, но только не возобновления нормальной деятельности. Ведь именно, самая большая и главная проблема людей, вернувшихся из мест лишения свободы, это даже не то, что общества их отвергло окончательно и бесповоротно, нет общество даже рада, чтобы человек

вернулся режим созидания и деятельности, но так выходит именно, что человек в местах заключения начинает жить иной жизнью, которая и близко не имеет отношения к обыденной жизни. Та жизнь за тюремным забором и в тюрьме нет не ломает человека, многие возвращаются из мест лишения свободы сильными и уверенными в себе люди, у них грандиозные планы и как бы даже окружающее люди рады им помогать, но именно, что теперь люди вышедшие из ада утрачивают и деформируются и строят свои взаимодействия с людьми так как будто они стались в тюрьме в том смысле, что они проявляют напористость к людям именно считаю места лишения школой, они выпускники и теперь мирная жизнь это как бы разгаданная задача, и все те страшные предметы и науки, что они прошли, должны им помогать. Нет это ошибка именно ошибка при взаимодействии. Первая и главная ошибка они начинают насаждать окружающих своим опытам даже не поведением, а попыткой перестроить мир. Но по сути все знания сводятся к пристройки и построения тюрьмы, они как бы не осознавая этого хотят расширить тюремные стены и сделать камеры еще больше, а для них, когда первостепенно, надо развиваться и взаимодействовать с окружающими их средствами, а тот опыт который они получили в местах лишения свободы, должен служить именно стойкости и терпению, чтобы преобразоваться самому в новую жизнь принеся в нее самое главное деятельности жизни на формирования себя как личности, а прошлый опыт просто, прошедший этап.

Я возвращаюсь в новую жизнь в разгар лета в июли, из вещей у меня только шорты, сланцы и майка. В доме нет даже ложек. Сообщаю о своем возращение в жизнь своему двоюродному дяди. Он честно не знал, не про сестру не про меня. Вообще от слова совсем, погруженный в свой род деятельности так, что это был эверест его мастерства, труда и мечты всей его жизни. Я без преувеличения говорю, если есть в космосе Гагарин, то в мировом парашютном спорте есть Разамазов Сережа. Перечислять все заслуги и регалии которых он заслужил нет смысла, потому что сделал он в свой профессии вот именно невозможно постичь никому и некогда, только можно восхитится, на что возможен человек как личность. После 17 тысяч прыжков с парашюта, попытки переписать историю парашютного спорта, эксперты престают считать. Восемь званий чемпион мира. Но можно совершить и большее просто бездумно, но Сергей обладает педагогическим талантом развевает его, становится главным тренером сборной России и под его руководствами растут и совершают подвиги все новые и новые чемпионы.

Я проста сообщаю я на свободе. Он без каких-либо просьб высылает мне деньги, нет не так, что вот на Артур ты заслужил погулять теперь и повеселится, пей, ешь, встречайся с женщинами, отрывайся как говорят на полную катушку.

Сережа рос в малообеспеченной семье, лишился отца в раннем возрасте и матери, когда был еще совсем молодым человеком. И я понимаю, осознаю, словно то е есть кровь и гены. Я не трачу на себя и свои желания ни копейки. В доме матери нет даже входных дверей, воды нет, света, нет, ничего нет, только мечта и надежда, что ее сын, сможет, он докажет, что она имеет права на счастье.

Я сообщаю о себе друзьям многие отмалчиваются не хотят знать и вообще им не удобно, не удобно именно в том плане, что они не знали, я просто пропал на пять лет и ошарашиваю их тюрьмой, взрывом церкви и состоянием матери.

Но, как всегда, есть люди, деятельные и для которых справедливость выше преград социальной среды. Сергей Тимашенко мастер, делает воду, конструирует новую систему водопровода, не беря с меня ни копейки, за труд, только расходные материалы, потому что считает, что его труд, есть вклад, в мою новую жизнь и жизнь матери.

Связываюсь с Игорем.

Игорь приезжает в тот же день. Его не заурядность в том, что он действительно талантлив в разных рода деятельности и работа для него, если это производится для результата который действительно значительный и важный ему нет разницы, копать траншею, приносить тяжести, пилить, что угодно как есть на войне, только если в армии на вес как бы предусмотрены свои роды войск, не заурядность Игоря в том, что именно в универсальности, он мог произвести сложную хореические операции после которой если было надо, возьмет в руки топор и построит дом, отложит в сторону топор, взвалит на плечо мешок, принесёт мешок и спросит, что нужно сделать следующие, чтобы увенчалось успехом задуманное.

Игорь видит наш с мамой дом ни как пепелище, а как фундамент для постройки новой жизни.

И мы закатывая рукава первое, что делаем двери. Игорь останавливается у меня жить, видя в этом прямой и практический способ моей реабилитации и деятельности.

Крыша над головой важно для каждого человека, вода и надежная дверь, но человек как завещал гениальный Амосов животное с творческим разумом, подчёркивая стадное животное. Вроде как грубо, как это животное, но врач он на то и врач, что рассматривает и ставит физиологические процессы первостепенными так как это регулирует всю его жизни деятельность и главные процессы всех живых организмом на земле протекают сравнительно одинаково,

но именно, что творчество и потребность обратной связи при взаимодействием с окружающим миром есть вершина и Эверест человеческого сознания, только взаимодействие с друг другом мы можем производить рост и видеть и осознавать пользу своего рода деятельности. И за дверью каждого дома есть порог, который надо преступать, чтобы осознавать и чувствовать свою значимость, что в конечном итоге есть смысл жизни так как иначе жизнь не имела бы смысла.

Петр Калашников член партии КПРФ. Первое, что я ему говорю после долгой разлуки, что хочу вступить в партию.

Петя не сказочно рад, именно, что я хочу бороться за правду людей и строить социальное равенство.

Мы отправляемся в штаб, КПРФ Аксайского района. По стечению обстоятельств он устроен в соседнем доме, через дорогу, от дома, где прожила всю жизнь моя бабушка и где была сведена в могилу. Это еще с большей степени укрепляет меня.

Партия и Ленин вот что именно находились в подвале, как в прямом, так и в переносном смысле. Аксайская ячейка была в подвале советской пятиэтажки. Меня это не разозлила, а наоборот ясно давала понять, фронт работы.

Председатель воодушевлён и поражен. Я смотрю на красное знамя и бюст Ленина. Гений и мыслитель словно мне улыбается он тоже рад, но это улыбка не обнадеживает, я молодой человек и Товарищу Ленину известно все наперед, но мой шаг и действия на пути, он приветствует и когда будет почва и время мне объяснит, как быть, но чуть позже. Сейчас Ленин, всем свои понимание, через несколько дней начнет открывать мне глаза на реальное положение дел.

Председатель говорит, что конечно и разумеется. Он хороший человек, но наивный, через два дня он осознав весь ужас и систему, будет скорбным. Ему дают указания из Ростова — на — Дону. Отказать мне, и более не поддерживать никакую связь.

Но приседать узнает у Калашникова мой домашний адрес и телефон, связывается со мной и лично приезжает под окна разграбленного дома. Мой дом как в сказке, только это страшная сказка под названием жизнь. На против прокуратура, через дорогу, там же ГББД, в прошлом районный отдел милиции, еще через сто метров, администрация города Аксая, прямо под окном моего дома бывший паспортный стол, где сейчас штаб и Казаков Аксая.

Мы стоим буквально под окном, окно штаба открыто, и я вижу протрёт Атамана Платова, в чей усадьбе и родовом доме я провел три с половиной года.

Председатель, как-то потупившись в землю, говорит:

— Вам вынуждены, отказать!

Я как-то сразу молний осознаю и почему и за что и зло, но рассуждая, отвечаю.

— Я понял, если я завтра встану на трибуну, Партию подвергнут лживом обвинение экстремизма, и вообще свернут КПРФ.

Председатель темнее тучи, но он человек.

— Что я могу для тебя сделать, чем я могу помочь?

— Спасибо, отвечаю, но успокоившись, а именно поняв, что пред до мной человек, отвечаю, что не надо, вы уже сделали, может больше чем другие.

Но все равно грустно, и Петя узнав о новости тоже расстроен. Петр Калашников, буквально два года назад похоронил отца. Сергей Калашников умер в тюрьме по сфабрикованному делу. В условия тюрьмы у него открылось хроническое заболевание, что вызвало рак, его приводят в больницу, где обещая досрочное освобождение, предлагают проводить на нем экскремент принимая не до конца исследованное лекарство. Сергей отдает себе отчет, но дети, семья, которую он может так и не застать живыми встают пред глазами отца, и он соглашается. Сергея убили! Именно убили, снова и снова проводя над ним варварский эксперимент. Главный постулат всей медицины и излечения, и врачебный долг и клятва, это не навреди! Врач, который преступает и нарушает это есть убийца в самом тяжком этого слове и понимания, потому что, именно прикрываясь наукой и благом, нет не подвергает жизнь других, а именно, когда сознательно доводит организм до смерти, не изыскивая и не наблюдая сколько здоровья принесут следования, а на какой стадии наступит смерть.

Первое время после освобождения мать, Пети, Вера, встречает меня словно, нет ни как родного сына, нет, это что-то другое, вот именно, что я человек, и самое первостепенно, что я жив встретился с матерью. Это боль и скорбь по замученному мужу, она пронесет через всю жизнь и по-другому не может быть иначе. Она накрывает на стол, садит вместе членами своей семьи, практичный человек и мать, она дарит мне куртку и теплые ботинки, лето пролетит, она понимает, что пусть и упорный и не остановлюсь на своем пути, именно что я буду идти и встречу сопротивление и вещи мен будут нужны, зима мороз, это окружающая среда, лед живет в сердцах людей и чтобы пробывать растопить

этот лед мне придется еще столкнуться с трудностями и испытаниями.

И первое испытание, главное может за чем все это была, это мама.

Лариса не могла нарадоваться воде. Пять лет престарелый человек жил без воды первостепенного и значимого элемента жизни всех организмов Земли. Она ходила пятилитровой бутылкой воды в соседний магазин, просила набрать. Конечно ей давали, но представьте эту страшную картину ужаса, когда вы на протяжение многих лет только думаете, воды не хватит, друг не работает магазин, друг, хочется пить, но нельзя напиться в до воль надо экономить, день два, три, а если год, два, пять или вообще жить и умирать с мыслью, что это не изменить, но она верила, она знала, только это ее укрепляли и давала силы, что я вернусь, я выживу и вода будет, но главное будет все хорошо. Я выжил, вода символ жизни, вот она идет из крана, пей сколько хочешь, но мама, все равно изуродована и превращена именно, что инвалида, каждая уцелевшая вещь, для нее вдруг становится словно важней всего на свете.

Она плачет и разрывает мне сердце.

— Артур, это не надо. Это еще хорошая кастрюля! Я готовила на ней есть на костре.

Кастрюля вся изуродована, черная от такой сажи, что ее не льзя отмыть и во век.

— Я куплю тебе хорошую! Новую!

— Нет не хочу! — убивается мать, и рыдает. — Зачем ты выкинул шкаф?

— Он был разломан! Мама очнись!

— Он был хороший!

— У тебя не было не одной целой вещи в нем. Все разграбили!

Я понимаю, что именно, шкаф как символ того, что в нем хранилась прежняя счастливая жизнь, для нее самое дорогое.

— А за чем снес сарай?

— Мама в нем повесился человек!

Мать вздрагивает.

— Тебе нужен такой сарай?

Лариса понимает.

— А стол, мы за ним обедали!

— С кем, когда обедали. Его нельзя было уже починить! Последний раз в этом доме был по-настоящему обед сто лет назад. Мама, если ты хочешь обедать, надо сделать человеческие условия.

Но мама еще этого не понимает, он все пять лет жила в страхе и напряжении и постоянном чувстве о крахе жизни и смерти.

Я это понимаю, но тут она меня ошарашивает.

— Я уезжаю в больницу, беру направление у Анны Осиповны и уезжаю, делай что хочешь!

— Как уезжаешь, куда, к этим варваром?

— Я не могу я уезжаю, рушь ломай, делай что хочешь! — с матерью случается истерика.

Я в ужасе, хочу броситься, обнять мать, объяснить, меня останавливает Игорь и берет за руку и уводит на двор.

— Пусть едет! — говорит мне врач.

— Как, куда?

— Так будет лучше!

— Что лучше?

— Сейчас так лучше, ты не поможешь ей не чем и только усугубишь положение.

— А если она там умрет?

— Если умрет, если допустят это будет на совести не врача, сволочи!

— Как это? Мне потом что, после церкви еще и психиатрическую больницу взрывать?

— Ты сейчас на эмоциях, рассуждай Артур, это твой дар! Для матери, что вода, что ты жив, главное, но ты понимаешь, что все, что происходит пусть и хорошие для нее ужас и страх, потому что чем больше преобразований, тем больше у нее ужас и не вера. Не тряпка и не деревяшка для нее дороги и даже не прошлая счастливая жизнь, а то что это жизнь, вообще подвергается разрушению!

Я понимаю и соглашаюсь, что мать снова отправиться в сумасшедший дом.

— Я понял, каждый раз, когда все было страшно и в с последнею минуту жизни, она бросалась в отчаянье, ей нужна была перемена и покой и даже зная, что она погибнет в руках варваров психиатров, она шла добровольно только потому, что в ней были силы выжить, святая вера в то, что когда она вернется пусть даже из ада, все переменится!

— Да Артур! Как и ты! Да Артур, пусть едет. Ничего с ней не сделают, ты на свободе, побоятся.

Со скорбью в сердце я провожаю мать, чтобы не думать и не отвлекаться, Игорь берется за работу, мы сечениям канализацию, вот именно сочиняем. Дом казачьи двести лет. Мы измеряем, делаем чертеж, считаем средства, копаем траншею, изощряемся и делаем еще на двести лет. В перерывах от работы, чтобы переменить ход мыслей разгрузиться, и приобрести полезнее навыки, Игорь рассказывает о хирургии, находит где-то старый с зазубренными советский скальпель, точит его на точильном камне и учит меня правильно делать разрезы. Именно скальпель меня не впечатляет ка орудие. В моем представление какое-то архаическое представление о ноже, только смерть. Игорь это понимает хирургия это не мое призвание именно, в том, что надо деформировать.

— Чему ты хотел научится?

— Да много чему!

— Первостепенно!

— Лечить людей!

— Это понятно ты и так это можешь! Имею веду, что именно в ремесле! Хочешь научится сшивать кожу, плоть, слои? Это здоровье!

— Да! Мне так нравится!

— Я понимал!

Игорь учит, я поражен именно, что в прежнем моем представление это происходит как зашить прохудившеюся одежду. Я понял, что это происходит иначе и это серьёзный процесс соединение и оно происходит поэтапно слой за слоем.

Так же меня более всего увлекает, бесценные навыки Игоря которые он получил на войне при оказание первой медицинской службы во время боя, когда под рукой может оказаться что угодно, пусть даже палка, ее можно обломать сформировать, использовать для фиксации пораженных конечностей, как рвать на части одежду, как из кармана штанов можно вырезать и соорудить аптечку, подвязать ее на пояс, всякие тонкости, которые врач может постигнуть только в реальном бою.

Окончание работы и практических занятий по медицине, Игорь предлагает отметить, накрыть стол во дворе и позвать Петю Калашникова. Я, конечно, рад и поддерживаю.

— Пусть это будет, твой своего рода выпускной! — смеётся Игорь.

Я учился на повара и прекрасно готовлю, этот навык Игорь одобряет и говорит великий слова Гиппократа:

— Пища должна стать лекарством, а лекарство пищей! — и добавляет. — Вся медицина вышла из взаимодействия и познания мира через пищу, ее изучение и совершенствование.

За накрытым столом мы смеёмся, выпиваем рассказываем друг другу истории.

Игорь замечает, что в присутствии Пети, я как-то нет не конфужусь, мы понимаем друг друга с полу слова и по-настоящему дружим.

Игорь добродушно улыбается:

— Артур ты что не как не можешь принести, что тебя не приняли в партию?

— Да! — отвечаю я откровенно.

Игорь смеётся.

— Артур ты же сам и есть теперь партия!

Я задумываюсь.

— Да что тут думать Артур! Ты партия!

— Как это? — удивляется Петя.

— Просто! Ленин жил, и убудет жить! Но трансформация и преобразование! Как без них можно построить мир!

— Я не Ленин! — отвечаю я.

— Лучше, — смеётся Игорь наливает водки.

Я понимаю, но несколько не счастлив.

— Да Артур, у тебя есть самое бесценное, что всех может объединить. Это мама, у всех есть матери.

Мне становится горько, я пью, автоматически рука тянется за сигаретой.

Мы все закуриваем.

Игорь сказал, что он в первую очередь врач и ему место в полевом госпитале и он собрался на Донбасс.

— Забор установили, двери поставили и обеспечили воду канализацией. — Все остальное ты закончишь сам по мере развития событий. Мое место в строю! Ты это знаешь, и я поэтому попросил мне помочь и свести с нужным человеком. Ты познакомил. Спасибо.

Мы проводили Петю и остались с Игорем наедине.

Звезды ярко святили и манили и рождали в голове мысль, что жизнь во вселенной повсюду, что если на Земле все так скверно устроил человек, что может там посреди этих звезд есть лучший и счастливый край.

— Давай Игорь спать! — сказал я докурив.

— Нет, еще посидим! Сегодня живёшь, а завтра в земле лежишь!

— Что ты выбрось из головы!

— Нет, так! Я врач, я про это лучше знаю.

— И что же престать бороться! Опустить руки?

— Нет Артур, я не об этом. — Жизнь Артур это бой, но для боя нужно предварительно зарядиться покоем, посмотри на звездное небо и просто. И я посмотрел на звездное небо так как должен смотреть человек. И все как будто растворилось под этими такими желанными и такими не доступными небесными огнями. Ночь, тишь и надежда.

Глава одиннадцатая

Когда я проснулся Игоря дома не оказалось, я догадался, что Игорь на Дону и успокоился. Игорь готовился в армию, бегал, принимал поддерживающие и укрепляющие нервную систему приправы и потом отправлялся на Дон.

Игорь после воды мог вздремнуть под тенью деревьев прямо на песке, а когда начиналась жара возвращался домой. Я и сам с самого детства любил пропадать на пляже. Дон у нас в Аксае первобытный широкий и с песчаным пляжем только сильным течениям, но это на Дону почти во всех местах. Покойно и хорошо на берегу Дона прохладно от хулигана ветра, а когда ветер разойдется то на берег набегает волна как на море.

Не дожидаясь Игоря я пошел к Мельникову Михаилу Михайловичу. Мельников был уже пожилым человеком и отцом моего друга журналиста, который и позвал Игоря на Донбасс. Звали его как и отца Михаилом. Он часто ездил в Донецк и Луганск и делал репортажи с места событий.

Отец Михаила жил один отдельно от детей в каменном доме, который сам построил своими руками и необыкновенным садом цветов, можно сказать прямо какой оранжерее. Он весь свой день проводил ухаживая за цветами. Сам Михаил Мельников был еще крепкий старик, жилистый невысокого роста и носил бороду, но вот одно напасть это глаза, почти уже ничего не видел и цветы, их нежность и красота, которую Михаил Михайлович пусть теперь не мог как следует разглядеть продляла ему жизнь.

Не взирая на старость Михаил Михайлович был собран и дисциплинирован, хоть и был полуслепым. Сам электропилой пилил дрова заготавливая их на зиму и сам готовил есть себе и своей красавице московской сторожевой по клички Стела.

Огромная Стела только завидев меня весело махая своей головой побежала мне на встречу. Своих она встречала радушно махая хвостом, а чужих грозным лаям.

— Стела, Стела! — приговаривал я и гладил собаку, которая была мне по пояс. — Михаил Михайлович здравствуйте!

— Здравствуй! Проходи! — отвечал приветливо Мельников.

Он как слепой человек делал короткие небольшие шаги и шел ко мне на мой голос.

Мы пожали руки.

Ладонь у Мельникова натруженная, но не грубая.

— Пошли пить кофе! — сказал Михаил Михайлович.

Мельников был гостеприимный и всегда угощал гостей горячей ароматной чашкой натурального кофе.

— Что нового? — спросил Мельников.

— Все по-прежнему! — отвечал я. — Вот Игорь собирается на Донбасс. В этом ему помогает ваш сын.

— Мишка, знает свое дело! — улыбнулся Мельников. — Он уже и сестру на Донбасс благословил. Теперь смотрю и до знакомых добрался.

— Кристину?

— Да. Она с итальянцами переводчиком едет.

Мы допили кофе и Михаил Михайлович попросил меня сходить ему в магазин за сигаретами.

По дороге я позвонил Игорю, но он не ответил. Я купил сигарет и возвращаясь уже думал снова набрать Игоря, но заигравшая мелодия моего телефона меня опередила. Из имени абонента, я понял, что звонит Игорь, но голос был чужой.

— Это полиция! — раздалось из телефона.

— Что случилось?

— С телефона, с которого я вам звоню, есть ваш не отвеченный вызов.

— Да, я звонил своему другу!

— Он погиб!

— Как погиб?

— Его сбил поезд!

Дальше мене сказали, что Игоря надо опознать и про то, что если у меня какие ни будь документы погибшего. Я сказал, что у меня есть Игоря паспорт. Мне сказали идти домой и ждать пока за мной приедут.

Когда умирает не посторонний для вас человек, на смену шока на ум приходят сцены из жизни умершего или может стоять как у меня перед глазами последняя встреча. Мне на всю жизнь запомнилось как Игорь как можно дольше хотел смотреть на звездное небо. Курил и говорил, что жизнь может оборваться

в любую минуту, что сегодня живешь, а завтра в земле лежишь. Но я еще не мог принять, что Игоря больше нет, и когда приехала полиция я долга отказывался ехать опознавать тело Игоря. Я думал о том, что пусть станет так, что Игорь словно просто ушел, и просто сегодня не вернулся, но он жив.

Но Игорь сам был не из Аксая и знакомых кроме меня в нашем городе у него не было так, что мне пришлось ехать на место гибели.

Полиция была не в форме и не на служебной машине. Я сначала этому не придал значения. Мы приехали к насыпе с железной дорогой. Под высокой насыпью было что-то вроде небольшого туннеля, прохода под железной дорогой из которого с другой стороны принесли тело Игоря в черном пластиком мешке и положили у моих ног. Один из полицейских, что был на месте и не привозил меня включил цифровую видеокамеру и стал снимать опознания.

Другой сотрудник полиции стал открывать мешок с покойником со стороны ног. Я сразу узнал Игоря. Чем больше открывалась молния и перед моими глазами представала мертвое тело друга становилось не по себе и у головы я сказал, что хватит. Я понял, что удар пришёлся на голову, и она изувечена, так как на теле не было никаких следов, даже ноги были не оцарапаны. Мне сразу показалось это странным. Высота насыпи была три метра, и если Игорь ударил поезд он переломал бы все ноги. От опознания мне сделалось совсем скверно, а от неясной картины случившегося закрались подозрения. И здесь мои сомнения утвердились странным происшествием. Когда меня стали опрашивать и записывать показания, что где родился, место жительства, как связан с погибшим из машины вышел человек в форме в звании майора.

Сразу подумал, к чему он здесь еще и майор, кроме него было несколько полицейских в гражданском.

— Выбросите из головы! Не убивайтесь так! Пустое! — сказал майор.

Я так и опешил.

— Кто это? — спросил я недоуменно.

— Сам посмотри, в грязных шортах и не бритый! Бомж какой то!

Я закипел:

— Да вы знаете, кто это? Этот человек в Чечне служил врачом! Сотни ребят спас! Его помнят и знают!

Майор промолчал, быстро попятился и скрылся в машине.

Мне все представало подозрительным, да просто не логичным. Боевой человек, врач находясь в вырезом уме и памяти и чтобы вот так.

Единственное, наверное что есть на свете, это то что к смерти нельзя быть готовым до конца, смерть всегда застает в врасплох. Даже если прикованный к пастели тяжело больной человек, чью смерть все ждут и умирает это становится так же неожиданностью. Только если меньше печали на сердце от такой смерти. А когда человек здоров и полон планов, когда это друг и самое горькое, что это первый друг которого я потерял при трагических обстоятельствах. И теперь которого мне будет не хватать всю мою жизнь.

Игорь погиб, мать в больнице. Я в подавленном состояние, через знакомых узнаю, что Сергей Бабанский на Маныче собираюсь и еду в Тузлуки.

Диков встречает меня хорошо, накрывает стол, долен, не расспрашивает подробностей, просто искрении рад.

— Мальчик! Ну как Достоевский?

— Что Достоевский? — улыбаюсь я. Перед тюрьмой и последней встречей, когда я жил в Тузлуках. Я хожу ко всем дачникам и пересказываю Достоевского открывая пред людьми те не которые непостижимые вещи, которые Достоевский говорил между строк.

— Камень, который принес с каторги Достоевский, тебе предал?

— Боюсь, что да!

— Так ты не бойся, неси!

— Я не боюсь, я его обрабатываю!

— Молодец мальчик! Так держать.

— Спасибо! Я пойду поздороваюсь Сережей. Он с Алексеем приехал?

— Да вместе!

Когда я пришел в Московский сруб, то застал только Сергея и Алексея, больше никого не было и я обрадовался.

Сережа красивый, именно, что от него исходит человеческая красота души.

Мы сели за стол.

— Какой человек с нами сидит! — сказал Сергей.

— Как, ты что? Сережа, ты, вот Алексей, я так. Не надо так.

Нет я не смутился и не обрадовался я всегда был чем-то неординарным, но Сережа именно так сказал, после моего поступка и освобождения.

Мы все поняли и не стали об этом больше продолжать вести разговор.

Сергей был довольный, сказал, что поедет навестить родственников, сам Сережа родился на Дону в Заполостном, в Москве работал и жил.

Алексей пригласил вечером провести время вместе.

По дороге обратно к Дикому мне встретился Юрий Павлович, врач, доктор и стоматолог.

— А политический! — улыбнулся Юрий Павлович и покачал головой. Мы отчего то с ним всегда в контрах, хоть он и первоклассный врач, а вечный студент всех наук. Хотя когда-то я запросто приходи к нему в гости мы кутили. Но именно, что когда приходил в гости, но, когда я стал откалывать из просто из жизни вечный вопрос кто прав виноват мы разошлись, но ни сколько во мнениях, сколько Юрий Павлович, не хотел покружатся в тот ужас, который я рисовал. Он знал об этом не из посторонних слов, взглядов, фильмов и книг, а потому что у него был свой личный опыт. Он воспитывал внуку, которая осталась без родителей и знал, что некоторые вещи лучше не знать и не чувствовать в жизни. Он хороший человек.

Я хотел поговорить, подобрать слова, но не стал пускаться в разговор, наверное зная, что он в конечном итоге закончиться не применено каким то ужасом, пусть и скорее всего, я все докажу, обосную, но именно иза того, что у меня получалось размышлять, он не хотел тогда со мной говорить именно, от того, что я некогда не изменюсь в плане природы своих вещей именно я буду идти до конца, чтобы преобразовать этот Мир. Что же его можно понять, у него растет внучка, учиться, умница, он знает, что жизнь — это бой, но он ветеран, а вечный новобранец.

Мы здорово и не обыкновенно начинаем наш вечер с Алексеем.

Делаем друг другу подарки, он выручает меня деньгами, небольшой суммой которая мне нужна.

Последний миг встречи мне запомнился и врезался в память.

Мы стоим на пороге, и Алексей спрашивает сигарету.

Я, конечно, даю без вопросов и понимаю, что в доме, именно у Алексея нет сигарет, за вечер мы скурили несколько пачек. Я улыбаюсь в кармане у меня только на читая, но последняя пачка, в самом хуторе, в маленьком магазинчики, нет сигарет, но без како- то задней мысли, что останусь без сигарет, достаю и отдаю всю.

— Возьми! —

Алесей как бы смущенный, но и как бы радостный.

— У меня, есть еще! — улыбаюсь я им не так хорошо, просто от того, что я сделал человеку приятное, просто так. И понятно, что Алексей мне тоже посвятил сегодня частичку себя, очень важную для меня, но в том и заключается человеческое взаимодействие, чтобы нет не только делиться с другом последним, это важно, а чтобы понимать, важность человека, его потребности быть понятым и поддержать.

Окунувшись в прохладную августовскую ночь, после становится на сердце покойно, словно все уже и случилось, и я спал как младенец. А вечером приехал Авилов с женой и пришел Зубков.

Мы сидели за столом с Авиловым Юрием Александровичем и Зубковым у Авилова на даче.

Зубков подобен Дионису, бог веселья и вина абсолютного воплощению природы продолжение жизни. Это человек который без веселой пирушки с женщиной, умер бы в тот же миг, если пирушки прекратились, но если не стало бы женщин, то Зубков… Зубков выстрелил бы, себе в голову размозжил себе мозг.

— Хорошо, ладно, — говорит Зубков. — Я согласен, так сложилась историческая ситуация, индустриализация, прогресс, мировая техническая революция, что мы все, весь мир зависим от полезных ископаемых. Порадовать необходимость, но, а народ, которого воплотила эта земля в жизнь. Россия, которая пролила миллион кровавых слез во время революции осталась в полном дерьме, когда наши совершили, если не золото, но серебро… Русский человек дерьмо ест! Объедки со стола прихлебателей мерзавцев и негодяев, которых Путин благоденствует, а надо убить, прилюдно вздернуть каждого! Если Путин так сделает и даст блаженному русскому народу жить по-человечески, я заберу свои слова! — Давайте выпьем!

— За что? — спросил я.

— Артурчик! — воскликнул Зубков. — Не за Нансена Мандолу же! Конечно за Революцию!

Зубков без слов тоста и повода никогда не пил…

— Ты заметил Артур все здесь все равно как дети? — сказал Авилов после тоста Зубкова. Шумят, возятся, задирают друг друга, но без обиды. Даже Диков, когда бы из-за страсти на вид готов убить как разъярённый демон, а потом снова как малое дитя. И Зубков! Да Юрий Иванович?

— Что ты имеешь в виду?

— Что с виду приличный человек, семьянин, а в Тузлуках, у тебя бес в ребро колит ножом и ты не пропускаешь не одной юбки.

— Чушь! — отвечает Зубков и махает рукой на слова Авилова, а встает из-за стола. Его сами несут ноги и все естество, потому что из дома вышла незамужние подружка жены Авилова… Супруга Авилова, Ника необыкновенная женщина, яркая и очень сильная, не смотря на все невзгоды и трудности, что не приносит ей жизнь. Ника любую трудность одолеет… Живая подвижная с опьяняющей улыбкой на лице.

— Тамара, а можно вас пригласить? Пригласить смотреть звезды! — спрашивает Зубков

— Что их смотреть, блестят как глаза у кота в марте месяце, — отвечает Тамара

— Я про то, и говорю Тамара, смотреть звезды надо исключительно в горизонтальном положении… Рыбка моя!

Авилов пограничник смеется, это стройный жилистый человек воплощения хозяина служебного четвероного друга людей. Однажды я спросил у Авилова:

— Что вы сделали бы с нарушителем государственной границы, если он покалечил бы вашу служебную собаку?

— Убью на мести! Убью не на миг не задумываюсь, — ответил Авилов.

Зубков же не убьёт иза собаки, иза денег тоже не убьёт, убьёт только за правду. Родного сына убьёт, себя убьёт, всё и всех.

Зубков просит отправиться снова Тамару смотреть на звезды в горизонтальном положении, но Тамара не преступна, это ошибка. Зубков, теперь не угомониться до рассвета и будет не давать никому спать и отдыхать. Будет приставать к женщине до рассвета. А с закатом во время застолья все повториться…

— Юрий Павлович купил бильярдный стол! Ты играешь Артур, — спросил Авилов.

— Играю! — ответил я. -Но навряд ли Юрий Павлович будет рад меня видеть в своем доме. Хотя и нет! Если я действитбельно приду в гости. Шутить, радовать и быть человеком.

Авилов мне подливает. Ника приносит на стол все новые и новые блюда. Я ем и вдруг кусок застревает у меня поперёк горла, когда я понимаю, что моя мать, может быть, в это самое время ворочается и не может уснуть, потому что голодная. И беззаботность каникул проваливается и еду из Тузлуков к Мальцеву Виктору Обрамовичу.

Надо сказать, что именно еду, а не в гости. В гости приходят с радостью и хотят получить радость взамен, у меня всегда предприятие, связанное с жизнью и смертью. Да я врач до мозга костей, только с той разницей, что я не веду привычный прием у меня это непрекращающийся бой, где сама жизнь и смерть мои ассистенты, моих экспериментов над всем без исключения, но первостепенно главный опыт над сами собой.

Ни Мальцев никто другой на всем белом свете, не знает, что я еду к нему, но если я поехал, то доберусь. Я не знаю не адреса, не телефона, просто знаю, что Мальцев на Дону.

Начинаю делать звонки совершенно разным людям с начало такие, который не имеют не малейшего отношения к Мальцеву, пока не добираюсь, до того, что узнаю, где полковник живет, потом номер телефона. Дозваниваюсь до Мальцева.

Мальцев как бы рад, но находиться не в расположение духа и не может сейчас встречаться.

— Я еду! -говорю.

Мальцев знает, что прежде не был у него, не знал номера, не знал адреса. Полковник ГРУ и пусть не может, но вынужден меня принять, но говорит, что прозвонит. Начинает сам звонить и интересоваться, кто дал Артуру, его координаты и номер телефона. Выяснить невозможно, да Артур звонил, одному, другому, всем с разных номеров, но цепочка прерывается на десятом ответчики, и Мальцев ждет меня в гости. Именно в гости, он хочет так, однажды он сам меня приглашал, в последнею встречу, за несколько дней до тюрьмы, я был в Тузлуках, поняв мое настроение, он сказал:

— Поехали отсюда, я отвезу тебя домой!

— Хорошо! — ответил, поняв, что полковник разгадал, что я не получил желаемого от встречи со всеми.

Дорогой я скорбно молчу, но вдруг говорю.

— Меня посадят в тюрьму!

И Мальцев сам неизвестно почему сердечно отвечают, так словно он этого никогда не допустит.

— Что ты Артур, не посадят!

— Это не важно, — отвечаю я. — Не то, что в тюрьму, не это факт меня ужасает.

Мальцев понимает, что у меня внутри происходит процесс. Он понимает, что решение я уже принял, знаю о последствиях, но нужна дополнительная работа, для механизма исполнения задуманного.

— Давай я дам почитать тебе интересную книжку, — говорит Виктор Абрамович так словно сыну.

На миг я словно воскресаю, но тут же моя надежда блекнет.

— Нет, извините мне нужно готовится. — Вы понимаете!

Всю мою теремную жизнь, во мне вот это мгновение, когда Мальцев, человек знавший меня считанное время проявил ко мне сердечность и заботу, не потому что я не похож на других, а вот именно, как отец которого я никогда не видел в своей жизни и пытался отыскать в сердце другого, давала мне силы.

И теперь спустя пять лет ада, я ехал за сердцем. Никогда в наших жизнях друг друга не будет подобной встречи. Может и будут другие, но та встреча, раз и навсегда изменит мою жизнь, это был подарок во всех отношениях. Если можно так сказать, можно, что это было есть и останется для меня, все равно как святая троица для православных, что Во имя, Отца, Сына и Святого духа. В моем же случае, Отец, Любовь, Открытие. А это и есть то самое единство, которое провозглашает жизнь, вселенную и мироздание!

У Мальцева есть невероятный дар, ориентирования, именно, ни то, чтобы, построить маршрут, добраться до пункта назначения и выполнить задачу, а чувство приближающего его к пункту назначения, нет это ни то, что чувство, что вот, вот скоро будет и человек ждет каждой минуты, это особенность в конечном итоге становится угнетающей для рассудка. У Мальцева же именно определенное качество, когда с каждым пройденным этапом, сил, порядка и

мыслей для осуществления задуманного, становится, все больше и больше и вот когда свершение кульминация не затмевает рассудок. Мой же дар абсолютно противоположное, я планирую, жду, осуществляю, для меня важно, как и для любого организма осуществление задуманного, но моя врождённая способность именно взаимодействие и противодействие обстоятельствам лишь первостепенно затем, чтобы продолжить противодействовать.

Виктор Абрамович меня встречал, в туже минуту, когда я выходил из машины, не зная когда я приеду и на какой машине я еду, нет он не стоял ка истукан или часовой на посту, просто я подъезжал, он собирался, я остановился, он вышел, я вышел, он очутился в заданном месте и улыбнулся мне.

Нет он несколько не постарел после нашей разлуки. Хотя ему было уже за шестьдесят лет, только прежде очень сильный и физически развитый, был подтянут, на десять килограмм меньше прежнего веса.

— Как ты до меня добрался? — улыбаясь спросил Мальцев.

— С ориентировался! — улыбнулся я в ответ.

Своим внешним видом, энергичностью и вообще настроениям, я понравился полковнику я словно преобразился с того последней нашей встречи, когда был подавлен и скороблен просто два разных человека.

Мы прошли в дом. Сели за стол. Я понял, что полковник выпивал, но это не была пьянка это было словно поминание очень важного и значительного.

Я молчал и не мешал я не имел права прерывать человека, когда он скорбел, потому что невозможно исправить.

Вдруг Виктор Абрамович сказал:

— Лучшие погибают! Лучшие!

Я понял все без лишних слов. Нет полковник не оплакивал павших товарищей, это было больше и значительней он понимал как никто другой, что только личность способна на подвиг, не жертву, собой жертвуют только фанатики, и только личность совершает подвиг, который служит продолжением, главного формированием другой личности, которая сделает следующий подвиг. Иисус Христос и был все ровно, что воин и не приносил себя в жертву Миру, он совершало подвиг во имя нового построения личностей.

Мы закурили, каждый свои сигареты.

— Как ваше здоровье? — спросил я автоматически.

— Подремонтировали! — улыбнулся Мальцев. — Сказали нельзя поднимать больше двух килограмм.

Я больше не спрашивал о здоровье, поняв, что Полковник вернулся после выполнения боевой задачи и ему провели сложнейшею операцию.

— Я хочу с Вами серьезно поговорить! Посоветоваться!

Мальцев как истина военный человек, тут же собрался, отбросил все прежние мысли в сторону. И стал убирать со стола не допитый алкоголь, закуску. Начисто протер стол. Поставил кружки. Достал мед.

Поставил на огонь чайник.

Заварили чай.

— Я взрывал церковь! Я поражён в своих правах. Единственное, что пока я вижу, правильным, это поступит на службу вооружённые силы. В армию!

— Каким образом? — спросил Мальцев. — Ты не служил в армии, не офицер! Служба в армии в лице гражданской должности тебе не подходит в силу предрасположенностей.

— Я знаю основы оказания первой медицинской помощи в бою.

— Ты был в реальном бою?

— Нет, но со мной занимался и учил военно-полевой хирург! Герой первой чеченской войны! Он погиб, пред отправкой на Донбасс при невыясненных обстоятельствах в нескольких сот метрах от моего дома, где обучал меня и помогал, поднимать дом, после тюрьмы.

Мальцев одобрительно и пониманием посмотрел и сделала только ему известный вывод.

— Частная военная компания! — ответил мне Полковник. — Я дам тебе номер телефона, позвонишь и тебя примут.

Я задумался и не отвечал, но Мальцев понял, что я не соглашусь, но ему была важна разобраться почему.

— Почему нет, Артур?

— Мне нужен государственный статус со всеми вытекающими правами.

Мальцев понял, и больше не предлагал.

Мы продолжили так разговор, словно и не была прежнего. Вспоминали и интересовались у друг друга о Тузлуках и общих знакомых.

Были радостны, и Виктор Абрамович был доволен, и я видел, что как то, его все раны и травмы словно от ступили, и мои раны словно затягивались и мне становилось легче с каждой минутой проведённой вместе.

Была хорошо, но я все равно всегда оставался Артуром и не смог, просто быть счастливым и спросил того, кто по сути своей природы все равно, что бог войны.

— Виктор Абрамович Бог есть?

— Нет! — утвердительно ответил Мальцев.

Я смутился, потому что Мальцев именно так сказал, чтобы я больше не спрашивал, так как будто это, что дважды два, четыре.

— А Дьявол?

— И Дьявола нет!

— Как это?

— Нет Артур не Бога не Дьявола! Есть только то, что ты выберешь! Выберешь Бога, будет Бог! Выберешь Дьявола, будет Дьявол!

Я вдруг понял, все стало по своим местам, и от этого наша встреча стала для меня еще ценнее.

В конце встречи, Виктор Абрамович вызвал со своего номера мне такси, я назвал адрес. Понятно, ему, конечно, надо было знать, мой адрес, но это он сделал в первую очередь, чтобы дать мне понять, чтобы я отправлялся домой, что он не хочет и не желает, чтобы я снова пустился к кому то, а от него прямо и целенаправленно отправился домой, и отдохнул и собрался с мыслями, чтобы совершить новый и правильный шаг в жизни. Это было именно, то, что нужно и как я желал, словно сердце родного отца.

Глава двенадцатая

Я приезжаю домой застаю дома маму. Она как бы сначала и не услышала, что я открыл калитку и во дворе дома. Смотрю, что- то стирает, тут же тряпка, веник. Она приводит дом в порядок до зеркального блеска, не пылинки.

Она поворачивает голову и ведет меня и радость и в то же время тревога, все примешалось и тогда выступило из ее сердца и души.

— Сын! — восклицает Лариса. — Ты же где был?

— А ты?

— Не знаю, я приехала в больницу пробыла пять дней….

— И?

— Я сказала врачу, что ты дома, один, я хочу домой к сыну! Меня выписали!

— Как?

— Дали деньги на билет, отвели на остановку!

— Хорошо!

— А где ты был?

— Да в гостях! Все хорошо!

— Я убираю!

— Хорошо!

— А где Игорь?

Я не говорю, что Игорь погиб, зная, что это может поразить маму до глубины души.

— Все хорошо, мама, он потом приедет, у него дела! Все хорошо.

— Ты хочешь есть?

— А что?

— Я приготовила, взяла в долг в магазине. Борщ!

— Хорошо!

— Семьсот рублей!

Мама, начинает перечислять:

— Свёкла, пятьдесят рублей, капуста, сто двадцать, лук, морковка. Курица, триста!

— Я отдам!

— Еще сметана, сто двадцать. Да и еще зелень!

— Здорова! — отвечаю я и радуюсь именно, что она не утратила проявлять деятельность, может строить систему, в общем класс, одним словом, у меня разгорелась надежда, что все будет хорошо, что мама может выздороветь, даже если нет, пока она будет знать, ждать меня и верить, можно будет жить, пусть не так как прежде, но может самое главное, мама будет жива и покойна.

Если Вы родились на Дону и совершите человеческий поступок, рано или поздно к вам сами придут, настоящие казаки. Казаков не надо звать, упрашивать, что-то обещать, врать с три короба и прочее, и прочее. Казаку не надо, знать уголовную статью, первостепенно важно деяние и главенствующее за что и почему.

Я прежде не слышал и не знал Жигулина Олега Николаевича. Не потому, что не интересовался, я был от рождения любознательным, но как сказал Мальцев, что ты выберешь Артур, то и будет, я выбирал и выбираю всегда Бога, казак, не может мыслить и жить, и дышать как-то иначе, если он казак! Выбрать, и слепо бить головой об церковный порог, это не вера, Вера есть взаимодействие с Богом основанная первостепенно на поступках. Первый и главенствующий постулат Христа, вера без дел мертва! Я как бы это кому то не хотелось, я своим поступком, пусть и вопиющим, в первую очередь шел к Богу, мне все равно было и на церковь, как просто камни да и на все… Но вот в чем парадокс, выбрал, иди, дошёл, покажи, достоин, Бог, разрешит, не выжить, а проложит путь, и снова иди, дойдешь, хорошо, но вот, шаг, и путь, это и есть жизнь и Бог!

И Жигулин, без рассуждений и мер, без всего, приходит, не потому что я как бы такой особенный и необыкновенный, а именно, он знал абсолютно, вот чувствовал кровью, казак! Церковь! Пошел взрывать, вместе с собой! Здорово! Значит довели, дошли до последнего края! Не Бога, не Христа Церковь, шел взрывать, а мракобесие. И ему было все равно на общественное мнение и прочее, он знал и когда приехал, посмотрел, на дом, на все, на всех ему не нужно было слышать от меня душераздирающее истории о матери. Жигулин все знал лучше других, что значит разорение, предательство смерть близких, проклятие подонков и прочее.

Нет мы не стали дружить, это совсем иначе, он Жигулин потомственный казак, знавший что такое поражение в правах, говорил:

— Артур, пиши, бей в колокола, как умеешь!

Не знаю как оно и что в моей и в нашей жизни происходит и как устроенно, Жигулин, из Хутора Ленин, с улицы Пионерская! Я не Ленин, но вот что точно Пионер!

Олег Николаевич приглашает меня к себе в гости. Здорова, думаю. Если партии нет, то слава Богу, есть еще на Дону казаки!

Я родился и вырос на Дону и понимаю, что это смотрины, только с той разницей, что где-то там, человека приглашают и он трясётся и думает, как ему быть и не ударить в грязь лицом, на Дону все иначе, тебя рассматривают под микроскопом и ты делаешь выводы, все остальное плевать, на Дону нет такого ума заключение не пришелся ко двору, у казаков только и только первостепенно взаимодействие.

Но вот интересно, что-то со мной, всегда происходит, так или иначе всегда открывается дверь во времени и судьбе, что я встречаю и нахожу те черты, что желает мое сердце, человека.

Мы сидим за накрытым столом. Я спокоен. Разговариваем, немного выпиваем, закусываем, это не попойка.

Жигулин, бывалый казак, знающий что такое запах пороха, смерть и любовь во имя смерти, и как бы невзначай, все говорит, ну вот смотрите, человек. Олег Николаевич, и в тюрьме побывал, и он знает, что такое тюремная жизнь.

Я знакомлюсь близко с ребятами, кому-то нравлюсь, кому-то нет, главное и первостепенно, Олег Николаевич сам без моих просьб и размышлений, нет не предлагает, а рекомендует, вступать в казачество и знает, что рано или поздно, нет я не соглашусь, я уже в казачестве, но он понимает, что важно человеку именно подняться и нет не заявить о себе, а именно устроить жизнь, перевернуть жизнь, открыть новую страницу и главу в жизни.

И казаки вот именно, что деятельны, мы договариваемся с ребятами, что они сами приедут и помогут, мне с электричеством, где проводку, протянут, что еще подсобят и я радостный и воодушевлённый уезжаю от Жигулина. И, кажется, и так представляется, что все наладится и будет новая жизнь и судьба будет к вам благосклонно. Но я не верю в судьбу в том процессе как, что все предначертано и предрешено. Человек, не может построить и существовать так как будто он оторван от окружающей среды. И лишь только в предлагаемых обстоятельствах решается, что может родится и явится на свет. Это все равно как оказавшись в племени людоед вас слопают на обед или на приеме английской королевы вас ждет изысканный ужин и великосветская беседа. Но я не ищу себе оправданий и понимаю, что окружающие меня ненавидят именно

даже нет, не из-за моего преступления. Не из-за церкви, а именно, что не сдох в тюрьме и больнице, а вернулся и стал заниматься деятельностью. Соседям и всем тем, кто не добил мою мать в мое отсутствие, надо теперь жить с мыслью, что вон он этот Артур и мать его не имеющие права как они считают на нормальную жизнь устраивают свой быт и могут после всего что я сделал, стать хоть чуточку счастливее.

Мать на улице при встрече с каждым знакомым говорит о том, что у нас есть вода.

Лариса радуется и не как не может себе такое вообразить, что именно, что у нее матери преступника вновь есть радость и обладания того, что есть у других, то что они считают им принадлежит по праву, оскорбляет их, лишает их покоя. И кто-то самый ярый, и оскорблённый сообщает водоканал, что мол у такой мерзавки как Лариса есть вода и это незаконно. Именно так.

Приходит инспектор и говорит, что нам надо явиться завтра водоканал и объяснить на каких основаниях мы производили работы и пользуемся водой.

Я молчу, но на следящий день еду.

Меня приглашают к директору.

Это невысокого роста верткий человек, видно, что деловой. Он просто начинает разговор, ему все равно, вообще.

— Вам надо сделать проект! — говорит директор водоканала и называет, что для этого надо, а именно называет крупную сумму денег, которых у меня нет.

— Какой проект? — спокойно спрашиваю я.

— На права подачи воды!

— У нас всегда была вода. Просто так случилось, что водоснабжение прервалось из- за пришедших в негодность труб.

— Вы у нас не числитесь!

— Это как может быть? Мы проживаем по этому адресу не один десяток лет.

— Дело в том, что по вашему адресу было переадресования. Ранее вы относились к Аксаю, теперь это филиал Новочеркасского водоканала и надо новый проект.

— Меня нет таких денег!

— Ищите!

Я злюсь.

— Вам не кажется, что вы не разобрались! -говорю я. -Моя мать инвалид второй группы.

— Меня это не касается! — равнодушно отвечает директор.

— А мне кажется, что вы хотите воспользоваться ситуацией, нашим бедственным положением и просто нагреть свой карман!

Наступает пауза.

— Вы только не давно освободились из мест лишения свободы, будьте благоразумны, — говорит директор, полагая, что я как бы не имею права жаловаться, а должен сносить и принимать все, что мне скажут.

Я молча ухожу и в тот же день предпринимаю следующие, а именно пишу обращение в электронном виде на сайте администрации города Аксая обращение на имя главы Администрации, что с меня и мой матери инвалида требуют взятку на права пользоваться самым жизненно важным для человека, а именно водой.

Я как бы решил действовать на опережение и правда решил, что кто -то должен стать на мою сторону, но ошибся, через два дня под окнами грозный голос.

— Откройте полиция! — раздается на всю улицу.

Я вздрагиваю, но понимая, что не совершил ничего против законного иду открывать.

На пороге два полицейских.

Они не представляются, а просто в приказном тоне говорят, что мне надо проехать с ними в районное ОВД, что меня взывает следователь.

— Я не совершал ничего противоправного! — отвечаю я.

— Следователь разберется!

Я понимаю, что здесь что- то не ладное, и что, если я сейчас вот так возьму и поеду в отдел я просто снова могу лишиться свободы.

В моем телефоне в галерее фото и видео фотография дяди Сережи. А именно как ему сам Иванов в кремле вручает медаль за его очередной спортивный и

общественный подвиг.

Я показываю полицейским.

— Это мой дядя, заслуженный человек! Ваши действия не законны!

При виде Иванова, полицейские меняются в лице и как бы начинают соображать, но не знают, как быть у них приказ.

— Везите повестку! — говорю я и как бы прихожу нам всем на помощь. -По повестке явлюсь! Так не законно.

— Повестку? — спрашивает один из полицейских и как бы сам удивляется такому простому и верному решению.

— Да, повестку!

— Хорошо, привезем! — отвечает полицейский и у него как бы гора с плеч.

И он и я понимаю, что повестки не будет. И они уезжают.

Следующие дни я жду повестку, и вместо нее меня снова просят явится водоканал.

Теперь меня принимает не директор, а женщина. Она не представляется по имени отчеству и называет себя юристом.

Она дерзко и с вызовом смотрит на меня и готова. Говорит со мной на повышенных тонах.

— Вы оболгали человека, сообщили, что с вас вымогали деньги! — говорит юрист.

Я готов к защите, но сам еще не знаю, что ответить и она сама приходит мне на помощь.

— Знайте здесь все записывается! На каких правах вы пользуетесь водой? Это не законно! И вообще надо еще проверить, была ли вообще по вашему адресу когда-то ли водоснабжение!

— Вы хотите сказать, и утверждаете, что на улице Гулаева, дважды героя Советского Союза! Героя Великой Отечественной войны у людей не было воды? — громко и разгневанным, но справедливым голосом говорю я и понимаю, что победил. Да, даже не я, а тот самый герой Гулаев в честь кого названа улица, на которой живу.

Она бледнеет, запинается.

— Я такого не говорила, -отвечает глупый юрист, и просто трусит, и дрожит.

Я выхожу и знаю, что меня больше не вызовут водоканал и у матери не отключат воду.

Я весь в приподнятом настроение. Это моя первая победа на свободе, она словно пьянит и так предстает, так воображается, что теперь все наладится и мама будет счастлива.

Через несколько дней Жигулин приглашает меня на день хутора. Казаки по-особому и особняком отмечали день образования своего родного уголка. Собирались все вместе варили шулюм, жарили рыбу. Жигулин старается, чтобы я больше сдружился молодыми казаками, мы вместе чистим картошку и ведем не торопливую беседу, собираем на стол. Не взирая на то, что я здесь с руки Атамана, на меня смотрят подозрительно и не все спешат записывать меня в свои друзья. И концу вечера я убеждаюсь, что, по сути, я чужд казакам и случайно здесь со своими бедами со своей матерью взрывом церкви и вообще.

За столом, говорят про всякое и, в частности, про военные действия на Донбассе и кто-то в сердцах восклицает:

— Не распяли бы Христа, не было никаких бы тогда войн на земле!

Я возражаю и цитирую Христа.

— Не думайте, что я принёс Вам мир, я принес Вам меч! И разделить, отца с сыном и дочерей с матерью.

Все замолкают и все взгляды устремляются на меня.

— Христос это велико вечная война, и из этой войны должна выйти истина! — отвечаю я всем собравшимся в гробовой тишине.

Какой-то молодой еще совсем безусый казак не может скрыть своего возмущения.

— Встань и уходи изо стола! — громко и с вызовом говорит подросток. Так и говорит и в его голосе я понимаю, что я что-то нарушил, вот именно ровное течение его веры.

Жигулин надо отдать ему должное, пытается нас померить, но я понимаю, что мне теперь с казачеством не по пути и тихо делая вид, продолжаю седеть, но вскоре собираюсь и навсегда, а может и нет, расстаюсь с казаками.

Я рассказываю Калашникову, что разошелся с казаками и больше не поеду к Жигулину.

Петя не удивляется, и говорит, что Петров завет нас к себе на выходные.

Петров мой старинный товарищ и гениальный программист, это без преувеличения, он сам рос без отца с матерью и бабушкой, на первый компьютер зарабатывал, работая с матерью на консервном заводе, когда еще был школьником и подростком. Потом с отличием закончил институт, собрал вокруг себя таких же таллиевых ребят делал сложные проекты, которые у него заказывали со всего мира. Женился, родился сын. Петр покупает дачу на Азовском море, счастливый вместе с женой обустраивает дом. С началом военными действиями на Донбассе с Петровым престают сотрудничать заграничные партнеры, но он не унывает, хорошо зарабатывает, работая программистом в крупной фирме. Но выходит так, что брак рушится, он расходиться с женой, оставляет бывшей семье квартеру и сам отшельником живет на даче, которая становится его домом.

Узнав о моем освобождении, приглашает меня и Петю погостить.

Лето, июль знаменитая Павло Очаковская коса. Я много лет не был на море и забываюсь, греясь на теплом песке. У Петрова прекрасный виноград и он делает вино. Вечером за накрытым столом мы выпиваем.

Петров рад, что я в хорошем расположение духа.

— Что дальше Артур? Какие у тебя планы? — спрашивает Петров.

— Все изменить!

— Здорова! — восклицает Калашников.

— Я много думал, — говорю я.- А если можно изменить все ни только для себя, а для всех.

— Если ты изменишь свою жизнь, то и сможешь изменить жизни других! — отвечает Петров.

Я молчу, достаю из пачки сигарету и закуриваю, вдруг радость и покой уходит, я понимаю, что на самом деле моя участь не завидна. Нет работы, дом разграблен, придет зима, а в доме матери, нет еще ни свет не газа.

— Слезинка ребенка, не стоит Нового Мира! — говорю я, затягиваясь и думая о Достоевском.

— Это вопрос нравственности! — отвечает Петров.

— Нет! Это вопрос больше и важней чем все разговоры. Достоевский всю жизнь вел разговор и правде! Я понимаю, и может так же не принимаю мира купленной слезами и горем! Но как говорил Родя, найдутся, родиться и придут такие кто станет завершителями человечества!

— Это не обратимый процесс эволюции! Все обновляется, но только до тех пор, пока окончательно не умрет, — отвечает Петров.

— А если нет! А если Достоевский просто не нашел способ, не нашел выход и просто заклеймил человечество! Или нет и еще более грандиозно! Достоевский знал, что способ есть, а как же иначе, если в своем завещание, в Братьях Карамазовых, герои говорят, что истинно воскреснем и весело и радостно расскажем друг другу все что было.

Петров смеётся.

— Так мы и так снова и снова приедаемся, и рассказываем друг другу, все что было. Пройдет сто лет, и кто-то будет рассказывать от твоей судьбе!

— Нет я не об этом! Должен быть способ, обратить все вспять по-новому, подчинить себе время, так, чтобы все поменять! Так, чтобы избежать ошибок!

— Тогда надо машину времени! — говорит Калашников.

— Да Петя, как в нашем с тобой любимом фильме, Назад в будущие!

— Это фантастика! — улыбается Петров.

— Только мне мало машины времени в привычном понимание это слова. Слишком мало пассажиров! Я хочу такую машину времени, в которой поместятся все, вся Земля! Ведь если эволюция всего, всей вселенной то и конец всему!

— Наверное, это невозможно! У всего есть начало и конец! — улыбаемся Петров.

— Нет ничего невозможного, есть только то, что находиться за пределами понимания, но если понять, то можно выйти за приделы! Это все равно, как бы я первобытному стал рассказывать про космический корабль! А если мы все, все человечество, смотрим не туда, мы хотим оторваться от земли и на ракете открыть во вселенной другие миры, когда надо превратить нас всех, всю планету в космический корабль, и не лететь на этом корабле к новым далям, а повернуть время вспять и обрести шанс на новую жизнь не в не планеты, а построить новое на земле.

— Это как?

— Есть способ! Не может не быть! У меня есть мечта, чтобы мы все встретились через миллиард лет, но в других предложенных мной обстоятельствах!

— Как?

— Скажем, так, чтобы Сталин закончил Духовную семинарию и стал патриархом, а Гитлера взяли в художественную академию! А я не взрывал церковь! Или ты Петя не расстался бы с женой и воспитывал сына! Или может быть Христа не распяли бы!

— За это надо выпить! — радуется Калашников и разливает по бокалам вино.

Звезды на небе сияют как никогда ярко, я улыбаюсь звездам и мысленно говорю со звездами.

— Я не полечу к Вам, я найду способ взять вас всех вместе собой! — горю я звездам и засыпаю не пьяный от вина, а опьянённый своей мечтой.

На следующий день Петров отвозит нас домой. Я не вижу ничего другого как действовать и выбираю самый, как мне кажется, верный способ заняться литературой. С девства я пишу и свой первый роман я написал в шестнадцать лет, потом посчитав его драным без сожаления сжег. И я в телефоне начинаю писать рассказы, и размещать их в интернете. Отзывы хорошие. Берусь за повести, надеясь с помощью моего труда и таланта заработать деньги и встретить зиму с газом и светом. Пишу О Блокадном Ленинграде и Холокосте. Неделями я не выхожу из дома, мать беспокоится.

— Погулял бы! Познакомился бы с девушкой! — говорит мама, она мечтает, чтобы у меня была семья.

— Хорошо! — отвечаю я. И просто начинаю выходить из дома без надежды и вообще без намерений с кем-нибудь познакомиться. Сам думаю какие могут быть знакомства, мы с матерью не доедаем, отказываем себе во всем и пока живем на пенсию мамы.

Я без цельно, просто склоняюсь по улицам и в голове только одно, новые картины произведений. И как-то из таких прогулок меня окрикивает женский голос.

— Артур! — раздается у меня над ухом, когда я брожу по улице и не обращаю ни на кого внимания.

Я поднимаю глаза. Мне улыбается Людмила Христова. Людмила на много старше меня, но этого как будто и не заметно. Она стройна и улыбается как молодая девушка и выглядит на двадцать лет моложе своих лет. У Людмилы огненные рыжие волосы и коса до самого пояса. Людмила вот так просто берет меня за руку.

— Какая встреча! — радостно восклицает Людмила. — Здравствуй Артур!

Глаза Людмилы горят задором и радостью. Искренность передается моему сердцу, и я улыбаюсь в ответ.

Людмила моя старинная приятельница, она не знала о моих злоключениях, как и многие мои знакомые. Буквально единицы моих бывших знакомых знали про церковь, про тюрьму и больницу и когда меня встречали по прошествию пять лет просто, думали, что нас с ними разбросала жизнь, да просто так не виделись так как бывает в жизни.

— Где пропадал?

Я, как-то запинаясь и не сразу говорю, что попал в тюрьму заступившись за мать.

Людмила не верит своим ушам и немного ошарашена.

— Как Маша? — спрашиваю я о дочери Людмилы, с которой мы были ровесники.

Вдруг Людмила опускает глаза, бледнеет и становиться нервной.

— Она в больнице!

— Что случилось?

— В Кавалевке! — тихо отвечает Людмила, чтобы никто кроме меня не слышал.

В проклятой Ковалевке только одна больница, психиатрическая и я молчу в ответ и больше ничего не спрашиваю.

Мы обмениваемся телефонами, и Людмила приглашает меня к себе в гости.

Дома матери я говорю, что встретил старую знакомую и она меня приглашает к себе домой.

— Вот возьми! — говорит мама и дает мне небольшую сумму денег. Она это делает сама без моих просьб.

Я смущаюсь.

— Это не свидание! — отвечаю я.

— Все равно! Не с пустыми же руками! — отвечает мама, и я вижу, что она рада.

Чтобы не огорчать ее, я беру деньги и покупаю самый недорогой и простой букет цветов и отчего то на оставшиеся деньги беру мороженное. То самое пломбир и эскимо, о которых думал и мысленно ел в одиночке в тюрьме. Мне вот так просто захотелось после всего именно мороженного, и чтобы было его с кем разделить.

Людмила живет, на десятом этаже десятиэтажного дома, словно как та принцесса в башне, которую стережет дракон, только если пресловутую принцессу из башни охраняет чудовище, Людмилу стерегла и не отпускала грусть и мысли о будущем. Но она старается не показывать этого.

Двухкомнатная уютная квартера в одной, из комнат которой я вижу шведскую лестницу, брусья так как для ребенка.

Людмила опережает меня с вопросами и говорит, что это для внучки.

— Маша замужем? — спрашиваю я.

— Развелась! Внучку воспитывает бывший муж, — горько говорит Людмила.

И я понимаю без лишних слов, что Маша в больнице скорее всего по причине развода и того, что разлучена с дочкой.

Мне вдруг становится горько и именно от того, что я снова в мире несправедливости и у каждого из нас свои беды и хлопоты, как бы мы все не старались и не верили бы в чудо.

Но ведь у меня было с собой морожено!

Людмила улыбается цветам и особенно мороженному, словно и правда это свидание и нам по семнадцать лет. Как-то все уходит на задний план. Людмила не спрашивает о тюрьме, я о дочери. Мы смеёмся едим мороженное, слушаем музыку и не замечаем, как оказываемся в объятьях друг друга.

Я не спал с женщиной пять лет и честно отвык, и забыл, что такое близость, я спешу, меня охватывает страсть. Я в жадном предвкушение, как можно скорей пытаюсь раздеть Людмилу. Людмила забрасывает голову назад расплываясь в улыбке так словно и вправду ей семнадцать и пытается меня сдержать, и целует, но от этого я полностью теряю контроль и вот уже мы обнажены. Я восхищаюсь, тело Люды гибкое и подтянутое как у девушки. И вот мы сливаемся в единое целое, дрожим и сладостно стонем как давние любовники, которые

мучились и не виделись, и не были вместе долгие месяцы.

Всю ночь мы неудержимы и снова, и снова покрываем друг друга поцелуями и словно все горькое и гадкое в жизни отступает, проваливается и мы каждый по-своему, но вместе забываем обо все плохом и обнявшись, сроднившись как самые близкие люди засыпаем изможденные, но счастливые.

Расстаёмся целуясь.

— Завтра я забираю Машу! — говорит Людмила. — Обязательно приходи.

— Хорошо, — отвечаю я и смущаюсь.

Я грустно возвращаюсь домой и идя по безлюдной утреней улице я не испытываю восторг от прошедшей близости, я понимаю, что я словно ее оплакиваю, то, что было прекрасно, и больше не повториться больше никогда именно, та минута, когда словно и не было ничего за спиной, тех лет, что прошли в тюрьме и больнице. Что новый день разобьёт весь покой. И горькие будни обрушаться на вас с новой силой. Я это знаю и когда прихожу наследующий день за стаю Людмилу нервной. Маша действительно больна именно, что не психически, а душевной раной, не заживающей болью. Она криво улыбается словно с последних сил. И без того хрупкая и ранимая, говорит о дочери, о том, что бывший муж разрешил и они встретятся с дочерью, что она сейчас за ней пойдет.

Бывший муж Маши не тиран и в принципе неплохой человек, но отчего то в контрах с Людмилой и строго контролирует общение внучки с бабушкой. Это самая большая трагедия в жизни Людмилы. И все меркнет. Людмила именно просит меня не уходить, а отправиться за внучкой всем вместе. Именно так, Людмила отчего то представляет меня словно своим мужчиной, но именно так словно, бывший муж дочери увидел нас всех вместе, именно так, что вот в их семье есть мужчина. Именно как защитник и опора. Но я не могу быть той опорой для этих двух бедных женщин, той самой поддержкой которой хочет видеть женщина в мужчине по причине своего бедственного положения. И отказываюсь идти, потому что не имею права давать несбыточных надежд.

Через несколько дней Людмила звонит и сообщает, что Маша снова в больнице.

— Артур приди сегодня к шести вечера! — просит Людмила.

Я молчу и долго не отвечаю. Я не пойду независима какая причина. Я не пойду, хотя мог и отчасти желал, но именно что, может быть, желал близости, но именно счастья, которое помахала мне рукой и даже коснулось моего плеча и

несчастной души, но я знал, что это было единожды и больше не повториться. И сделается только хуже. Да и причина просьбы Людмилы может быть только в одном в внучке.

Я уже на перед знаю ответ, но спрашиваю за чем. И Людмила говорит, то, о чем я и так понимал, надо идти и разговаривать с бывшим мужем Маши, чтобы тот дал свое согласие для свидания дочки с бабушкой.

Я отвечаю, что не приду, отключаю телефон и всю ночь мучаю себя, тем, что имел ли я права прийти и требовать. Я понимаю, что может и должен был пойти пусть и без надежды, но не имел права. Может быть позже, когда бы я встал крепко на ноги в других обстоятельствах. Если все можно было бы изменить, подчинить себе время. Время, проклятое время, что подчиняет себе все и все деформирует и как подчинить себе время и повернуть время вспять, так словно я муж Маши, а Людмила счастливая бабушка.

Я так и не заснул и рано утром был разбужен стуком в окно и веселым, но твердым голосом:

— Олейников подъем!

Это мог быть только Паша Васильев. Так оно и было.

Я подскочил с постели и понесся открывать.

Павел стоял и держал увесистые пакеты с продуктами. Я не знаю, как он догадался купить продукты, словно лучше других зная, что по освобождению меня ждет не сладкая жизнь и мы с матерью нуждаемся. По-военному он прошел в дом, поздоровался с матерью.

— Принимай хозяйка! — сказал Павел и поставил продукты перед изумленной матерью.

Прошел все комнаты, осмотрел разруху и выругался:

— Сволочи!

— Бриться! Форма одежды парадная! — сказал Павел.

Я без вопросов принялся исполнять.

Павел приехал на машине. Мы сели, и Павел словно это был самолет понесся по улицам, так что у меня прихватило дух.

Летчик шутил и так все представлял, что теперь все в моей жизни поменяется.

Мы немного покатались и поехали к Павлу на квартеру, сам он жил с матерью в частном доме, но его семья еще имела квартеру в нашей знаменитой Аксайской семнадцатиэтажке. Павел был прежде женат имел двух сыновей. Квартера была на втором этаже. Большая и просторная, прямо на пороге, Павел открыл шкаф, достал фирменную зимнею куртку моего размера и дал мне.

— Зима не за горами! Утепляйся курсант!

Он так и сказал курсант, словно я стал его подопечным и теперь он будет за мной присматривать.

— Кофе пьешь?

— Можно!

— Нужно! — ответил Павел и провел меня на кухню.

Достал банку с растворимым кофе, две кружки.

— Сколько ложек?

— Одну!

— Слабак! — улыбнулся Васильев и насыпал мне одну чайную ложку, а себе прямо две столовые ложки с горой на кружку.

Я испугался.

— Павел не много?

— В самый раз! Пока мать не видит! Теперь отчет о проделанной работе? Что сделал?

— Пока только забор и воду!

— Но это уже хорошо! Даже очень! Планы?

— Я пишу!

— Что пишешь? — не понял летчик.

— Книги! Уже несколько издал! В интернете!

— Проверим! Читай! — сказал Павел сел стал пить кофе.

— Как? — растерялся я.

— Ну в интернете же, доставай телефон и читай.

— Прям так и читать?

— Да! Я же должен знать если толк!

— Хорошо, — ответил я достал телефон зашел в интернет и стал читать один из моих рассказов.

Павел слушал внимательно и когда я закончил попросил прочесть еще один рассказ.

И когда я закончил на его лице выразилось приятное удивление. Немного помолчав, он стал внимательно смотреть на мой старый телефон совсем уж древней модели.

— Как аппаратура не подводит? Памяти хватает? Как работает интернет?

— Не хватает, — честно и грустно признался я.

— Это поможем! Поехали!

— Куда?

— За новым телефоном! Что- то мне подсказывает, что толк будет!

Здесь Павел снова замолчал и вдруг меня обнял и сказал, что я запомнил на всю жизнь:

— Ты только не гордись!

— Хорошо! — пообещал я и мы поехали за новым телефоном.

По дороге Павел заехал и купил бутылку коньяка, пошутив, что если я откажусь пить не какого телефона не будет и вообще встречу надо отметить.

— Будем пить и ты станешь мне читать свои рассказы!

Мы купили мне новый телефон и оба в приподнятом настроение приехали снова на квартеру.

Прежде чем сесть за стол, Павел снова пил крепчайший кофе, чем вызвал мое беспокойства.

Мы пили коньяк, я читал рассказы. Павел радовался. Бутылка кончилась, и Павел сказал, что надо взять еще. Я отговаривал, но он настаивал. Пошли и купили

еще.

Больше я не читал. Павел стал рассказывать о своей службе, о любви к небу и как он был преподавателям. О курсантах и товарищах, все больше с грустью. Я содрогался не понимая, как Павла могли отправить в сумасшедший дом. О том, что какая несправедливость, что Павел не в небе и разгадав его душевную рану мы в один вечер стали друзьями.

Перед расставанием Павел меня озадачил и навсегда оставил в моей душе след. Летчик обнял меня у двери и сказал горько, но и как бы с надеждой.

— Мы с тобой одни! Ты и я! Только ты и я!

Я возвращался домой и только думал об этих словах.

Наследующий день я не выдержал и первый позвонил Павлу.

— Паша! Здравствуй! Как ты себя чувствуешь? — первый сказал я, не дожидаясь голоса Павла.

— Папа умер! — траурно раздался в телефоне незнакомый мне голос.

— Как умер! — ужаснулся я.

— Сегодня! Сердечный приступ! Завтра похороны! Если можете к десяти приходите к моргу.

Павлу было сорок четыре года, со всей страны на похороны прилетели товарищи Павла военные летчики. На могиле, кто-то сказал речь. Было паршиво, все летчики, друзья понимали, что убили Павла ни коньяк и ни крепкий кофе, а равнодушие, безучастность и приговор, что вроде как сумасшедший. Но было ясно без слов, что не Павел сошел с ума, а жизнь и несправедливость свели с летчиком счеты.

Глава тринадцатая

Снова и снова у меня не выходит из головы последние слова Павла о том, что мы с ним одни, только я и только он. Я не выдерживаю и еду на могилу друга.

Я помню, что в детстве, когда оказывался на кладбище как может быть многие, только и делал, что считал годы жизни усопших. Вел страшный счет, что родился и когда умер и сколько прожил человек лет. Теперь я не придавал смысл дате рождения и дню смерти, я вдруг представил, так делалось на

каждом шагу, что вот этот может любил, так как никто в жизни, а вон тот старик может был домашним тираном, а вот совсем еще девочка подросток, наверное, похоронена в белом платье словно невеста. Другой был пьяницей, а другой не притрагивался к спиртному за всю свою длинную жизнь. Но все они по-своему страдали и мучились, любили, когда были счастливы, а когда проклинали весь мир, но первостепенно были живыми, а теперь только безмолвно смотрели, навсегда застынув на портретах памятников.

Я стаю у могилы Павла, достаю из пачки две сигареты, подкуриваю обе и одну ложу Павлу, так как словно он попросил. Я не завожу мысленно с Павлом разговор, мне кажется мы просто хотим помолчать, и я растворяюсь в кладбищенской тишине, словно вдруг и сам здесь умер и покойник, но я жив. Сигарета кончается и в руке остается бычок, я смотрю по сторонам, не могу себе позволить вот так взять и бросить у могил окурок, прячу его в карман, еще раз оглядываюсь, просто невзначай всматриваюсь в кресты и могилы и меня словно бьет молния, так словно меня убивает, но только на миг. На меня с портрета смотрит Людмила. Я отказываюсь верить, но дрожащим голосом в слух читаю имя на совсем еще свежей могиле. Людмила Христова.

Я закрываю в испуге глаза, не верю и снова смотрю. Да так и есть Люда. Ошарашенный, не видя ничего вокруг я ухожу или бегу с кладбища прочь. В голове только одна мысль, как почему, как это может быть. Последний раз я слышал голос Людмилы всего две недели назад. Она была живой и звала к себе.

Я машинально, выхожу на остановке, где жила Люда и иду к ее дому и думаю о Маши, мне видится, что она может быть дома, что ее выписали из больнице, на похороны матери. Так и есть, в домофон я слышу голос Маши.

— Это Артур, — говорю я.

Мне открывают.

Я нахожу Машу не одну. С ней дочка и молодой человек. Но я понимаю, что это не бывший муж. Ребенок к нему недоброжелателен, пытается его ударить и вообще видно, что не любит.

Маша рассказывает, что это ее парень, что познакомились в больнице. Я смотрю на него, совсем еще молодой младше Маши, весь словно на шарнирах, отбивается от ребенка, видеть меня не рад и вообще.

— У Мамы был рак! — Она сгорела за считаные дни! — рассказывает Маша. — Вот муж, разрешил взять дочку! — говорит счастлива Маша.

Я понимаю, почему. Может потому, что умерла мать, а может, потому что у Маши теперь есть молодой человек.

Мы обмениваемся телефонами и обещаем друг другу поддерживать связь.

Я возвращаюсь домой подавленный, отчего виню себя в смерти Людмилы и представляю себе если тогда я пришел, он не умерла бы, не заболела бы.

Я замыкаюсь в себе, но продолжаю писать. Я верю, что надежды Павла не пропадут, и через литературу у меня получиться добиться для себя и матери хоть грамм уважение и выбраться из нищеты. Я понимаю, что писать надо только о чем-то значительном, чтобы это было важно для всех.

Через несколько дней раздается стук в окно.

— Тук-тук! — кричит за окном чей-то голос.

Я узнаю этот голос, он знаком мне с самого детства. Это Саша Морячок, старинный друг моей матери и моего отчима. Он старший помощник капитана, и много лет ходит в плаванье в море, от суда и прозвище. Саша вернулся из длительного рейса, полгода не был дома и как только пришел на сушу и узнал, что я освободился сразу пришел. Саша сидел в тюрьме в подозрении в совершение страшного преступления, группового изнасилования и убийства, но он был невиновен, что доказал суд. В тюрьме он проявил характер и жесткость, стал блатным, но выйдя из тюрьмы на свободу, не стал криминальным авторитетом, отошел от приступного мира, учился и связал свою жизнь с морем. Но его все равно знали и уважали. Он знал я совершил преступление и преступник, но Саша именно верил, надеялся и отчего то знал, что у меня должен был быть другой путь, что я должен реабилитироваться, восстановить свои права и жить по-человечески, так как однажды поступил он.

— Мальчик! — улыбается Саша, обнимает меня как близкого друга.

В руках у Саши увесистый пакет.

Я прошу закурить и сетую на то, что кончились сигареты, что много писал.

— А я знал! — радуется Саша и достает, и вручает мне целый блок.

— Травись на здоровье! — Только с пользой! — говорит Саша.

Саша долгое время не знал об моей судьбе и когда ему рассказали не поверил, даже разозлился. Саша верующий человек, но когда узнал, что за мать, простил меня и дал себе слово прийти.

В полутемнотой комнате освещенной свечкой мы пьем разливное шампанское. Вспоминаем прошлое и моего отчима, друга детства Саши.

— Пастух пришел с фронта! — рассказывает Саша. -После ранения, в отпуск!

— Виделись? — спрашиваю я.

— Нет, — сердито отвечает Морячок. — Мы уже с ним как год не разговариваем хоть и живем в соседних подъездах.

— Поссорились?

— Я с ним не ругался! Я сказал, правду, честно. Сказал, что твой брат поступает бесчестно по отношению к тебе.

— Не надо было Саша! — грустно отвечаю я. — Брат нив ем не виноват.

— Ты был у Бабушке Нади?

— Был!

— Номер телефона оставил?

— Да!

— Что хотел? О чем мечтал?

— Ты знаешь!

— Да знаю, чтобы брат позвонил!

— Да.

— Он позвонил?

— Нет!

— И никогда не позвонит!

— Да.

— Но раз ведь так можно? Он крепко стоит на ногах, живет в достатке.

— Он добился всего сам! — отвечаю я.

— Это неважно! Ты его не бросил, когда Ларису посадили. Не отвернулся, не предал, не ушел.

— Брат не придавал! — отвечаю.

— Ах ему неудобно! Помеха карьеры! Брат уголовник! Церковь взрывал!

— Да! Может быть и не потому что церковь взрывал!

— А почему?

— Потому что за мать!

— Да он ненавидит Ларису! Но она мать!

— Я не хочу об этом говорить.

— Но она мать ему или нет? — злится Саша.

— Мать! — горько отвечаю я.

— Вот поэтому и бесчестно. Несправедливо в двойне.

Саша уходит и при расставание просит меня, что, если придет Пастух, мой отчим, сказать ему, что он хочет с ним встретиться и поговорить.

Я думал об брате и вспоминал нашу последнею встречу.

Разве и правду и на самом деле не любил Александр нашу бедную мать? — думал я тогда, когда шел к младшему брату. Я хотел рассказать, какая несправедливость и подлость приключилась, как обидели родного и близкого человека. — Нет не мог, чтобы совсем не любить! Но считает, что она его предала».

Рос он болезненным мальчикам, рано стал читать и с горечью и обидою смотрел, как в школу приходят мамы.

— А это вот моя мама! А это моя! Саша, а когда придет твоя мама? — спрашивали дети и Саша плакал по ночам

И вроде как мама у него появилась. После развода его отец женился на новой жене и маленький Саша, сразу с налету всем сердце прилепился к женщине появившийся в их доме. Они развелись через два года. И снова предали, и снова оставили. И только я, каждый раз самого момента, как только нас разлучили, приходил к Саше, приносил шоколадку. Сам не ел, но нес брату, собирал, и откладывал, деньги, чтобы купить, брату подарок на день рожденье. Когда вырос и стали появляться деньги всегда, давал, а главное я старался сердцем дружить с младшим братом. Водил его, то в музей то в кино, то мудрую книжку

покажу, расскажу о Достоевском, то фильм серьезный принесу. Саша сочинял стихи и много читал: Достоевский, Данте, Фрейд, он словно все время искал ответ, почему его бросила мать. Но ответ так и не находился. А ответ настолько был простым, что не у Данте не даже у Фреда он не открывался. И молодой человек, сердился. Не признавался себе, но, то было так. Однажды я и во все нашел у него книгу Адольфа Гитлера «Моя борьба» и насторожился. Саша отмахнулся, что мол, для общего развития. С возрастом, когда Саша вырос, когда цитировал Достоевского, когда плакал над горькой судьбой князя Мишкина, я по-тихому, чтобы не спугнуть, стал, заговаривать с Александром о матери. Но каждое слово, любое, то маленькое слово было или большое выводили молодого человека из себя. Он менялся в лице. И однажды из-за злобы и обиды на мать прямо в лицо сказал мне брату горькое.

— Не родной ты мой брад, сводный!

Я отвел глаза и не показал, как ранил меня брат, все ровно как в сердце ножом. Больше Александр не любил князя Мышкина и не плакал над его страшной долей. Дорогая модная одежда, красивые аксессуары и высшие образование.

Александр встретил меня холодного, словно догадался, что снова стану говорить о нашей матери. Он совсем переменился. Худой так и оставшись болезненным, Александр мазался сотнею кремами, и довил ненавистные прыщи, которые так не шли с его дорогою одеждою, с его блестящим и дорогим образованием.

— Здравствуй брат! — сказал я.

— Привет!

— Как дела твои брат?

— Хорошо!

— Как учеба?

— Хорошо!

— Ты надолго я скоро ухожу? Дела! — и Александр состроил что-то вроде улыбки.

Я опустил голову потом поднял глаза и вдруг увидел, чего и не замечал, прежде, а может того прежде и не было. Вся стена над кроватью Александра была завешена образами. В центре большое распятие.

— Так ты веруешь брат? — вырвалось у меня.

— Верую! — решительно ответил брат, даже где-то разозлился в том, что старший брат сомневается.

— В чем же вера твоя? — еще тише спросил я.

— Верую в Господа нашего, верую в Иисуса Христа, верую, что Он сын Господа нашего! — ответил Александр как на экзамене, словно вычитал из какой-то книги. И вот теперь отвечает и значит, все, верует.

— Нашу мать больно обидели в церкви!

— Значит, сама виновата! Бог наказал за грехи!

— В чем и велики ли ее грехи?

— А то сам не знаешь?

— Выходит, вера твоя худа, если так считаешь!

— Не тебе решать! — спрыснул Саша.

— А я верую, — еще тише, чем прежде ответил я. — Что если Господь есть, он вразумит тебя, или даст, откроет мне силы, открыть, тебе глаза.

Александр криво улыбнулся.

— Мне надо идти.

— Иди! — ответил я и с силой добавил. — Верую, если вместе будем идти, то дойдем. Прощай брат! И верую, что однажды мы с тобой свидимся, и все будет иначе как тогда, когда мы были детьми, когда я к тебе шел, а ты ждал меня во дворе и когда видел меня бежал ко мне на встречу и наши сердца… И мы обнимались!

Все годы, проведенные в неволи, я думал как встречу брата, но он выучился и ухал жить в Санкт Петербург. Целеустремленный и злой, добился много и не хотел меня больше видеть, словно так, что я во всем один виноват, и я сам предал его, когда не стал успешным и он не мог теперь мной гордиться. И единственно от кого мы с матерью узнавали о его судьбе и жизни был отчим. Он так может быть и не разлюбил мою мать, что-то осталось, пусть это было и на донышке души.

Отчим приходил редко и кричал под окном:

— Олейникова!

Когда мать носила его фамилию Пастушенко.

Они вместе выпивали и вспоминали молодость, когда любили и казалось, что времени не подвластно все разрушить. Я любил его все равно как родного отца. Первые часы в жизни мне подарил отчем в семь лет. Это были модные Монтана, Саша привез их с армии, где служил военным мороком и ходил за кордон.

После росписи в загсе за накрытым столом я спросил:

— Можно я буду называть Вас папой?

Все смутились.

— Конечно можно! Сын! — ответил отчим и я радостный поверил в счастье и теперь ждал его с нетерпением.

Отчим пришел через неделю и как всегда под окном раздалось:

— Олейникова!

Отчим похудел на двадцать с лишним килограмм и хромал, подорвавшись на мине, чудом спасся и теперь отмечал свое возращения с того света.

Отчим не рассказывал о военных действиях, не клеймил врага, не ругал за ошибки и просчёты командования, не оплакивал однополчан. Это было, что-то другое. И я это понял. Пастух, ходил по всем знакомым накрывал столы, давал крупные деньги, и всем своим видом, хотел знать, как его встретят, что скажут, ждали ли его, одобряли ли его поступок? Его волновала, именно как его жизнь сложится в мирное время и кем он представал в лице всех, кого знал.

Это была во всех отношениях радостная и необыкновенная встреча.

У брата родилась дочь.

Мать плакала.

Саша разливал коньяк.

— Дура Олейникова! — говорил отчим.- Радоваться надо!

— Я радуюсь!

— А что тогда ревешь?

— Я никогда не увижу свою внучку! — еще сильней зарыдала мать.

— Чепуха! — отмахивается отчим. -Важно то, что родилась!

— Да, — успокаивается мать, уходит в свою комнату и снова раздается плачь.

— Морячок приходил! — говорю я. — Хочет с тобой встретиться и поговорить.

— Я не хочу его видеть!

— Почему?

— Он оскорбил моего сына!

— Чем? Что он забыл про меня?

— Это ваше личное дело. Я не лезу. Вы братья и должны сами решать. Морячок оскорбил даже не Сашу, а меня, сказав о моем сыне худое.

— Ну набей ему морду! — улыбаюсь я.

— Нет!

— Тогда почему просто не сказал, что он не прав?

— Не знаю! Может еще и скажу!

— Так помиритесь?

— Может и помиримся! Как ни как друзья детства!

— Когда?

— Когда вернусь!

— Когда на фронт?

— Уже скоро! Пару недель осталось отпуска. Ты, что собираешься делать?

— Книгу пишу!

Отчим без просьбы достает десять тысяч, протягивает мне.

— Возьми! На книжку!

— Спасибо, — отвечаю я и беру деньги.

Через три недели звонит Морячок.

— Пастух погиб! — Приехал брат! Ходил военкомат. Тело Пастуха уже в Ростовое!

— Сообщи, когда похороны! Я обязательно должен увидеть брата!

— Да я тоже так думаю.

Я, словно как бы и не потрясён случившимся, словно смерть прописалась в моей жизни и теперь только поминки главные мои праздники. Но я считаю, что должен разделить с братом горе. И вообще. Но на похороны я не попадаю. Хоронят в спешки, и никто почти не знает. Я узнаю только наследующий день после похорон, брат уехал и теперь скорее всего мы никогда не увидимся, это ранит меня, спасения только в одном в работе.

За месяц я растрачиваю пять тысяч на сигареты, чай и шоколад с которыми никогда не расстаюсь во время своей литературной деятельности и пишу сразу две повести. Пять тысяч берегу.

В свободное от работы время, я каждый раз пытаюсь позвонить Маши и узнать о ее делах. И поначалу все как бы хорошо. Маша радуется, но в одном из разговоров горит:

— Я почти не сплю! Нервная, все валится из рук!

— Маша, надо пить лекарство! Обязательно! Лекарство — это не приговор, а жизненно важная необходимость, — говорю я и убеждаю Машу идти к районному психиатру Анне Осиповны и зять рецепт. Маша соглашается и говорит, что завтра пойдет. Я успокаиваюсь.

А наследующий день словно проклятье, звонит Калашников.

— Маша Христова, -выбросилась с окна и насмерть разбилась, — говорит Петя траурным голосом.

Я потрясён, я думал к смерти можно привыкнуть, но нет, проклятая старуха с клюкой не щадит никого.

Я не иду на похороны, просто потому что так вот считайте, что в отместку смерти. Я не дам и не хочу этой сволочи смерти, наслаждаться моим горем, когда я зарыдаю над Машиным гробом, и тихо, плачу накрывшись с головой одеялом, чтобы не слышала мать.

Чтобы хоть как бы отвлечься, от потрясения, я еду на Маныч, в надежде застать москвичей. Открылся сезон охоты, и ребята, Бабский Сергей с Алексеем должны

приехать в Тузлуки. Благо у меня есть на проезд, и я сохранил пять тысяч.

Тузлуки встречают меня осеннем пронизывающем холодом и дождём, все кажется вымерло, москвичей нет, и я иду к Вове Дикому.

Диков как бы и рад моему приезду, но в тоже время настороже, в Тузлуках я всегда устраиваю сюрпризы, все равно как засланный казачек, только с той разницей, что к Вове посылает меня не враг, а судьба.

Диков накрывает на стол, мы закусываем и выпиваем.

— Когда приедут москвичи? — спрашиваю я.

— В этом году не приедут!

— А почему? Что случилось?

— Умер Бабанский!

— Как так? — восклицаю я и ставлю наполненную рюмку сводкой обратно на стол.

— Ты что же не знал? — удивляется Диков.

— Нет не знал!

— Сердечный приступ, инфаркт, пошел бриться и приступ, жена нашла мертвого.

— Ты был на похоронах?

— Да все были!

— Где хоронили?

— На Родине, в Заполстном!

Я молчу и отказываюсь верить. Сережа словно живой перестаёт перед моими глазами. Живой, веселый, умный может самый необыкновенный из тех, кто когда-либо приходил мне на помощь.

Мы пьем не чокаясь и поминаем Сережу. А потом я напиваюсь, чтобы забыться, но Диков как бы меня отрезвляет.

— Путин приезжал! Два раза! — говорит сияя Диков.

— Куда?

— К нам в Тузлуки!

— Виделись?

— Нет! Но у меня телефон начальника безопасности Путина.

— Зачем?

Диков смеётся.

— По твою душу Мальчик! Чтобы ты в следующий раз если, что решишь взрывать никого не подговаривал на революцию!

— Я никого не подговаривал!

— А апельсин? — улыбается Диков.

— Ах да Апельсин!

— Да партия Апельсин! Ты же не я предлагал Бабанскому стать президентом! Вот он тебе и помогал!

— Когда?

— Не знаю когда, тогда, когда ты церковь взрывал и тебя не посадили!

— Меня посадили в тюрьму!

— Я имею ввиду не отправили в лагерь на зону.

— Если Сергей и помогал, но не раде меня, и тем более не раде, того, чтобы стать президентом. Помогал иза матери!

— Пусть так! Но ведь помогал.

— А кто на даче у москвичей? Видел свет горит!

— Охрана Путина!

— Хорошо! Я пойду пройдусь!

— Уезжай Мальчик! — говорит Диков.

Я собираюсь и ухожу, по дороге крошечный ларек, я знаю, что там работает знакомая мне девушка, она когда-то мне нравилась. Я захожу и здороваюсь.

— Мороженное! — прошу я.

Она достаёт из холодильника эскимо и протягивает мне.

Я оплачиваю.

— Это тебе! — говорю я.

— Спасибо! — отвечает она и улыбается.

— Спички и нитки!

— Пожалуйста! — говорит продавец.

— Четыре коробки спичек, — прошу я.

Она дает все что я попросил. Я расплачиваюсь и на ее глазах и камеры, установленной в ларьке, начинаю нитками скреплять коробки спичек. От чего-то мне представляется, что Бабанский не мог взять и так спроста умереть и я решаю, подпалить, только не зная чей дом. Может Дикова, может охрану Путина или всех вместе.

Я выхожу из ларька стою и думаю, вспоминаю мать, достаю свой взрыв пакет, разматываю и выкидываю, но уже поздно к ларьку подъезжает армейский узик. Из него выходят троя. Самый крепкий, на голову выше меня, быстрым шагом, направляется ко мне. Я понимаю, что пред домной военный человек, могучий и сильный. Я стою смирно, жду разъяснений. Но без единого слова и предупреждения, он начинает меня убивать, вот именно, что мастерство этого человека, заключается в том, что если он не убьёт, то покалечит. Он бьёт мастерски, страшной силой и беспощадно, ногой мне в голову. И вот я вам заявляю, я умер, вот действительно, на секунду все абсолютно престала существовать, не знаю как, но я продолжаю стоять на ногах и через секунду смерти я снова живой, словно смерть, сказала, что еще не время.

Мой смертельный оппонент удивляется, наверное, такого с ним никогда не случалось, и поразительно он больше не бьет развернчивается и уходит.

Я окрикивают своего вестника смерти

— Ты шел меня убивать! Но ведь же я стоял, почему не обратился. Не разъяснил, не выяснил?

И вот что предо мной военный человек. Он понимает, что я прав и отвечает раздражённо.

— Кому ты приехал?

— К Вове Дикому! — отвечаю я.

— Ну так и иди к Дикому!

Я армейским шагом с левой ноги как нив чем небывало зашагал.

И необычное, тот кто хотел и должен был меня убить. Весело смеётся, вот искренни по-дружески и кричит мне вслед:

— В следующий раз я выстрелю тебе в пятку!

Я ничего не отвечаю, и думаю, в следующий раз я бы лучше выпил с тобой водки.

Диков недоволен, что я вернулся и когда услышал, что у меня произошел конфликт, просит уйти из его дома.

— Может быть я приезжал к тебе как к отцу! — отвечаю я и ухожу.

Диков меня окрикивает:

— У тебя этих отцов сто штук подряд! Мальчик, чертов сын полка!

Да так оно и есть, я все рано, что сын полка и в каждом встречном мной необыкновенном я вижу или хочу видеть своего отца, которого у меня никогда не было, может так и никогда не будет.

Исстрочив все деньги на разъезды, я возвращаюсь домой. Где меня ждет нищета и разруха, больная мать и подкрадывающиеся зима, которую я буду встречать без отопления и света. Какое-то время, я еще продолжаю писать и принимаю попытки опубликовать свои произведения, чтобы хоть что-то заработать. Но ни черта не выходит, не нужен никому истории о Холокосте и Блокадном Ленинграде. И про Донбасс не нужно, может и нужно, но только не от Олейникова. Наступает зима и мать снова становится на паперти церкви. Просит милостыню в церкви в которой меня крестили и которую я хотел пустить на воздух.

Для меня это невыносимо, может я и могу и вроде как мне не откажут знакомые и друзья в не больших сумах, но это я все равно приравниваю как к милостыне и не кому не обращаюсь за помощью. В один из дней я набрасываюсь на мать.

— Не ходи в эту проклятую церковь! — кричу я на мать.

Мать плачет:

— Если бы не церковь я бы умерла бы с голоду!

— Ну может так и надо! И я вместе с тобой! Я запрещаю тебе туда больше ходить! И брать у них деньги!

— Я не у них беру! — плачет мать. -Я у Христа прошу! Христом, мне подает! Ни люди! Через Христа и церковь его!

Я понимаю, что мама права, но все ровно запрещаю и лучше готов принять смерть.

Мать рыдает и выбегает на улицу, бежит и плачет, падает. Я пытаюсь ее вернуть, кричу и выхожу из себя, кто-то вызывает полицию. Увидев полицейских, я возвращаюсь в дом, баррикадирую комнаты, решив не сдаваться без боя.

Вызывают еще один наряд, за ним третий. В окнах нет стекол, они забиты досками и черной пленкой. Пленку срывают, ломают доски, со всех окон пускают газ. Я задыхаюсь, слепну. Вслепую, я начинаю сопротивление, бросая все что не попадет под руку В полицейских.

— Сдавайся Олейников! — кричат мне. — Выходи!

Но я уже не могу выйти так как все проходы между комнат мной забаррикадированы. Я сам выламываю одно из окон и оказываюсь на улице. Полицейские трусливо бросаются в рассыпную. Я не знаю куда мне бежать и почему-то бегу на почту. За мной устремляется погоня из шести человек. На почте безлюдно и я, по сути, в ловушке. Меня жестоко избивают, по лицу идет кровь. Из последних сил я пытаюсь и сопротивляюсь, и не даю надеть наручнике, но силы не равны. Кто-то распоряжается везти меня с начало в Аксайскую районную больницу, там мне накладывают швы на рану и меня не везут в отдел, а прямиком отправляют в Новочеркасскую психиатрическую больницу. Привозят и предают в руки больным, которые безжалостно меня скручивают и привязывают грязной железной шконки.

Я бьюсь в истерике и в бреду говорю о матери, о ее судьбе и мне дают пить и пытаются успокоить, мне делают укол, чтобы я скорей стих. Я засыпаю. На следующие утро меня развязывают. Лицо все в синяках и после вязок я с трудом передвигаю ноги. Прошу у санитара закурить, мне дают. Жадно выкуривая сигарету, я прихожу в себя и ужасаюсь я снова в больнице в окружение несчастных и замученных жизнью людей, которые предпочли бы смерть, чем проживать годы в больничных стенах всеми преданными.

Через три дня приезжает мама, она привозит большую придачу, добивается разговора с врачом, просит меня выписать, но заведующая отделения медлит и говорит, что у меня может быть принудка за сопротивления полиции и прочее и

прочее. Но на меня не заводят уголовного дела, не жилая новой огласке. Выписывают только после сорока дней, которые убивают мое здоровье и меня ждет мучительная и скорая смерть.

Глава четырнадцатая

Все уже как бы предрешено, я возвращаюсь из больнице, и только я знаю, что я все равно, что инвалид, у меня полное нарушение пищеварительной системы, я хожу в туалет по большому, не чащи десяти дней, раз. И самое жуткое, я начинаю слепнуть, экран на телефоне я невежу, именно что буквы их словно нет это последствия от паралитического газа, что нашпиговали мои глаза полиция. Я не признаюсь матери и делаю вид, что все хорошо. Я понимаю, что расстроенная нервная система, сделает свое дело, и ослепну окончательно и на всегда. Я вот честно, первый раз в жизни опускаю руки и как говорится все к черту, и часами смотрю видео в интернете, все равно, что я хочу запомнить тот миг, когда я мог видеть и уже когда, я практически теряю зрение, вот она абра-кадабра! Мне может, как и всем, миллионам и миллионам, приходит видео, да все равно как, главное, приходит Амосов! Именно последние при жизненное интервью, может и есть самое первостепенное для всех, для всего человечества.

Я уже как бы и не вижу, но голос, абсолютный гений рассуждения, словно сначала как жар, обдает мой разум.

— Бороться! — Бороться Артур! Деятельность, и только деятельность, вернет тебя с того света. Думай, размышляй, вставай иди…

И Господи, я, словно как разбуженный нашатырём, вспоминаю, что мама всю жизнь мучается глазами и сначала в начальной школе носит очки, потом, но маму как это бывает ее начинают дразнить, она отказывается от очков и начинает интересоваться лекарствами для поддерживания зрения, она так и всю жизнь мучается глазными болезнями, и знает многие глазные лекарства, и во всю жизнь больше не надевает очки и видит сравнительно хорошо.

Я спрашиваю.

— Мама! У меня как бы от телефона, зрение упала! Что посоветуешь?

Мама без раздумий:

— Тауфон!

— Что это?

— Это витамины для глаз, они восстанавливают пораженную систему нервных окончаниях, которое возникает при перенапряжение… Я все уже не помню.

И вспоминаю, что мама, во всю жизнь прежде принимать любое лекарство, скрупулёзно изучает инструкцию и помнит наизусть сотни наименований лекарств, которые она изучала, когда я в детстве в очередной раз был у порога смерти.

Я начинаю принимать. Но вот именно, что деятельность, нет не слипая вера, а взаимодействие. Я поднимаюсь с постели, где провел больше месяца. Сначала расхаживаюсь, начинаю смотреть по сторонам, начинаю с уборки в комнате, я в прямом смысле выношу все лишние вон из дома. В особенности книги, десятки, бреда, Байрона, в топку и вместе с ним, всю поэзию и чувства! Все чувства, до одного! Только размышления и последующие выводы. Зрение постепенно начинает восстанавливается. Я понимаю, что часовые просмотры смартфона мне сейчас не рекомендуется и принимаю самое верное, что у меня есть слушать, слушать и внимать, гения Амосова! Я слушаю все, что только есть в интернете, с начало публичные выступления. Это не простое восхищение, не вздохи, и ахи, я знаю единственное верное решение, следовать указанием, а не думать, как же это необыкновенно. Нет на свете ничего необыкновенного, есть и будет только работа, труд над собой.

Для меня лично, слова Амосова первостепенно переплетенные, улыбками, и сердечностью вот именно, человеком который любил людей, больше своей жизни и желала жить только во имя людей! Если Достоевский открыл, мне через боль и ужас, проводить четкую линию причины и следствие, то именно Амосов, открывает физиологическое построение живых тел именно нагрузки и ограничение, смысл которых в первую и наиглавнейшую очередь заключается в правильное взаимодействие. Если вы съели одну котлету, производите работу в пропорциях одной котлеты. Если вам надо произвести работу, пропорциях пяти котлет это не значит, что вы должны слопать все разом котлеты, и сделаться обезвоженными, а именно, последовательно и пошагово выполнять работу и есть котлеты. Завтрак, обед и ужин!

— После операции! — говорит Амосов после шести часов, я могу себе позволить грамм двести, а может и триста грамм хлеба.

Дело именно, что дело не именно в хлебе как в продукте, а именно в затраченной энергии и восполнении.

Я прозреваю, как зрением так именно, что частностью ума, возвращается и зрение. Импульсы взаимодействия между нейронными связями есть ключ, и

ответ, на обращение всей жизнедеятельности. Пикамилон! Как спортсмен я знаю способность этого препарата, который имеет именно воздействие на пути нейронной связи между частями головного мозга. Частей которых бесчисленное множество, миллиарды и миллиарды, если их рассматривать на уровне клетки. Но и клетка есть и возникает не на пустом месте.

Улучшение динамики активности происходит на десятый день приема Пикамилона. Штанга — равняется Б12! Что Б12 без доказательной базы, а просто, потому что накапливая в печени все равно, что неприкосновенный запас витамина, на чрезвычайную ситуацию, новый концентрированный источник, служит пропорциональному выбросу, как бы порциями. Я начинаю производить инъекции, три кубика по 500 миллиграмм единовременно, в течение трех недель. В пищи преобладает клетчатка и белок, только куриное яйцо, три яйца сваренные в крутую, но не разом а в течение дня. Начинаю повышать активность движениям, сначала путем, разгибанием конечностей, так неделю, по десять минут, три раза в день. За тем добавляя к ним, ходьбу и небольшие тяжести, с повышением активности, я принимаю калия оратат. У него на ряду, с укреплением работы сердечной мышцы, уникальное свойства вымещать токсины в первую очередь из печени. Мне надо чистить и повышать работу печени, которая от препаратов, прописанных мне Новочеркасском психиатрическом диспансере Орджоникидзе 23, отравлена. Расторопша! Принимаю, два раза в день, по чайной ложке во время приёмов пищи. Когда спустя две недели, я понимаю, что печень нет не то, чтобы приходит в норму, а готова, взаимодействовать с более сильным препаратом, начинаю принимать Гептрал! Прокалываю одну, упаковку, всю упаковку разом. При этом на и перевшие регулирую, систему мочеиспускания. Три литра воды в день, и плоды шиповника, заваривая в термосе, пол литра и выпиваю в течение два дня.

Я оживаю.

Миня никогда не интересовали ни деньги, ни война, ни что, кроме человека. Партия, Ленин, Казачество! Наши, ваши, чужие, мои. Это все вечный бой, который никогда не закончится. Только одно, путь преобразования. Все без исключения, и вселенная обречены, на разрушение и преобразования Нового! Я согласен, только если в этом Новом, будет Человек и Планета Земля! Только с тем условием, что можно все поменять и обрести шанс на новую жизнь.

Как проклятый, а я и есть проклятый всеми и вся, промерзлой комнате от зимнего мороза констатирую и излагаю эту работу, единственное спасение для Планеты Земля и Человека! Вселенная образуется путем расширения и взрыва и мировой взрыв спасением и для Земли и нас всех.

В пачке последняя сигарета! Я закуриваю, и это в первый раз, когда не наступает приступ мыслительной деятельности, которую повышает никотин, и вы несётесь, вперед, а именно, наслаждение, всего и вся. Вот Вам! Это не читают, это, следовательно произвести и мне все равно, как и кто на это решиться! Это будет Новый Герой! Я свое от геройствовал!

ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

Научная Работа для применения на практике сохранения Форм Жизни Планеты Земля.

Раздел Первый

Теория практического образования Новой Вселенной посредством расширения Информационного Поля.

Вселенная есть ни безграничное пространство, а напротив только масса тех или иных тел, которые преобразовываются и расширяются только посредством Информационного Поля. Из этого следует, что Информационное Поле и есть Вселенная! С каждым новым потоком информации невзирая какая это информация, (сколько стоит булка хлеба сегодня, и сколько умерло или родилось, людей, пролетела, сделала виток комета, потухла или взорвалась звезда), всё перечисленное расширяет Вселенную и Она будет расширяться не бесконечно, в наступления критической точки, вселенная снова, как первый раз Взорвется! Образовав Новую Вселенную посредством скопившийся информации, образовав, новые планеты, звезды, явления, жизнь! На сегодня, мы подобрались критической массе Информационного Поля и идем именно к формированию Новой Вселенной, в результате созданием интернета — глобальной информационной сети. Поток информации стал расти в арифметической прогрессии, и, что самое, тотальное, он стал копироваться, миллионы и миллиарды раз вторично тем самым подведя Нас, всё ближе к неизбежному формированию Новой Вселенной, в абсолютном исключение человека как формы жизни, Планеты Земля, Солнца, Солнечной Системы, Галактик! Вопрос? Сколько времени, осталась для человечества как живого информационного вида жизни современной Вселенной и перехода в новую? Время как явление не имеет формы. Календарный год Планеты Земля, или количество секунд, минут, часов в одних сутках не есть абсолютная мера, а лишь условная взятая за основу человечествам как ориентир по отношению к Планете Земля. Отсюда следует, что «Время» как явления есть неупорядоченная хаотичное пространство, в котором формируется Информационное Поле и оно, время является бесконечным

в отличии от Вселенной и Информационного Пространства, которое приобретая критическую точку, рушиться, взрывается и переходит в Новое Временное Измерение. Раздел Второй

Научная теория для практического применения искусственного прерывания, расширения Временного Пространства и сохранения эволюционного развития живых видов планеты Земля и путём энергии формирования новой планеты для их существования. I Чёрная дыра; — область пространства-времени, гравитационное притяжение которой настолько велико, что покинуть её не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света, в том числе кванты самого света. Граница этой области называется горизонтом событий, а её характерный размер — гравитационным радиусом. В простейшем случае сферически симметричной чёрной дыры он равен радиусу Шварцшильда. II Планета Земля, сформирована в результате расширения Временного Пространства, взрыва, и образования современной Вселенной. Отсюда следует, что, человек и человечество в целом и Планета Земля, должна неизбежно погибнуть, и путём поглощением новой сформированной энергии в результате Расширения Времени, взрыва и образования Новой Вселенной безвозвратно уйти! Что, следует, чтобы, сохранить, человека и человечества. Необходимо, формирования, новой платформы, для жизни человеческого вида ДНК. Это возможно, только путём, тотального уничтожении Планеты Земля! Путём термоядерного взрыва направленного в глубины Планеты! В результате освобождённая энергия, будет, являться, как и колоссальным энергетическим явлениям, так и носителем всей цепочки ДНК современного человека. Данный энергетический поток, сможет путём выхода энергии сформировать путь в « черную дыру“ энергетический портал и заполнить пустоту на выходе из неё тем самым образовав из энергий и ДНК человека, новую платформу, для места, обитания человека. В противном случае, человек и человечество обречены, на тотальное уничтожения, по средства „Теории Времени“ III „H;O + O; = &» Есть бесконечная и первостепенная величина взаимодействия химических элементов для всего живого на Планете Земля. Но если путем получения на и Высшего Летучего Оксида Кислорода в результате чего доля кислорода в окружающей среде составит 0,99% произойдет Новое молекулярное построения частиц воздуха. Все тяжелые металлы вступят взаимодействия друг с другом посредствам мгновенной диффузии. В результате чего явится совершенный Новый молекулярный химический элемент абсолютной кислоты, которая замещая все живое на Планете Земля составляющее из атома. Сначала расщепить атом а после растворит его до без остатка. В результате чего Планета Земля обратившись в лучистую энергию, пронзит пространства и найдёт выход образовав новую человеческую эру сформировав Новую Планету Земля со всеми показаниями, нахождениями и эволюцией живых организмов.

Как получить необходимую реакцию в кислороде для построения абсолютной Кислоты? Прекратить фотосинтез Земли. Как? Истощить весь водный ресурс Планеты! Каким способом? Разломом Земной коры! Создания не внешнего, а внутреннего землетрясения! Углубить мощный заряд ядерного носителя глубже Земной коры! Место? Озеро Байкал, образовавшиеся в результате глубочайшего разлома земной коры открыв мантию Земли и путь к ядру Земли! В последствия взрыва сотрясение ядро Земли даст выброс тепловой энергии, которая испарить всю воду на Земле. Круговорота воды в природе окончательно прекратится, кислород выпадет в осадок из атмосферы… Расчёт получения данного явления, озеро Байкал. Нахождения, окончательного разлома — теорема Пифагора!! Ядерный, Заряд, 9 000 000 килотонн!

2025